

РОССИЙСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ЯРОСЛАВСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ЯРОСЛАВСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК

ВЫПУСК 3 (54)

МОСКВА – ЯРОСЛАВЛЬ
2022

ЯРОСЛАВСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

Редакционная коллегия

А.А. Карпов (гл.ред.)
 Н.П. Ансимова
 А.А. Волченкова
 О.Ю. Камакина
 Е.В. Карпова
 М.М. Кашапов
 Н.В.Клюева
 В.В.Козлов
 Е.В.Конева
 И.В. Кузнецова
 Е.В.Маркова
 В.А. Мазиллов
 Н.В. Нижегородцева
 Т.М. Панкратова
 Ю.П. Поваренков
 И.Г. Сенин
 И.В. Серафимович
 Е.В. Соловьева (техн. секретарь)
 В.К. Солондаев (отв.секретарь)

Редакционный Совет

Ю.И. Александров
 Т.Ю. Базаров
 А.Н. Веракса
 Э.В. Галажинский
 А.И. Донцов
 А.Л. Журавлев
 Ю.П. Зинченко
 В.В. Знаков
 П.Н. Ермаков
 А.В. Карпов
 С.Б. Малых
 Н.Н. Нечаев
 В.И. Панов
 В.Ф. Петренко
 А.О. Прохоров
 А.А. Реан
 Е.А. Сергиенко
 Д.В. Ушаков
 М.А. Холодная
 В.Д. Шадриков
 А.В. Юревич

Учредитель – Российское Психологическое Общество

Издается с 1999 года

ISSN 1813-5587

Адрес редакции: 150057, г.Ярославль, пр-д Матросова, д. 9, каб. 207.

Тел.: 8(4852) 48-22-93

Материалы для публикации направлять по адресу:

karrov.sander2016@yandex.ru

Ярославский психологический вестник, №3 (54), 2022.

Отпечатано в РПФ «Титул», ИП Маренков А.В.
 Ярославль, Московский пр-т, 1А, стр.5, тел. (4852) 59-41-52

Сдано в набор 22.11.2022 г. подписано в печать 28.11.2022г.
 Бумага офсетная 60х90 1/8. Тираж 100. Заказ 1486

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ

А. В. Карпов

Структурная экспликация метода психологических профилей7

ПСИХОЛОГИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. А. Карпов, А. И. Калачева, А. А. Волченкова

Содержание и специфика метакогнитивной регуляции деятельности субъектно-информационного класса23

Н. В. Клюева, Е. А. Серова

Межпоколенческие различия в просоциальном поведении волонтеров36

И. Г. Сенин

Различия выраженности личностных характеристик в противоположных типах профессионального окружения.....41

А. В. Карпов, А. В. Чемякина, А. А. Волченкова

Структурные закономерности метакогнитивной регуляции информационной деятельности46

К. Р. Спицына

Программа эмпирического исследования специфики функционального комфорта работников виртуальной организации63

ОБЩАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

С. Ю. Коровкин

Функции и свойства мыслительных схем в инсайте72

Ю. А. Латушкина, Н. В. Прокопенкова, П. А. Побокин

Социально-психологические особенности дезадаптации несовершеннолетних как процесс нарушения социальной адаптации80

М. М. Темиргалиева, Е. В. Конева

Манифестация синдрома зависимости от психоактивных веществ как кризисное состояние ...85

Н. Ю. Акатова, С. Ю. Коровкин

Влияние когнитивной нагрузки на бессознательные процессы в принятии решений.....91

Е. Ю. Чичук

Исследование взаимосвязи уровня эгоизма с межличностными отношениями99

В. Н. Алексеева

Сценарий отложенной жизни и способы его замещения 103

А. С. Афанасьева, О. В. Кустова

Влияние социальных сетей на личностный рост человека 107

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ В 2022 ГОДУ

К Юбилею Светланы Николаевны Батраковой..... 112

К Юбилею Татьяны Борисовны Венцовой..... 115

К Юбилею Елены Васильевны Драпак..... 118

О Раисе Артуровне Зубаировой 120

Ко Дню рождения Светланы Ивановны Ериной..... 121

К Юбилею Сергея Михайловича Кашапова	123
Комета по имени ЗУБР. К 65-летию В. В. Козлова	126
Надежда Викторовна Нижегородцева	129
К Юбилею Юрия Павловича Поваренкова	131
Совсем не трудно быть Богом. К 70-летию Владимира Петровича Позняка	134
К Юбилею Ларисы Юрьевны Субботиной	139
К Юбилею Светланы Алексеевны Трифионовой	141
К Юбилею Вячеслава Леонидовича Шкаликова	144
Знаете, каким он парнем был! К 70-летию со дня рождения Александра Валерьевича Панкратова	146
Памяти Маргариты Макаровны Рыбаковой	148
Итоги Всероссийского психологического форума и VII Съезда Российского психологического общества	151
Книга Анатолия Викторовича Карпова признана лучшей монографией по психологии за пять лет!	152
Аннотации статей на английском языке. Abstracts	154
Сведения об авторах	159

CONTENTS

METHODOLOGY OF PSYCHOLOGY

A. V. Karpov

Structural Explication of the Method of Psychological Profiles7

PSYCHOLOGY OF ACTIVITY

A. A. Karpov, A. I. Kalacheva, A. A. Volchenkova

The Content and Specificity of Metacognitive Regulation of the Activity of the Subject-Information Class23

N. V. Klyueva, E. A. Serova

Intergenerational Differences in the Prosocial Behavior of Volunteers36

I. G. Senin

Differences in Personal Characteristics Scores in Opposite Types of Professional Environment41

A. V. Karpov, A. V. Chemyakina, A. A. Volchenkova

Structural Patterns of Metacognitive Regulation of Information Activity46

K. R. Spitsyna

Program of the Empirical Study of Functional Comfort Specifics of Virtual Organization Employees .63

GENERAL AND SOCIAL PSYCHOLOGY

S. Yu. Korovkin

Functions and Qualities of the Mental Schemes in Insight72

Yu. A. Latushkina, N. V. Prokopenkova, P. A. Pobokin

Socio-Psychological Features of Disadaptation of Minors as a Process of Violation of Social Adaptation80

M. M. Temirgalieva, E. B. Koneva

Manifestation of Addiction Syndrome as Crisis Stage of Human85

N. Yu. Akatova, S. Yu. Kodrovkin

Cognitive Load of Unconscious Processes in Decision Making91

E. Yu. Chichuk

The Study of the Relationship between the Level of Selfishness and Interpersonal Relationships.....99

V. N. Alekseeva

Postponed Life Scenario and Ways to Replace It103

A. S. Afanasyeva, O. V. Kustova

The Impact of Social Networks on a Person's Personal Growth.....107

ANNIVERSARIES IN 2022

To the Jubilee of Svetlana Nikolaevna Batrakova112

To the Anniversary of Tatiana Borisovna Ventsova115

To the Jubilee of Elena Vasilyevna Drapak.....118

About Raisa Arturovna Zubairova120

On the Birthday of Svetlana Ivanovna Erina121

To the Anniversary of Sergei Mikhailovich Kashapov123

A Comet Named ZUBR. To the 65th Anniversary of V. V. Kozlov126

Nadezhda Viktorovna Nizhegorodtseva	129
To the Anniversary of Yuri Pavlovich Povarenkov	131
It's not at All Difficult to be a God. To the 70th Anniversary of Vladimir Petrovich Poznyakov	134
To the Jubilee of Larisa Yurievna Subbotina	139
To the Anniversary of Svetlana Alekseevna Trifonova	141
To the Anniversary of Vyacheslav Leonidovich Shkalikov	144
You Know What Kind of Guy he Was! To the 70th Anniversary of the Birth of Alexander Valeryevich Pankratov	146
In memory of Margarita Makarovna Rybakova	148
Results of the All-Russian Psychological Forum and the VII Congress of the Russian Psychological Society	151
Anatoly Viktorovich Karpov's Book Has Been Recognized as the Best Monograph on Psychology in Five Years!	152
Abstracts	154
Personalities	159

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9

Структурная экспликация метода психологических профилей

А. В. Карпов, г. Ярославль, Российская Федерация

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ); номер проекта 21-18-00039

Аннотация. Представлены результаты теоретического анализа метода психологических профилей, на основе которого вскрыта и проинтерпретирована глубинная связь данного метода с методологией структурно-психологического исследования. Обосновано положение, согласно которому этот метод, с одной стороны, и методология структурно-психологического анализа, с другой, являются двумя взаимодополняющими уровнями исследования. Дифференцированы два основных типа профилей – «пилообразный» и «платообразный», выявлены и объяснены детерминанты собственно психологического плана, которые сопряжены с каждым из них, а также качественные различия в содержании и степени выраженности механизмов и средств интегративного типа, эксплицирующихся ими. Рассмотрены ключевые вопросы эпистемологического плана, формулирующиеся на стыке методологии профильного и структурно-психологического исследования.

Ключевые слова: структура, метод структурного анализа, многомерный анализ, метод психологических профилей, структурные закономерности.

I

Одним из весьма действенных и конструктивных методов исследования в психологии личности, равно, впрочем, как и в ряде иных направлений, является, как известно, метод «психологических профилей», предложенный отечественным ученым Г. И. Россолимо [21]. В оригинальном варианте метода выделяются 11 психических профилей (в терминологии автора – воля, внимание, точность и прочность восприимчивости, зрительная память, память на речь, память на числа, осмысление, комбинаторные способности, сметливость, воображение, наблюдательность). Профили оцениваются по десятибалльной шкале. Графически высота каждого профиля выражалась высотой ординаты: из показателей вычислялась средняя высота психологического профиля. Метод стал первым профильным изображением результатов измерения интеллектуальных способностей. Г. И. Россолимо считал, что профиль имеет диагностическое значение для определения дефективности личности, степеней умственной отсталости (значительная, средняя или слабая), а также характера отсталости (недостатки высших психических процессов, слабость психического тонуса). Он предложил также и одну из первых классификаций профилей, включающую так называемый низкий, средний и высокий профили.

К настоящему времени накоплен обширный опыт использования данного метода в самых разных направлениях психологических исследований, в результате чего, в частности, оформились два достаточно отличающихся друг от друга значения самого этого понятия. В первом значении, которое можно условно обозначить как «широкое», оно используется как средство фиксации определенного набора, совокупности, точнее – паттерна тех или иных качеств индивида, прежде всего, конечно, личностных. Это значение очень близко или даже во многом тождественно понятию «психологического портрета» личности; оно, в частности, лежит в основе целого ряда интерпретационных схем результатов психодиагностического обследования – например, в методике Р. Кеттелла [26]. Во втором значении, которое можно обозначить как «узкое» данный метод предполагает экспликацию результатов того или иного исследования посредством их отображения на координатной сетке, образованной двумя осями – абсциссой и ординатой. На первой отображаются изучаемые параметры (например, личностные качества),

а на второй – степень их выраженности, развития. В итоге совокупность исследуемых параметров представляется в наглядной форме – в форме именно определенного профиля, конфигурации кривой, образованной линией, соединяющей значения изучаемых параметров. Кроме того, данный метод – особенно во второй его разновидности получил и ряд модификаций, одна из которых состоит в методе «параллельных профилей» [24]. Сущность данной модификации состоит в том, что на координатной сетке отображается не один, а два (или более) профиля, что создает благоприятные и несложно реализуемые возможности для их сравнительного изучения (даже посредством чисто визуального анализа). Так, например, эта разновидность воплощена в методе сравнения «реальной и идеальной работы», применяемом в психологии мотивации профессиональной деятельности [24]. Сущность данного метода, напомним, состоит в том, что она координатной сетке отображаются два профиля показателей, обуславливающих удовлетворенность трудом. Первый соединяет значения параметров удовлетворенности в том виде, в каком они представлены *реально* – в исследуемой деятельности, точнее – оценки индивидом степени их выраженности в ней. Вторым соединяет оценки тех же параметров, но в их своего рода *идеальном* виде – в той мере выраженности, в которой их хотел бы видеть респондент. Сравнение «реального» и «идеального» профилей позволяет выявить и проинтерпретировать места наибольших рассогласований тех мотивационных экспектаций, которые существуют у индивида с последующим выходом на формулировку прикладных рекомендаций по оптимизации мотивационного обеспечения деятельности.

Существуют, разумеется, и иные модификации данного метода, точнее – той идеи, которая лежит в его основе. Так, например, на этой основе разработан «профильный» способ представления уровней развития профессионально-важных качеств в их нормативно-требуемом виде, с одной стороны, и в реально представленном по отношению к обследуемому индивиду виде. В итоге в наглядной форме отображаются сравнительные уровни развития всей совокупности этих качеств, что позволяет определить характер и меру их рассогласования [20]. Кроме того, и один из наиболее современных методов исследования профессиональной деятельности – метод профайлинга также имеет непосредственную связь с рассматриваемым методическим подходом – профильным [3]. Не ставя, разумеется, в данной работе задачу рассмотрения всех разновидностей данного метода, обратим внимание на одну, но очень важную, по нашему мнению, группу результатов, к которым привело его, повторяем, уже очень длительное использование в разных отраслях и направлениях. Они были получены как наших собственных исследований, так и в работах других авторов. В связи с этим, в дальнейшем мы будем опираться как на те, так и на другие.

II

Смысл этих результатов состоит в следующем. При обработке и последующем представлении результатов эмпирических, экспериментальных, психодиагностических и иных исследований они, действительно, могут быть отображены в виде определенных профилей. В итоге такого отображения совокупность результатов предстает как некоторая конфигурация самого профиля – его форма. В свою очередь, она может весьма существенно варьировать по самым разным основаниям. Так, в частности, уже Г. И. Россолимо, как отмечалось выше, указывал на одно из главных среди них – на «высоту» профиля, то есть на то, в какой мере развития, выраженности, сформированности представлены изучаемые параметры. Так, он указывал «Центр главного нашего интереса ... заключается в определении, при помощи исследования психологического профиля, высоты отсталости, то есть степени отсталости или вернее, силу психо-механики учащих, и для достижения этой основной нашей цели мы и постарались использовать все упомянутые точки зрения, как мерил проверки нашего метода. Результаты получились: мы могли проследить довольно полное соответствие между показателями профиля с одной стороны, и медико-педагогическими характеристиками, приведёнными к распределению по учебным заведениям, с другой» (цит. по [21]). Вместе с тем, существует и еще одно – не менее, а не исключено, и более значимое основание для дифференциации форм, конфигураций профилей, учет и использование которого обладает большими эвристическими возможностями. Действительно, как показывает достаточно большой опыт использования данного метода, очень часто и весьма отчетливо дифференцируются два *основных* типа профилей, которые различаются по тому, насколько различны (или сходны) количественные значения отображенных на них параметров. Если эти значения характеризуются близостью или подобием количественных значений, то есть все они или их большинство представлены в приблизительно сходной мере, то имеет место так называемый «*платообразный*» профиль («*плоский*», конкордантный, ровный). Он, в свою очередь, может локализоваться на разном уровне представленности – быть в терминологии Г.И. Россолимо либо высоким (и свидетельствовать об одинаково высоком уровне развития всех параметров), либо низким (и свидетельствовать о недостаточном уровне развития параметров). Если же значения исследуемых параметров характеризуются выраженными раз-

личиями в их количественной мере, то имеет место иной тип профиля – «*пилообразный*» (дискордантный, «острый»). Собственно говоря, два этих термина, несмотря на их метафоричность, – «плато» и «пила» прочно вошли в профессиональный лексикон психодиагностов и исследователей проблематики индивидуальных качеств, равно как и представителей иных психологических направлений. Разумеется, как и в большинстве аналогичных случаев, то есть при дихотомической дифференциации типов, имеет место и еще один их вариант – так называемый «средний», «промежуточный» профиль, который нельзя отнести ни к платообразному, ни к пилообразному. Более того, он в частотном отношении даже еще более выражен, что, впрочем, всегда имеет место в психодиагностических исследованиях и характеризует так называемую среднюю группу, имеющую наибольшую представленность в популяции. Вместе с тем, как показывает опыт исследований, именно два крайних варианта профилей характеризуются наиболее существенными различиями в тех деятельностных, поведенческих, личностных и иных параметрах, которые систематически фиксируются по отношению к ним. Более того, эти различия не только множественны, они и весьма существенны, затрагивая, в том числе, наиболее обобщенные деятельностные и поведенческие аспекты. Причем, главное состоит в том, что практически всегда лишь один из них – вполне определенный, то есть платообразный сопрягается с существенно более выраженным значением любого так называемого «внешнего критерия». Проще говоря, именно он практически всегда связан с более высокими качественными значениями той или иной деятельностной или поведенческой активности. Причем, эта связь настолько рельефна, что следует говорить не столько о том, что они *связаны* друг с другом, но и о том, что сам профиль (точнее, та реальность, которая в нем отражена) – его тип как раз и является *детерминантой* высоких значений внешнего критерия. Отметим в данной связи лишь некоторые, но достаточно показательные примеры сказанного.

III

Так, в одном из исследований нами был получен следующий результат. В нем изучалась сравнительная мера адаптированности к условиям вузовского образования студентов разных временных периодов (поколений) – первокурсников, обучавшихся в 2021 и 2011 г. (см. рис. 1).

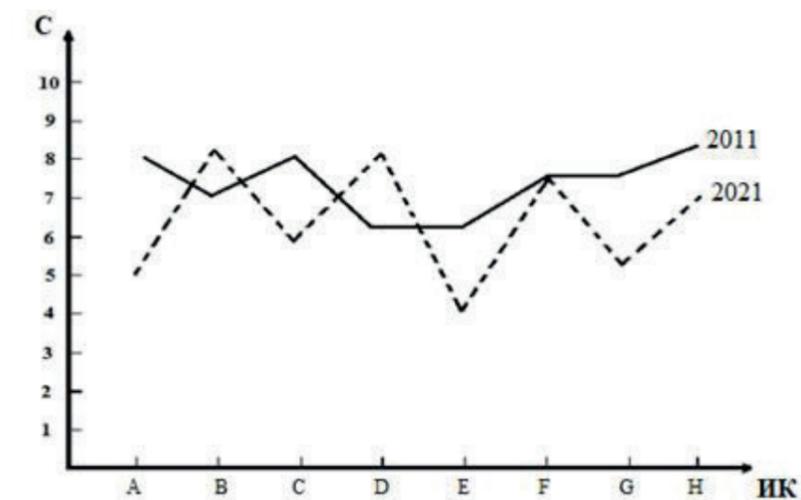

Рис. 1. Степень выраженности адаптивно-важных качеств в двух обследованных группах. Обозначения: ИК – индивидуальные качества; С – степень выраженности; А – поведенческая регуляция (А. Г. Маклаков С. В. Чермянин); В – принятие других (К. Роджерс, Р. Даймонд); С – стремление к доминированию (К. Роджерс, Р. Даймонд); D – коммуникативный потенциал (Д. Кэмпбелл); E – эмоциональная стабильность (Ч. Спилбергер); H – толерантность к конфликтному поведению (Д. Кэмпбелл).

Можно видеть, что первые демонстрируют «платообразный» профиль, а вторые – «пилообразный». Важно, однако, и то, что общая мера адаптированности, определенная по методике, оказалась также существенно разной для этих групп студентов – в первой из них она значимо ($p < 0,05$) выше. Следовательно, эксплицируется факт принципиального плана: именно «платообразный» профиль связан с более высоким значением внешнего критерия – адаптированностью. Причем, повторяем, по-видимому, не просто связан, но и выступает важной детерминантой этого. И наоборот, «пилообразный» профиль не просто связан с меньшей адаптированностью, но также является ее значимой детерминантой.

Аналогичный в принципе результат был получен и в еще одном исследовании, выполненном под нашим руководством и также связанном с проблемой вузовской адаптации, но в существенном ином плане [23]. В нем изучались личностные детерминанты адаптированности иностранных студентов (ангольцев, обучавшихся на факультете психологи Ростовского университета) к условиям вузовского обучения в России. Общий смысл полученных результатов состоит в том, что именно «платообразный» профиль личностных детерминант – адаптационно-важных качеств, то есть сходная мера из развития сопряжена с более высоким уровнем адаптированности. И наоборот, студенты, характеризующиеся «пилообразным» профилем, обнаружили значимо меньшую адаптированность. Вновь работает правило, зафиксированное в схематизированном – не вполне строгом, но верном по сути выражении: «плато» – хорошо, «пила» – плохо.

Далее, можно привести примеры других аналогичных по смыслу исследований. Так, в одном из наших исследований изучалась взаимосвязь степени развития основных «составляющих» метакогнитивной сферы личности – ее базовых подсистем и эффективности деятельности¹. Методом «полярных групп» на основании результатов экспертной оценки выборка IT-специалистов была разделена на группу «успешных» и «неуспешных». Затем по отношению к каждой из них посредством разработанного нами опросника КОМП (комплексного опросника метакогнитивного потенциала) были определены показатели уровни сформированности восьми основных подсистем метакогнитивного плана, то есть тех, которые лежат в основе высшего уровня организации данной деятельности – произвольного, ведущую роль в котором играют средства метакогнитивной регуляции. В итоге получены результаты, представленные на рис. 2.

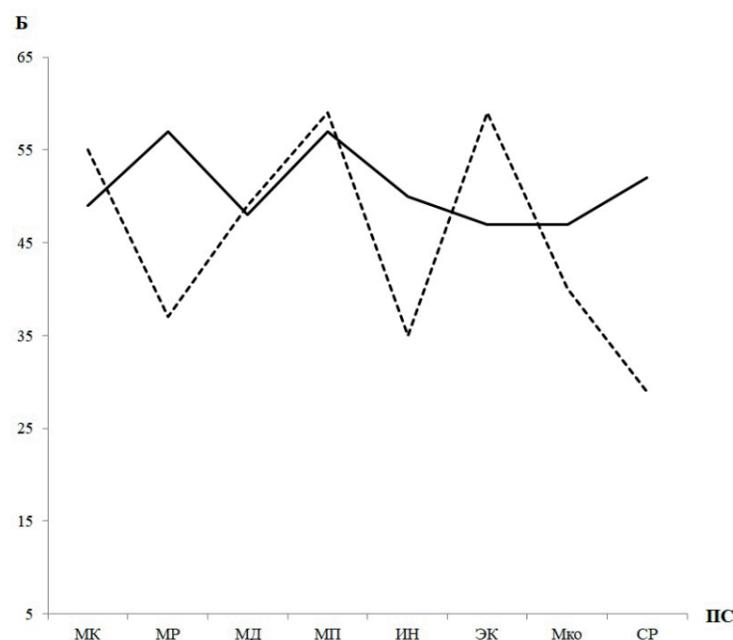

Рис. 2. Профили степени развития подсистем метакогнитивной сферы личности для групп с разной эффективностью деятельности. Обозначения: МП – метакогнитивные подсистемы; Б – степень развития подсистем (в баллах методики); МК – метакогнитивная, МР – метарегулятивная, МД – метадекларативная, МП – метапроцедуральная, ИН – ингибиторная, МКО – метакоммуникативная, ЭК – эндокогнитивная и СР – саморегулятивная подсистемы; сплошная линия – группа испытуемых с относительно более высоким значением эффективности деятельности; пунктирная линия – группа испытуемых с относительно более низким значением эффективности деятельности.

Можно видеть, что и в этом случае эксплицируется результат, принципиально подобный рассмотренным. Относительно большая эффективность деятельности (то есть более высокое значение того критерия, в отношении которого проводится исследование, – в данном случае эффективности) опять-таки

¹ Эти подсистемы выявлены в одной из наших работ [15], а их общий состав включает восемь подсистем, обозначенных терминами метакогнитивной, метарегулятивной, метадекларативной метапроцедуральной, ингибиторной метакоммуникативной, эндокогнитивной и саморегулятивной подсистем.

сопряжена с «платообразным» профилем, а относительно меньшая эффективность – с «пилообразным».

В работе [5] исследовалась и еще один вопрос, сходный с рассмотренными выше – связь общего метакогнитивного потенциала личности с уровнем развития отдельных параметров, но уже не метакогнитивной сферы, а основных собственно когнитивных операций. Полученные результаты представлены на рис. 3.

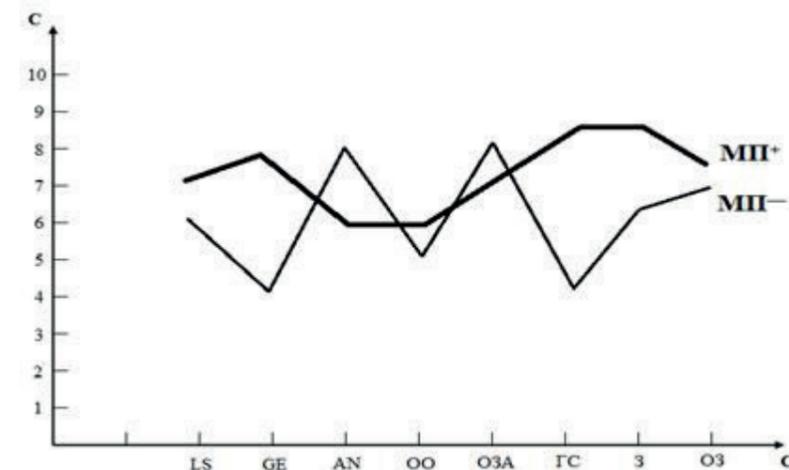

Рис. 3. Профили степени развития отдельных когнитивных операций для двух «полярных групп» – с наименьшей и с наибольшей выраженностью метакогнитивного потенциала. Обозначения: С – показатели шкалы стенов; СТ – субтесты психодиагностической методики ТУС Р. Амтхауэра (LS, GE, AN, OO, O3A, GC, 3, O3), а также методика «Опосредствованное запоминание» (O3); МП+ и МП- – соответственно, группы с относительно низкими и относительно высокими значениями метакогнитивного потенциала.

Можно видеть, что и в этом случае выявляется принципиально та же самая закономерность: более высокие значения того критерия, в отношении которого проводится сравнение профилей, сопряжены с «платообразным» профилем, тогда как более низкие его значения – с «пилообразным» профилем. Вместе с тем, обратим внимание на то, что в данном исследовании речь идет уже не о «внешнем критерии», а о критерии «внутреннем». Дело в том, что в его качестве выступает не какая-либо объективированная сущность (как, например, уровень адаптированности), а степень сформированности одного из важных аспектов субъективной, то есть именно «внутренней» реальности – величина метакогнитивного потенциала личности. Данное обстоятельство вновь заставляет поставить вопрос о том, имеет ли здесь место простая сопряженность, или же – детерминационные отношения между типом профиля и значением рассматриваемого критерия. И, если справедлив второй вариант, то каковы причины и, возможно, механизмы такой детерминации. В чем смысл данной связи, почему она существует и что за ней стоит? Каково ее содержание и «техника» влияния?

IV

При решении данного вопроса достаточно велика опасность поддаться искушению «простых и понятных» ответов на него, которые, действительно, на первый взгляд, представляются очевидными. Так, например, можно объяснить данный результат тем, что у лиц с «пилообразным» профилем в явной форме представлены и такие качества (параметры), которые характеризуются выраженной дефицитностью – низким уровнем развития. Тем самым, эти «дефициты» могут накладывать объективные ограничения на реализацию того или иного критерия. Более того, они могут и блокировать его реализацию. Известно, что «выпадение» какого-либо необходимого звена – компонента из функционирования системы ведет к ее деструкции или же к невозможности реализации ее важных функций. Другое объяснение состоит в том, что в случае дефицитной представленности некоторых компонентов система вынуждена расходовать очень существенную часть своего ресурса не на функционирование как таковое, а на компенсацию этой дефицитности, что, конечно, сказывается и на ее результативных характеристиках. Возможны и иные варианты аналогичных способов решения этого вопроса.

Вместе с тем, по отношению к ним существуют и такие данные, которые, не отрицая их полностью, показывают их ограниченность и не полную корректность. Так, например, хорошо известно, что сложноорганизованные системы могут достигать высокой эффективности функционирования не столько за счет равномерного обеспечения всех своих компонентов на среднем или выше среднего уровне, а дру-

гим путем. Он заключается в приоритетном развитии только некоторых из них – но таких и в такой мере, которые обеспечивают именно прорывной характер самого развития, обеспечивая формирование эксклюзивных характеристик системы. Наиболее известной иллюстрацией этого является пример из психологии профессиональной деятельности. Так, исключительных успехов в своей профессиональной деятельности и вообще – результатов, заведомо превосходящих нормативный уровень, добиваются обычно отнюдь не те профессионалы, у которых все компоненты их деятельности сформированы на высоком уровне. Напротив, это присуще тем профессионалам, в чьей деятельности существуют такие компоненты, которые развиты на исключительно высоком уровне (хотя многие иные компоненты могут быть развиты на уровне даже ниже среднего) [20]. Аналогичная закономерность выявлена и в спортивной деятельности. Известно, что многие выдающиеся спортсмены являются таковыми – исключительными в своем деле не потому, то они «все умеют на высоком уровне», а потому, что исключительно хорошо владеют лишь некоторыми из профессиональных приемов, способов, техник и пр., – причем, настолько хорошо, что их противники, зная об этом, ничего не могут противопоставить [17]². В более общем плане это же обстоятельство зафиксировано и в известной – наиболее перспективной и продуктивной стратегии эволюционного развития систем как таковых. Ей, как известно, выступает не стратегия равномерного повышения уровня всех компонентов, а стратегия «прорывного» развития лишь некоторых из них, но в такой степени, которая переводит функционирование системы на качественно иной уровень.

Кроме того, при решении данного вопроса необходимо, по нашему мнению, учитывать одну из важных закономерностей развития представлений в целом – как относительно отдельных предметов изучения, так и относительно большинства научных направлений. Она состоит в том, что такого рода представления, как правило, проходят две основные фазы своего развития, два этапа эволюции – *аналитическую* и *системную*. Собственно говоря, именно это и отражено в смене основных гносеологических парадигм научного познания – аналитической – предметоцентрической и системной – системоцентрической. Подчеркнем также, что важнейшей чертой второй из них является приоритетное исследование именно механизмов и средств, процессов и феноменов интегративного, организационного плана в основе которых, в свою очередь, лежат закономерности структурного типа и механизмы структурообразования как таковые. Они непосредственно обуславливают те организационные – системные по природе и синергетические по «технике» механизмы, которые и составляют содержание системности как таковой – как принципа организации и функционирования объектов.

В связи с этим, представляется очевидным, что «профильный» подход в целом и метод психологических профилей, в частности, очень полно и явно соответствуют идеологии именно первой из отмеченных фаз и подходов – аналитической. Более того, они являются так сказать его апогеем, что, как известно, эксплицируется в «высшем» варианте самого аналитического подхода – в комплексном походе, поскольку он означает не просто аналитическое рассмотрение предмета, а так сказать множественно аналитическое рассмотрение, поскольку раскрывает предмет в комплексе аналитически дифференцированных аспектов. Тем не менее, он не выходит за рамки исходной аддитивности – атомистичности, парциальности и не обладает возможностями раскрытия механизмов интегративного типа в целом и структурообразующего плана, в частности, которые и придают изучаемому объекту реальную организованность. Следовательно, исходя из сказанного, можно предположить, что решение сформулированного вопроса может быть найдено посредством перехода от аналитического способа исследования, который и воплощен в методе психологических профилей, к структурному способу и уровню изучения. Очень показательно (и доказательно), что именно такая логика развития представлений в значительной мере как раз и эксплицируется по отношению к рассматриваемому вопросу. Действительно, как показано, в большом количестве работ, исследование субъектных детерминант профессиональной деятельности, равно как и других форм активности личности, проходит в своем развитии именно те две фазы, которые констатированы выше – аналитическую и системную. На второй из них они подвергаются исследованию с позиций разработанного в настоящее время, в том числе и в наших исследованиях, метода структурно-психологического анализа [6, 8]. Его характеристика представлена в ряде работ, а процедурная составляющая данного подхода состоит в следующем [9]. Данный метод предполагает применение по отношению ко всей совокупности полученных данных процедуры многомерного корреляционного анализа. Она включает в себя метод определения матриц интеркорреляций исследуемых параметров (в нашем случае основных параметров метакогнитивной сферы личности), метод построения структурограмм значимо коррелирующих параметров, метод вычисления индексов

² Например, выдающийся футболист прошлого – Гарринча блестяще владел фирменным для него финтом и практически всегда использовал его. Причем, делал это настолько эффективно, что соперники, зная об этом – о том, что этот прием будет применен и готовясь к нему, – ничего не могли противопоставить [22]. Другой пример – это так называемые «коронные» приемы у борцов. Выдающиеся представители этого вида спорта, как правило, применяют достаточно небольшой арсенал приемов или даже – единицы, но делают это так, что никто другой не может их повторить и противопоставить им контрмеры [17].

структурной организации, а также метод χ^2 для определения гомогенности-гетерогенности матриц интеркорреляций. Напомним также, что сущность метода определения *индексов* структурной организации состоит в следующем. К этим индексам относятся индекс *когерентности* структуры (ИКС), индекс *дивергентности* (дифференцированности) структуры (ИДС) и индекс *организованности* структуры (ИОС). Индекс когерентности структуры параметров определяется как функция числа положительных значимых связей в структуре и степени их значимости; индекс дивергентности структуры (ИДС) – как функция числа и значимости отрицательных связей в структуре; индекс организованности структуры (ИОС) – как функция соотношения общего количества положительных и отрицательных связей, а также их значимости. Связям, значимым при $p < 0,01$, приписывается «весовой» коэффициент 3 балла; связям, значимым при $p < 0,05$, приписывается «весовой» коэффициент 2 балла. Полученные по всей структуре «веса» суммируются, что позволяет получить значения указанных индексов. Кроме того, определялись и структурные веса каждого из компонента структуры. Такой метод позволяет, как известно, выявить и охарактеризовать детерминацию какого-либо явления не только в плане его аналитических, «единичных» связей с отдельными индивидуальными качествами или иными параметрами, но и в плане его комплексной – структурной обусловленности их целостными подсистемами.

V

Реализация данного подхода по отношению к рассматриваемой здесь проблеме точнее – дополнение им тех данных, которые получены на основе метода психологических профилей, позволила установить следующий – общий и принципиальный результат. Подчеркнем, что он является именно общим, поскольку выявляется практически во всех случаях – в том числе и во всех приведенных выше исследованиях. Его смысл может быть продемонстрирован следующим образом. Так, если обратиться к данным, представленным на рис. 1, то дополнение «профильных» результатов двух групп испытуемых результатами структурно-психологического изучения, то есть определением матриц интеркорреляций исследованных параметров и последующим анализом их целостных структурограмм (коррелограмм) показывает следующее. На рис. 4 представлены структурограммы этих параметров в двух изученных группах.

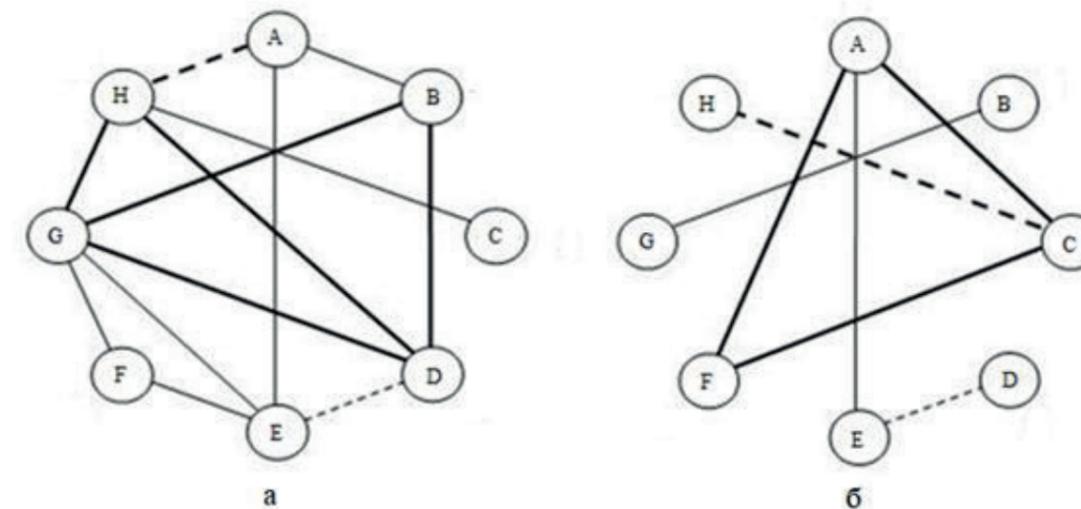

Рис. 4. Структурограммы адапционно-важных качеств. Обозначения: А – поведенческая регуляция, В – принятие других, С – стремление к доминированию, D – коммуникативный потенциал, E – эмоциональная стабильность, F – интеллект, G – интернальность, H – толерантность к конфликтному поведению; а – 2011 г., б – 2021 г., жирная линия – связи, значимые на $p < 0,01$; полужирная линия – связи, значимые на $p < 0,05$; сплошные линии – положительные связи; пунктирные линии – отрицательные связи; ИОС (а)=32, ИОС (б)=18.

Можно видеть, что мера структурированности – организованности, выраженная в величине индексов организованности (и когерентности) структуры во второй группе практически в 2 раза выше, чем в первой. Именно этим во многом и определяется большая адаптированность данной группы, поскольку организация отдельных компонентов (адапционно-важных качеств) ведет к порождению синергетических эффектов, знаменующих, в свою очередь, прибавку потенциала всей совокупности организуемых «частей» – в данном случае адапционно-важных качеств.

Наконец, этот же результат эксплицирует и еще одно обстоятельство, представляющееся наибольшим интересом именно в плане рассматриваемых здесь вопросов. Оно состоит в том, что «пилообразный» профиль сопряжен со значимо меньшей структурированностью изучаемых компонентов – качеств, тогда как «платообразный» профиль характеризуется значимо большей структурированностью. Иными словами, степень организованности компонентов, обуславливающих тот или иной «внешний критерий» – в данном случае индивидуальных качеств как детерминант адаптированности, значимо выше в группе с «платообразным» профилем. Этот же тезис можно сформулировать и в несколько ином виде – сам «платообразный» профиль качеств является, по-видимому, комплексной детерминантой более высоких значений «внешнего критерия». При этом, разумеется, такой детерминантой является не сам профиль, а та реальность, которая в нем эксплицируется. Реальность же эта состоит в том, что в данной группе степень развития отдельных индивидуальных качеств представлена в относительно соразмерном, пропорциональном виде – они характеризуются сходством этой степени. Одновременно в группе с «пилообразным» профилем степень развития отдельных качеств существенно различается, они представлены в очень разной мере выраженности. Таким образом, с очевидностью следует вполне обоснованный и практически верифицированный вариант ответа на основной сформулированный выше вопрос. «Платообразный» профиль потому и имеет преимущества перед «пилообразным», что он является отражением и воплощением существенно большей степени структурированности – организованности, интегрированности компонентов (в данном случае – индивидуальных качеств). И лишь определенной инерционностью традиционных представлений в данной области можно объяснить тот факт, что до сих пор эта – хотя, конечно, и очень важная, но в принципе явная закономерность не была распознана и объяснена. Правда, «явной» и вполне очевидной она становится лишь после того, как саму эту проблему перевести на иной, нежели традиционный, уровень рассмотрения – с аналитического на структурный.

Наряду с этим, следует особо подчеркнуть, что представленный выше результат является отнюдь не единичным: напротив, он приведен здесь имен потому, что является *репрезентативным* по отношению практически ко всем аналогичным исследованиям, он многократно выявляется и в иных, в том числе проведенных нами исследованиях. Так, если обратиться к данным исследования, результаты которого приведены на рис. 5 и дополнить их материалами структурно-психологического исследования, то выявляется следующая картина. На рис. 5 приведены структурограммы для двух групп испытуемых.

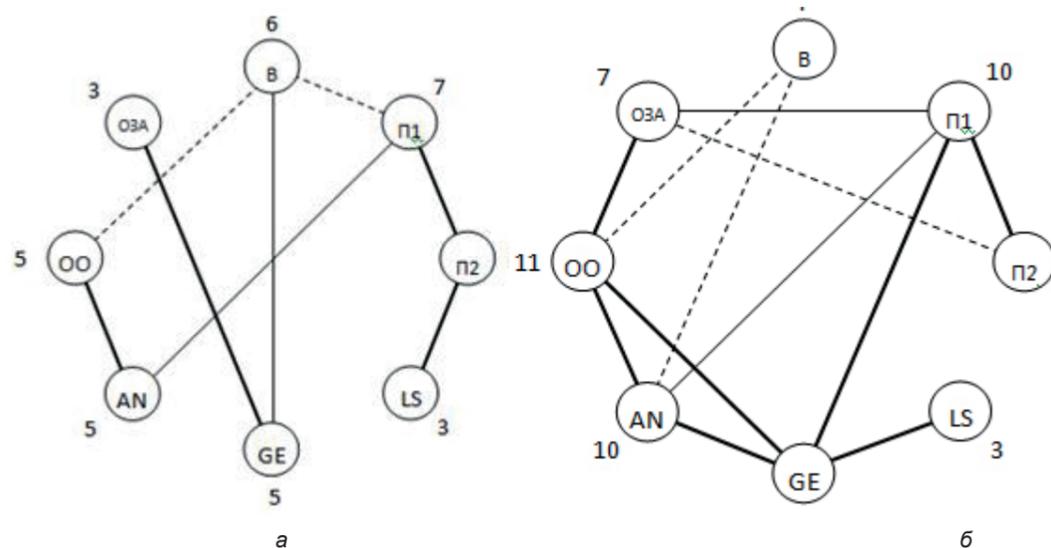

Рис. 4. Структурограммы результативных параметров когнитивных операции для группы испытуемых с низким (а) и высоким (б) метакогнитивным потенциалом. Обозначения: LS, GE, AN, OO, OZA – показатели субтестов из методики Р. Амтхауэра; П1, П2, В – соответственно, данные по методикам на диагностику мнемических и перцептивных операций; жирная линия – связи, значимые на $p < 0,01$; полужирная линия – связи, значимые на $p < 0,05$; сплошные линии – положительные связи; пунктирные линии – отрицательные связи.

Можно видеть, что и в этом случае степень организованности, структурированности изучаемых параметров (в данном случае – 11 и 20) значимо, то есть почти в 2 раза выше в группе с «платообразным» профилем.

Наконец, если дополнить данные, приведенные на рис. 1, результатами структурно-психологического исследования, то выявляется следующая картина. На рис. 6 представлены структурограммы подсистем метакогнитивного плана для групп с относительно меньшей и относительно высокой эффективностью деятельности.

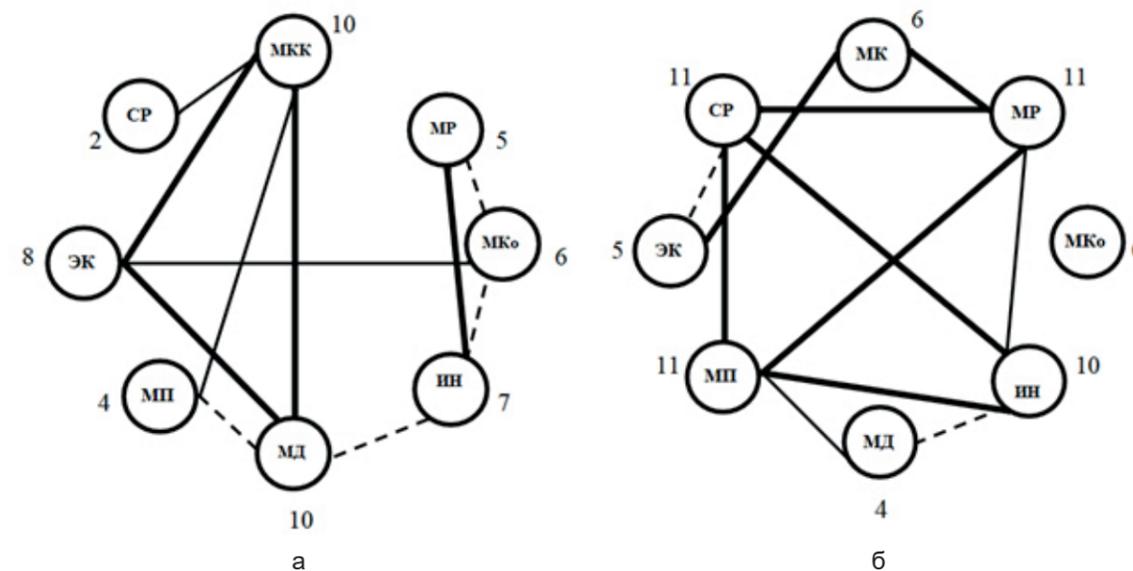

Рис. 6. Структурограммы подсистем метакогнитивной сферы для групп специалистов с низкой (а) и высокой (б) эффективностью деятельности. Обозначения: МК – метакогнитивная подсистема и далее следующие подсистемы: МР – метарегулятивная, МКо – метакоммуникативная, ИН – ингибиторная, МД – метадекларативная, МП – метапроцедуральная, ЭК – эндокогнитивная, CP – саморегулятивная; рядом с обозначениями подсистем указаны их структурные «веса»; жирная линия – связи, значимые на $p < 0,01$, полужирная линия – связи значимые на $p < 0,05$; пунктирная линия – отрицательные связи. ИОС для первой группы – 10 баллов, а ИОС для второй группы – 21 балл.

Можно видеть, что и в этом случае степень организованности с изучаемых параметров (в данном случае – 10 и 21) значимо, то есть более чем в 2 раза выше в группе с «платообразным» профилем.

VI

Итак, обобщая представленные результаты, следует заключить, что за различиями в двух типах профилей, стоят различия в степени интегрированности, организованности тех компонентов (любого плана), которые в них и отображены. Это означает, что сами типы профилей являются, фактически, эквивалентами различных степеней организованности, структурированности. Они выступают как одномерная – линейризованная, то есть линейная форма представления тех данных, которые в ином – «плоскостном», то есть пространственном виде представлены в форме структурограмм. Они взаимно однозначно соответствуют друг другу. Однако, поскольку первая из этих форм существенно более проста, наглядна и поддается несложному анализу даже посредством визуального рассмотрения, то ее вполне допустимо и даже необходимо использовать как средство не аналитического, как это принято, а именно *структурного* изучения. Профиль – это линейное (одномерное) отображение многомерной и, более того, структурированной реальности. За счет этого профиль выходит за пределы своей аналитичности и сложности и предстает как средство структурно-психологического исследования. Именно этим, по нашему мнению, объясняется конструктивность данного метода, его популярность в психологических исследованиях. Вместе с тем, его возможности и истинный потенциал раскрываются еще полнее, если распознать в нем именно структурно-психологический потенциал, что и было осуществлено выше.

Вообще говоря, в максимально общем плане метод профилей в целом и психологических профилей, в частности, достоин, по нашему мнению, гораздо большего внимания, нежели уделяемое ему сейчас. Дело в том, что он является очень своеобразным и даже в чем-то уникальным именно с позиций его возможной структурной, а затем и системной экспликации, а также соотношения двух принципиально

разных, даже парадигмально оппозиционных подходов – аналитического и системного. Действительно, с одной стороны, он по своему «духу», по основной идее и технике является подчеркнута аналитическим, поскольку характеризует тот или иной предмет исследования именно «точно» – локально, парциально и суммативно – в аспекте аддитивной совокупности его параметров. Он дает его агрегативную, а не интегративную экспликацию. В профилях представлена аддитивная совокупность данных относительно предмета исследования. Более того, этот метод является так сказать «вершиной» и наиболее полной формой данного способа – реализацией комплексного подхода к исследованию. Дело в том, что комплексный подход как раз и выступает следствием и наиболее совершенной формой аналитического способа изучения, поскольку он обеспечивает широкое, но суммативное, агрегативное знание о предмете, давая ему именно аддитивную характеристику. Однако, с другой стороны, даже простое установление самых элементарных отношений между аналитически выявленными характеристиками, осуществляемое в данном методе посредством их графического представления на одной координатной сетке с последующим соединением линиями, выступает столь же простым, но явным способом «выхода» за аналитичность и аддитивность, поскольку эксплицирует определенную *структуру* этих параметров. Такое соединение дает определенную форму – профиль, а она, в свою очередь, не может быть сведена к простой сумме значений тех параметров, которые ее принимают. Налицо, таким образом, хотя и элементарное, но очевидное проявление феномена, точнее – механизма системных качеств. В профиле (как аналоге, точнее, прообразе, прототипе системного образования) появляется то, что отсутствует у каждой его частей (отдельных параметров, которыми он образован) и даже у их простой суммы. Тем самым профиль, выступая как некоторая форма, выходит за пределы содержания суммы компонентов, образующих ее и является уже способом собственно системной экспликации предмета. Можно видеть, что за счет этого метод профилей раскрывает свое уникальное значение и место: он, фактически выступает промежуточным, а значит – переходным и, что наиболее важно, *связующим* звеном между двумя основными гносеологическими парадигмами, методологическими подходами – аналитическим и системным. Сама же структура, представленная в профиле в ее относительно элементарном виде, является конкретным техническим средством такого перехода. Говоря об этом, трудно, конечно, удержаться от очевидной аналогии данного феномена с известным *феноменом мелодии*, установленным на самых начальных этапах развития гештальтпсихологии [2]. Восприятие звуко-ряда (мелодия) не сводится к сумме ощущений от каждого звука, а ее свойства не описываются через сумму свойств частей. Более того, мелодичный гештальт инвариантен и к физическим различиям в самих звуках – мелодия не меняется в зависимости от того, в какой тональности она исполнена. Точно также, однако, и в феномене профиля как в элементарной экспликации пространственной (а не временной) структуры эксплицируется несводимость «целого» – профиля к аддитивной совокупности его «частей» – отдельных параметров, на основе совокупности которых он и построен. Это – тот гештальт, который возникает посредством профилизации как проявления формообразования, но имеет в своей основе уже не временную, а пространственную. Кроме того, можно полагать, что общность и даже идентичность гносеологических средств и отчасти – даже собственно психологических механизмов, лежащих в основе гештальтообразования, с одной стороны, и профилизации как методологией познания, с другой, не исчерпывается только отмеченными аспектами. По нашему мнению, не менее очевидна и аналогия, которая является более чем просто аналогия, между этой методологией, точнее – основной идеей, заложенной в ней, а еще более фундаментальным (вообще – исходным) феноменом гештальтпсихологии – феноменом. Точно так же, как в нем простая организации двух точечных стимулов, но временная, то есть темпоральная дает новое качество – восприятие видимого движения (которого, в действительности, нет в стимульном поле), простая – но уже пространственная организация двух опять-таки точечных сущностей – параметров, отображенных вместе, дает новое качество – их сопоставительную локализацию, элементарную форму, представленную пока даже и не в пространственном, а в линейном виде, то есть как линия, мающая конфигурацию. Тем более это выражено в том случае, если таких точечных стимулов становится больше – три, четыре, пять, шесть и т.п. Однако, уже парное – совместно представление этих стимулов дает все необходимые и доставочные снования для реализации по отношению к ним наиболее базовой и фундаментальной когнитивной операции (подчеркиваем – уже не перцептивной, а именно когнитивной, мыслительной) – операции сравнения. Более того, согласно последним исследованиям, именно она является и базовой по отношению к такой важнейшей гносеологической процедуре, как структурообразование и к аналогичной, но уже психологической процедуре построения структур реальности. При этом следует отметить и то, что само понятие структуры раскрывается и как следствие базовой способности психики к структурированию реальности, в основе которой лежит еще более имплицитный механизм. Действительно, «единицей» структуры, как известно, является отношение между объектами. Однако именно установление отношений как таковых и лежащая в его основе операция сравнения как наиболее фундаментальная из всех когнитивных

операций как раз и находится в ее собственном основании. Выделяя отношения посредством сравнения, познающий субъект конституирует и конструирует сами объекты познания, а затем и их структуру посредством синтезов ряда отношений. Уже способность человека представлять и/или выделять из окружающей среды несколько объектов в виде одной совокупности предполагает наличие между объектами связей (взаимодействий), которые он способен заметить (при помощи органов чувств или приборов). Эта когнитивная активность по объединению объектов на основе обнаружения у них неких общих характеристик порождает новый мыслительный объект, который обозначается понятием множества, включающего несколько объектов, объединенных, во-первых, хронологически, а, во-вторых, хотя бы одним общим признаком.

В связи с этим, можно сформулировать следующее предположение, объясняющее, почему именно эта операция является основной и фундаментальной когнитивной операцией. Дело в том, что лишь на основе выделения в среде, как минимум, двух единиц, двух сущностей и постановки их в соотношение друг с другом (то есть установления отношения между ними) становится принципиально возможным конституирование содержания каждого из них – его репрезентация и оценка. Последнее объясняется тем, что сама оценка возможна лишь как принципиально *относительная*, релятивная (что в наиболее общем плане отражено в известном тезисе, согласно которому любое познание, любая истина относительна). Они, однако, относительны не только по результату, но и по *процессу*, который и состоит в установлении отношений и их последующей репрезентации. Следовательно, именно построение отношений является базовым механизмом не только структурирования, но и когниции, а шире – и отображения объективной реальности. Чем более представлена эта способность, то есть чем в более дифференцированной и расчлененной форме психика репрезентирует реальность, чем большее количество отношений она генерирует и порождает, тем выше ее возможности. Однако то же самое относится и к репрезентации собственного содержания – к самопрезентации. Чем большее количество отношений между компонентами «внутреннего мира» репрезентируются психикой в самой себе, тем выше ее сложность – ее собственное внутреннее разнообразие как предпосылка для ее эффективности.

Тем самым, операция построения отношений выступает не только как базовый механизм структурирования реальности, но и как основной механизм репрезентации психикой внешней среды, а также аналогичный важнейший механизм конституирования внутренней среды и ее репрезентации на уровне сознания.

VII

В плане экспликации потенциала – тех возможностей, которые заложены в методе профилей, но с условием его дополнения структурно-психологическим анализом, следует акцентировать внимание и на еще одном важном, по нашему мнению, обстоятельстве. Оно носит более имплицитный характер и нуждается в специальном пояснении. С одной стороны, как показано выше, за различиями в типах профилей стоят различия в степени структурированности совокупности исследуемых параметров. С другой стороны, показано также, что сами различия в степени структурированности непосредственно связаны и даже обусловлены степенью различия в мере выраженности, развитости исследуемых параметров. Это означает, что в группе с «пилообразным» профилем в среднем, то есть по всей выборке, степень развития отдельных качеств весьма существенна. Однако это может быть только в том случае, если аналогичными – существенными различиями в степени выраженности отдельных параметров характеризуется и подавляющее большинство членов самой выборки – группы, на которой эксплицированы эти данные. Такое заключение носит подчеркнута *дедуктивный* характер, оно вытекает просто из аргументов «чисто математического» характера. Однако отсюда же следует и то, что для подавляющего большинства членов этой группы (группы с «пилообразным» профилем) должно быть характерно то же самое, что для группы в целом. Иными словами, на подавляющее большинство индивидуальных случаев транспонируется та – общая закономерность, которая обнаруживается для группы в циклом. Тем самым, однако, достигается результат принципиального значения, смысл которого состоит в следующем. Все представленные выше результаты, а также способ из анализа носят, как можно видеть, *статистический* – обобщенный и потому абстрагированный от индивидуальных экспликаций характер. Те матрицы и структурограммы (коррелограммы), которые он предусматривает, носят именно статистический характер, но не выявляют особенности организации рассматриваемых параметров в каждом индивидуальном случае. Однако, в свете представленных выше аргументов появляются все необходимые и во многом достаточные основания для того, чтобы считать возможным перенос этих – статистических, обобщенных закономерностей и на подавляющее большинство *индивидуальных* случаев (повторяем, что по иному и *быть не может* в силу причин чисто дедуктивного характера. Тем самым во многом более ясным становится и решение одной из труднейших задач всего структурно-психологического анализа, которая формулируется обычно как проблема перехода от статистической коррелограм-

мы к индивидуальной. Подчеркнем также, что она была рассмотрена нами ранее и в работах [8-10], где предложены дополнительные по отношению к предлагаемым здесь средства ее решения.

Вообще говоря, складывается ощущение, а затем уверенность в том, что по отношению к совокупности многих субъектных характеристик и обусловленности ими многих «внешних критериев» имеет место следующее правило. Чем более сходными по степени выраженности являются индивидуальные качества, чем более они *соразмерны* (что и выражается в «платообразности» профиля), тем эффективное достижение субъектом «внешнего критерия». И наоборот, чем в большей мере они различны – дискордантны в мере выраженности, тем менее эффективным является достижение «внешнего критерия». Более того, именно эти же различия, по-видимому, лежат и в основе степени организации личностных и субъектных качеств в целом. Эта организация тем более выражена, а личность тем более целостна и гармонична, чем в большей степени представлена именно соразмерность качеств. И наоборот, то, что обозначается как противоречивость личности, ее дискордантность и пр., имеет в своей основе несоразмерность, выраженные различия в степени сформированности ее качеств. В этом плане так и напрашивается аналогия с известными исследованиями, в которых показана очень важная роль вариативности тех или иных изучаемых параметров, а не только степени их общего развития в плане обеспечения ими тех или иных функциональных задач. Одними из наиболее показательных в этом плане являются данные, анализируемые Б. Ф. Ломовым относительно динамики абсолютных значений времени реакции и их дисперсии при нарастании утомления в деятельности [16]. Они показывают, что более сензитивным индикатором утомления является не увеличение абсолютных значений времени реакции, а именно возрастание разброса этих значений, что, как показано в данной работе, имеет большое прикладное значение, поскольку может служить средством ранней диагностики и профилактики утомления в трудовой деятельности.

В целом вариативность параметров выражается посредством дисперсии их значений, а степень развития – в средних значениях, в величинах математического ожидания. Именно так обстоит дело, по всей видимости, и по отношению к личностным качествам и их общей организации (впрочем, не только личностным, но и когнитивным). Эти качества и особенно их общая совокупность не могут быть раскрыты только в плане их уровневых характеристик – индивидуальной меры. Они подлежат раскрытию и в плане выявления сравнительной меры их выраженности: чем более сходной выступает эта мера, тем организованнее и структурированнее сама личность. И наоборот, чем больше их разброс – своего рода дисперсия, тем менее организована, более противоречива в внутренне дисгармонична личность. Причем, понятие дисгармоничности вовсе не предполагает только негативную коннотацию (см. далее).

VIII

Открывающиеся в свете изложенного возможности перехода от статистической коррелограммы и, соответственно, от обобщенного способа рассмотрения к индивидуальной коррелограмме и, следовательно, к анализу индивидуальных случаев, имеет еще одно значимое, по нашему мнению, следствие. Оно как раз и состоит в том, что посредством только «профильного» анализа, то есть без его углубления данными структурно-психологического изучения, оказывается возможным решить и существенную часть задач, для которых разработан последний. Фактически, «профильный» анализ выступает не просто эквивалентом, но и репрезентантом самого структурно-психологического анализа. Он позволяет выявить то же самое, что и структурно-психологический анализ – качественные различия в степени интегрированности совокупности изучаемых сущностей со всеми вытекающими отсюда следствиями. По нищему мнению, именно этим и обусловлена популярность данного метода, его эвристические возможности, представленные, к тому же, с относительно большей реализуемостью и простотой применения. Он, в силу этого, во многих случаях вполне допустим как аналог и даже эквивалент самого структурно-психологического исследования. Собственно говоря, именно этим обусловлена эффективность той интерпретационной практики, которая сложилась по отношению к целому ряду психодиагностических методик и которая основана именно на «профильном» анализе. Достаточно отметить в это связи, что практически все интерпретационные схемы, предложенные в методике Р. Кеттелла, базируются именно на этом способе. Это и понятно, поскольку через него, фактически, раскрываются базовые структурные особенности личности, а не только ее отдельные качества, то есть ее психологический портрет. Любой опытный психодиагност достаточно быстро и непосредственно «составляет портрет» обследуемого уже по его профилю. Он знает, что «пилообразники» характеризуются вполне определенным симптомокомплексом личностных особенностей – существенно отличных от тех, которые присущи «платообразнику». Для первого характерна, например, внутренняя противоречивость, повышенная рефлексивность, интровертированность, тревожность, непоследовательность, флексибельность и пр., тогда как для второго характерны противоположные черты, а в целом – существенно большая личност-

ная стабильность, внутренняя гармоничность, непротиворечивость Я-концепции и пр. В целом первые характеризуются тем, что практически любой «внешний критерий» представлен у них в меньшей степени – будь то степень адаптированности, эффективность деятельности, устойчивость к экстремальным воздействиям и т.п.

Однако то же самое, правда, в несколько меньшей степени, констатируется и в отношении «внутренних критериев». Так, индивиды с «платообразным» профилем параметров метакогнитивной регуляции характеризуются значимо большим метакогнитивным потенциалом в целом. В работе [15] было показано также, что сходная закономерность имеет место и в отношении интеллекта в целом: его «платообразный» профиль, то есть соразмерность степени выраженности его парциальных компонентов в целом обуславливает и большие значения общей меры выраженности. И наоборот, «пилообразный» профиль парциальных компонентов интеллекта, как правило, сопряжен с относительно меньшим его уровнем. Можно видеть, таким образом, что представленные выше материалы создают дополнительные возможности для исследований и практических разработок уже не только номотетического типа, но и тех, которые построены на принципах идиографического плана, то есть носят подчеркнuto индивидуальный характер. Понятно, что потребность в этом достаточно очевидна – особенно в психодиагностике и психологическом консультировании; она в известной мере может быть реализована и на основе представленных материалов.

IX

Предложенный выше вариант решения рассматриваемой проблемы не только допускает, но и требует обращения к еще одному важному ее аспекту. Без этого, он не может считаться вполне обоснованным и в достаточной степени отвечающим истинной сложности той реальности, которая его порождает. Действительно, мы меньше всего хотели бы того, чтобы представленные материалы трактовались только так сказать в «черно-белом» свете – упрощенно и даже «уплощено», то есть по сформулированному выше правилу: «плато» – хорошо, «пила» – плохо». Дело в том, что здесь, как это обычно и бывает в исследовательской практике, «оценочные» суждения не только не вполне корректны, но и не уместны. Практически всегда то, что «хорошо», является таковым лишь в каком-либо определенном отношении, но не во многих иных планах. И наоборот, то что «плохо» в каком-либо одном плане, может выступать как очевидное преимущество в иных отношениях. Это – старая истина, которая в общем виде эксплицируется как принцип относительности и лежит в основе идеологии релятивизма как интерпретационного подхода. И именно это обстоятельство также должно учитываться при рассмотрении основной задачи данной работы. Действительно, «платообразный» профиль недопустимо рассматривать с этих позиций как абсолютно выигрышный по отношению к «пилообразному». Это допустимо делать лишь во вполне определенной системе координат – по отношению к *определенному* внешнему критерию, в плане реализации той или иной *конкретной* цели (адаптационной, деятельностной и пр.). Однако здесь-то и возникает острая проблема: а какие еще – помимо указанных, то есть адаптационных, детельностных, поведенческих задач, существуют «внешние критерии», достойные внимания, то есть практически важные? Где лица с «пилообразным» профилем все-таки имеют преимущества? Каковы механизмы, которые лежат в основе преимуществ самого данного типа? При ответе на данный вопрос приходится соприкасаться с истинной сложностью и внутренней противоречивостью организации индивидуальных качеств как обобщенных личностных, так и иных когнитивных. Причем, наиболее очевидной в этом плане является иллюстрация, взятая из уже рассмотренной проблематики психологии адаптации. Выше мы показали, что для достижения высокой адаптированности, действительно, более благоприятен «платообразный» профиль и в этом плане он является «хорошим», позитивно оцениваемым. Однако – именно в этом плане, в отношении этого определенного «внешнего критерия». Вместе с тем, возникает более имплицитный вопрос – какой должно быть отношение к самому этому «внешнему критерию» – адаптированности? Как следует оценивать сам феномен адаптированной личности? Является ли он «только хорошим» – не в ситуативном и даже не в тактическом, а в стратегическом плане – в плане, например, развития личности, ее совершенствования? И здесь, разумеется, нельзя не учитывать известные исследования так называемой «неадаптивной личности», которая характеризуется отнюдь не только недостатками, но, напротив, – носителем и сосредоточием внутренних интенций для саморазвития и совершенствования [19]. Внутренний покой, комфорт, который так характерен для адаптированной личности, нередко оборачивается застоём и стагнацией в ее развитии, тогда как дезадаптированность – то, что обозначается как продуктивная асистемность [14], является мощным истопником развития. Причем, как свидетельствуют исследования, личность сама может вносить элементы такой асистемности, продуктивного хаоса, то есть источники дезадаптации в свое функционирование; вносить, а затем – преодолевать ее; породить дезадаптацию, а затем ее по

возможности минимизировать. В общем плане все это характерно не только для проблематики адаптации (и дезадаптации), но и для системной динамики в целом. Система в своем бытии и развитии стремится отнюдь не только к организации и гармонизации, но и перманентно вносит в него элементы дезорганизации, продуктивного хаоса, асистемности, но асистемности продуктивной, порождающей генеративные механизмы ее преодоления и тем самым эволюции в целом. В силу этого, «пилообразный» профиль, в котором и через который эксплицируются все указанные феномены, является заведомо более выигрышным и в этом смысле уже не «плохим», а «хорошим».

В целом, учитывая основные положения теории систем, можно сделать следующее заключение относительно сравнительных характеристик двух типов профилей. Каждый из них имеет как свои сильные стороны, так и ограничения. «Платообразный» профиль – это предпосылка стабильности, устойчивости, высокой вероятности обеспечения того или иного определенного «внешнего критерия», залог результативности, надежности, адаптируемости и т. п. Вместе с тем, в нем имплицитно представлены моменты инерционности системы: за стабильность и результативность приходится платить опасностью стагнации и недостаточными интенциями генеративного плана. Любая система, особенно высокоорганизованная формируется, как известно, под воздействием вполне определенного системообразующего фактора – цели ее функционирования. И в плане соответствия ей она, действительно, является безусловно позитивной. Однако за это также приходится платить: система не только повышает потенциал входящих в нее компонентов, но и закрывает многие из потенциально присущих им возможности. Эффекты супераллелиности сопряжены с эффектами инфрааллелиности. Данное обстоятельство закреплено и в известном феномене «системной ограниченности». В этом пункте изложения необходимо сделать экскурс в область системных исследований, в том числе и тех, которые выполнены в наших работах [10-12].

Х

Так, выше было показано, что в основе «платообразного» профиля лежит большая степень организованности тех параметров, в том числе – и личностных качеств, которые представлены на профиле и, соответственно, в их общей совокупности. В свою очередь, сама организованность обеспечивается, в основном, средствами и механизмами, которые непосредственно связаны с генерацией системных качеств, синергетических эффектов. Причем, системные качества могут порождаться не только вследствие необходимости внесения организации, но и вследствие преодоления так называемой продуктивной асистемности – той, которая вначале поражается, а затем преодолевается, выступая как мощный источник развития системы. В связи с этим, очень важным является вопрос о том, почему же, собственно говоря, именно механизм генерации системных качеств способен порождать принципиально новое содержание и новый потенциал системы? Каково содержание этого механизма? Следует учитывать так же, что в наиболее общем плане, хотя, по нашему мнению, и в недостаточно глубоком виде данный вопрос имеет свое традиционно принятое решение. Согласно ему, генерация нового объясняется тем, что оно трактуется как следствие действия собственно интегративных механизмов, которые, в отличие от агрегативных – суммативных, обеспечивают эффекты генеративного, продуктивного плана. На более глубоком уровне детализации эти же эффекты и механизмы связываются с механизмами синергетического типа, сама суть которых, как известно, в том и состоит, что они выступают конкретными средствами выхода за пределы простой совокупности тех или иных «составляющих». Они дают такой эффект, который выходит за пределы простой суммы интегрируемых компонентов, за пределы суммы их функциональных потенциалов. Однако и в этом случае исходный вопрос не решается полностью, а переносится в другую плоскость. Яркая иллюстрация этого – нередко встречающееся в психологии сознания указание на то, что оно «имеет интегративную природу» и советуемые принципы организации, не подкрепляющиеся попыткой раскрытия их конкретного содержания и лежащих в их основе интегративных средств и механизмов. При этом основная проблема формулируется следующим образом. Почему именно эффекты синергии обеспечивают «выход за наличное»? Как достигается интегративная «прибавка»? Почему и как возникает новое содержание? Не нарушаются ли при этом известные и фундаментальные по своей сути законы сохранения? На наш взгляд, в этом плане могут быть сформулированы следующие положения, способствующие решению сформулированных вопросов (подчеркиваем – только способствующие, но еще недостаточные сами по себе для их решения). В этих целях уместно обратиться, прежде всего, к исследованиям П. К. Анохина, в которых был установлен принцип перевода компонентов какой-либо совокупности в режим взаимодействия в плане достижения цели формирующейся на и основе системы [1]. Его сущность состоит в том, что каждый компонент начинает проявлять себя лишь в том аспекте и в той мере, в какой это необходимо для достижения конкретной цели. Вместе с тем, нельзя упускать из вида и то важнейшее обстоятельство, согласно которому пе-

ревод компонентов в режим взаимодействия означает, что каждый из них начинает проявлять себя не во всех потенциально присущих ему возможностях, а лишь в некоторых из них, причем, весьма ограниченных. Имеет место известный феномен редукции потенциальных возможностей компонентов целого, обозначаемый также и как явление «системной ограниченности» [11]. Действительно, хорошо организованная и эффективная система, в основе которой лежит аналогичная, то есть развитая ее структура, характеризуется тем, что в ее рамках достигается высокая степень гармонизованности самих компонентов. Их «нестыковки», противоречия, а нередко – и противоположность между ними устраняются. Они снимаются в рамках «хорошей организации», составляющей суть системной формы организации как таковой (или, как минимум, существенно уменьшаются). Причем, здесь приходится констатировать характерное двуединство возникающих феноменов (точнее – механизмов). С одной стороны, хорошая – эффективная организация, гармонизирующая компоненты, объективно необходима для достижения цели системы. Она вообще является атрибутивно необходимым средством обеспечения этого. С другой стороны, она же и именно в силу этого же, во многом *лишает* компоненты системы потенциально присущих им содержательных характеристик; они переводятся в виртуальную форму. Они утрачивают многие степени свободы – многие потенциально присущие им стороны, возможности и проявления; становятся сориентированными на конкретную цель. В результате и возникает очень широко представленный феномен «системной ограниченности». В итоге всего этого имеет место то, что можно было бы обозначить как «закон сохранения организации», состоящий в следующем. Обеспечение нового – синергетического по своей сути эффекта (в частности, получение нового знания) осуществляется за счет «симметричного» ему эффекта, состоящего в переводе подавляющего большинства степеней свободы компонентов системы в виртуальную форму, в их функциональной блокаде [14]. Следовательно, при этом сама система утрачивает многие потенции и возможности. Поэтому истинной платой за новое – за новый результат, в том числе и за новое знание является очень существенное, так сказать, недоиспользование общего потенциала системы, в том числе – и ее информационного содержания. Порождение какого-либо одного – нового варианта возможно только за счет не порождения целого ряда (нередко – многих) других вариантов, причем, не исключено, и более совершенных, чем актуально складывающийся.

Именно таким образом обстоит дело и в отношении «платообразного» профиля: эксплицируемая в нем высокая степень организованности чревата тем, что она уже самим своим фактом в известной степени препятствует прогрессу системы. В этом плане можно привести известное выражение о том, что «система плоха уже тем, что она – система». И наоборот, недостаточная представленность такого рода системных средств, эксплицируемая в «пилообразном» профиле выступает как преимущество, поскольку стимулирует развитие как таковое, прогресс в целом. В этом плане можно привести также и данные из психологии интеллекта и исследований креативности. Как известно, высокий интеллект (как аналог высокоорганизованной системы) отнюдь не всегда сопровождается выкраденной креативностью (которая, напротив, предполагает в качестве своей предпосылки порождение и затем преодоление когнитивных противоречий – асистемности) [14]. И наоборот, высокая креативность отнюдь не всегда сопряжена с высоким интеллектом. Показательно также, что, как показывают выпаленные нами исследования, для креативов нередко или даже в большинстве случаев характерен именно «пилообразный» профиль их когнитивных характеристик. В еще большей степени такая «пилообразность» проявляется у них по отношению к их личностным «профилям».

В еще более общем плане по отношению к сравнительным характеристикам двух типов профилей можно констатировать проявление оппозиции (но одновременно и взаимодополнения) двух так сказать уравнивающих начал – инвариантности и вариативности, стабильности и развития, консерватизма и радикализма, а в максимально общем виде – сохранения и изменения. «Платообразный» профиль является своеобразным воплощением и проявлением первых членов этих пар, а «пилообразный» – вторых. Наконец, в этом же плане прослеживается и явная аналогия этой оппозиционности с известной точкой зрения В. А. Геокояна относительно сущности половой дифференциации и специфики роли полов в эволюционном развитии [4]. Так, согласно ей, женщины выступают как носительницы стабильного, инвариантного, а мужчины – вариативного, развивающего. В этом плане небезынтересно и то, что, как показывают исследования, частота представленности «платообразного» профиля выше именно у женщин, тогда как частота «пилообразного» профиля – у мужчин.

В заключение представленного анализа необходимо отметить еще одно обстоятельство – уже итогового характера. Обычно, согласно композиционным правилам, в завершении статьи принято формулировать основные выводы или же давать резюме ее главных результатов. Разумеется, в общем плане это справедливо и в отношении той проблемы, которая рассматривалась и в этой статье. Вместе с тем она – и по содержанию, и по направленности, и по характеру анализируемых материалов достаточно

специфична, поскольку вся она – именно в целом как раз и является своеобразным выводом из обширного цикла проведенных исследований, причем, реализуемого на протяжении длительного времени. При этом речь идет не только о тех исследованиях, которые выполнены нами, но и о целом ряде исследований других авторов, в том числе – и классических. И этот – обобщающий, а потому принципиально «выводной» характер материалов, представленных в данной работе, является одновременно и определенным залогом обоснованности тех так сказать «обобщений второго порядка», которые представлены в ней и которые являются ее основными результатами

Литература

1. Анохин П. К. Избранные труды. Москва: Наука, 1978. 399 с.
2. Вертгаймер М. Продуктивное мышление. Москва: Прогресс, 1987. 336 с.
3. Ветрова Т. В., Статный В. М. Место профайлинга в системе наук о человеке: виды и отрасли профайлинга. INTERNATIONAL JOURNAL OF PROFESSIONAL SCIENCE, 2019. 12. С: 13–21.
4. Геодакян В. А. О дифференциации систем на две сопряжённые подсистемы. В кн.: Проблемы биокибернетики. Управление и информационные процессы в живой природе. Москва: Наука, 1971. С. 26
5. Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Москва: Изд-во РАО, 2018. 784 с.
6. Карпов А. В. Метасистемная организация уровневых структур психики. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 602 с.
7. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 450 с.
8. Карпов А. В. Психология сознания: метасистемный подход. Москва: Изд. Дом РАО, 2011. 1080 с.
9. Карпов А. В. Рефлексивная детерминация деятельности и личности. – Москва: Изд. Дом РАО, 2012. 494 с.
10. Карпов А. В., Карпов А. А. Введение в метакогнитивную психологию. Москва: МПСУ, 2015. 512 с.
11. Карпов А. В. Психология деятельности. В 5-ти тт. Москва: РАО, 2015.
12. Карпов А. В. Методологические основы психологии информационной деятельности. Москва: РАО, 2021. 610 с.
13. Карпов А. В., Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции информационной деятельности. Москва: РАО, 2022. 700 с.
14. Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. Москва: Изд. Дом РАО, 2017. 640 с.
15. Карпов А. В., Чемякина А.В., Волченкова А. А. Структурные закономерности метакогнитивной регуляции информационной деятельности (статья в этом номере журнала).
16. Ломов Б. Ф. Человек и техника: очерки инженерной психологии». 2-е изд. 1963. 464 с.
17. Малов В. И. 100 великих олимпийских чемпионов. Москва: «Вече» 2006. 480 с.
18. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. Москва: Мир, 1973. 334 с.
19. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. / Российский открытый университет. Москва: ТОО «Горбунок», 1992. 224 с.
20. Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 586 с.
21. Россолимо Г. И. Психологические профили дефективных учащихся (в отношении возраста, пола, степени отсталости и пр.). Москва: Тип. Т-ва. И. Н. Куршев и К°, 1914. 41 с.
22. Фесуненко И. С.. Пеле, Гарринча, футбол. Москва: Физкультура и спорт, 1970. 84 с.
23. Чембеленге К. У. Процессы адаптации; и реадaptации в структуре профессионализма личности ... автореф. дисс. канд. психол. наук. Ярославль, 1996. 31 с.
24. Шадриков В. Д. Психологический анализ деятельности. Ярославль, ЯрГУ, 1979. 86 с.
25. von Ehrenfels C. Über Gestaltqualitäten, Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 14. P. 249–292.
26. Cattell R. B. The birth of the Society of Multivariate Experimental Psychology. Journal of the History of the Behavioral Sciences, 1990. 26. P. 48–57.

ПСИХОЛОГИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 159.9

Содержание и специфика метакогнитивной регуляции деятельности субъектно-информационного класса

**А. А. Карпов, А. И. Калачева, А. А. Волченкова,
г. Ярославль, Российская Федерация**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ); номер проекта 21-18-00039

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования содержания метакогнитивной регуляции информационной деятельности, реализующейся на основе компьютерных технологий. Охарактеризована специфика основных подсистем, образующих метакогнитивную сферу личности IT-специалистов, составляющих содержание этой регуляции. Доказана несводимость содержания каждой из метакогнитивных подсистем к аддитивной совокупности входящих в нее компонентов – отдельных метакогнитивных процессов и структур.

Ключевые слова: метакогнитивные процессы метапознание, информационная деятельность, компьютерные технологии, метакогнитивная сфера личности.

I

Одним из основных результатов исследования проблемы метакогнитивной регуляции профессиональной деятельности является установление и доказательство того, что в ее основе лежит образование системно-организованного типа, обозначаемое понятием метакогнитивной сферы личности [5, 10]. Кроме того, было показано также, что она воплощает в себе главную особенность всех образований такого плана – структурно-уровневую организацию и включает в себя пять основных уровней – метасистемный, общесистемный, субсистемный, компонентный и элементный. Их подробная характеристика представлена в отмеченных работах, а также в целом ряде других, выполненных нами исследований. Ключевое – центральное и во многом определяющее место среди этих уровней принадлежит третьему их них – субсистемному. При характеристике его сущности и специфики важнейшим является следующее положение теории систем, принявшее характер своеобразной аксиомы. Любая сложная система состоит не из своих компонентов непосредственно, а из некоторых закономерных их комплексов, то есть подсистем [1, 2, 15]. Система в целом – это организация многих ее подсистем, которые, в свою очередь, структурируются на основе компонентов. Эти подсистемы формируются в составе общей системы для обеспечения ее основных функций и обозначаются понятием «функциональных органов». Субсистемный уровень как раз и характеризует процесс функционирования отдельных подсистем. Естественно, что он принципиально своеобразен – качественно специфичен по отношению и к собственно системному, и к компонентному уровню. С одной стороны, он не «возвышается» до системного уровня, так как (по определению) соотносится лишь с частью системы – ее подсистемами. Однако, с другой стороны, он не сводится и к компонентному уровню, так как реализуется на основе закономерной интеграции многих компонентов. Вместе с тем, по отношению к метакогнитивной сфере личности как регулятору информационной деятельности данное положение пока не учитывается в должной степени, хотя в общетеоретическом плане является фундаментальным и общепризнанным.

В ряде наших исследований были дифференцированы основные подсистемы, образующие данный уровень; они обозначены терминами метакогнитивной, метарегулятивной, метадекларативной, метапроцедуральной, метакоммуникативной, ингибиторной, эндокогнитивной и саморегулятивной подсистем [5, 11]. Отметим, что их характеристика представлена и в статье в данном номере этого журнала

[12]. Следует иметь в виду также, что экспликация состава основных подсистем метакогнитивной сферы в информационной деятельности – и по своей архитектонике, и частично по содержанию весьма подобна той, которая была произведена нами ранее по отношению к иной деятельности, причем, принадлежащей даже к иному основному классу деятельности – к управленческой деятельности [5]. Данное обстоятельство не только нельзя замалчивать как «неудобное», поскольку оно провоцирует вопрос о неоправданном повторе уже полученного результата. Как раз наоборот, – на нем следует акцентировать внимание как на очень показательном, доказательном и демонстративном в плане основных задач этой работы. Дело в том, что в такой общности следует видеть не «повторение» уже полученного ранее результата и его механический перенос на новый предмет исследования. В действительности, в нем заключен гораздо более важный смысл, состоящий в инвариантности базовых закономерностей структурной организации метакогнитивной сферы личности в целом и ее субсистемного уровня, в частности, в разных видах и даже классах деятельности. В свою очередь, такая инвариантность является важным индикатором достаточно высокой степени обобщенности и, следовательно, концептуального характера развиваемых представлений о принципах и общей архитектонике этой организации. Более того, если бы ее не обнаруживалось, а структурная организация данного уровня была бы принципиально отличной в разных классах деятельности, то это как раз и свидетельствовало бы об отсутствии закономерностей общего плана. Инвариантность наиболее имплицитных и общих закономерностей структурной организации разных классов деятельности – субъект-субъектного и субъектно-информационного не только возможна, но и атрибутивно необходима для них. Если они, действительно, представляют собой классы, то есть проявления некоторой базовой – родовой сущности, то между ними на фоне их множественных различий должны существовать и черты фундаментальной общности – общности самой этой сущности. Именно это проявляется в изоморфизме архитектоники субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы в двух классах деятельности. Однако такой изоморфизм проявляется и существует на фоне выраженных различий в конкретном наборе, точнее в организованном множестве основных подсистем метакогнитивного плана.

Кроме того, с этих позиций метакогнитивная регуляция деятельности в целом и информационной, в частности, эксплицируется уже не только как предмет исследования, но само ее изучение раскрывается и в функции метода разработки психологической теории деятельности. Дело в том, что обнаруженная принципиальная общность организации метакогнитивной сферы деятельности в ее основных классах может и должна быть проинтерпретирована в двуедином плане. Во-первых, она свидетельствует о принципиальной – глубинной общности организации этих классов деятельности и, следовательно, о них как о частных проявлениях некоторой родовой сущности. Во-вторых, наличие не менее выраженной специфики организации данной сферы в них свидетельствует и о наличии существенных различий между этими классами, но опять-таки в пределах общности их родовой сущности. Поэтому и обоснование дифференциации субъектно-информационного класса деятельности, являясь, с одной стороны, итогом, результатом развития теории деятельности, с другой, выступает и средством ее дальнейшего развития.

Субсистемный уровень обладает целым рядом специфических особенностей, которые в наибольшей степени – естественным и органичным образом соответствуют самой сути метакогнитивной сферы как подчеркнута функциональной по направленности и операциональной в аспекте своих конкретных средств и механизмов. Среди них, в первую очередь, выделяются следующие отличительные черты [8, 10]. Прежде всего, он принципиально *гетерогенен*, поскольку включает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. Соответственно этому – в зависимости от сложности – он может быть более близок либо к общесистемному уровню, либо к «нижележащему» по отношению к нему уровню – компонентному. Далее, он предельно *динамичен*, поскольку строится и переструктурируется в зависимости от требований и специфики объективных ситуаций (для преодоления которых он и предназначен). Любая сложноорганизованная система как органическая целостность, постоянно порождает некоторые функциональные органы, направленные на обеспечение ее основных функций [3, 12]. Порождение таких «органов», а также их реализация – это и есть, собственно говоря, сам процесс ее функционирования. Наконец, и в значительной степени именно по только что констатированной причине, данный уровень является принципиально *функциональным*: его состав и закономерности определяются совокупностью основных функций той или иной системы в целом.

Вместе с тем, данный уровень, являющийся в настоящее время не столь традиционным, как, например общесистемный и компонентный уровни, предполагает необходимость развертывания его экспериментальных и эмпирических исследований, направленных не только на его раскрытие, но и на дополнительную комплексную верификацию самого существования подсистем метакогнитивной регуляции деятельности. Необходимо обосновать их наличие в качестве специфических и относительно самосто-

ятельных образований; верифицировать положение о том, что их совокупность образует качественно специфический уровень организации метакогнитивной сферы личности в процессе регуляции информационной деятельности. Решение данной задачи предполагает организацию исследований в следующих основных направлениях.

Во-первых, следует подвергнуть экспериментальной и эмпирической верификации предположение о том, что субсистемный уровень организации метакогнитивной сферы не сводится ни к одному иному уровню организации и, прежде всего, к двум «соседним» с ним уровням – к собственно системному уровню ее организации и к компонентному уровню. Иначе говоря, это верификация предположения о том, что он является особым, качественно специфическим уровнем, входящим в ее общую структурно-уровневую организацию. Во-вторых, необходимо экспериментальными средствами проверить предположение, согласно которому основные метакогнитивные подсистемы обладают своим собственным содержанием, своей качественной определенностью, которая не обнаруживается ни на одном ином уровне и, прежде всего, на «соседних» с ним уровнях (системном и компонентном).

II

Имея в виду все вышеизложенное и переходя к решению сформулированных задач, отметим, прежде всего, следующее. Наиболее очевидной среди них является необходимость верификации предположения о несводимости содержания метакогнитивной сферы личности к любой из дифференцированных подсистем и их аддитивной совокупности. Согласно данному предположению, первая существенно богаче – полнее и содержательнее, чем любая из ее частей – основных подсистем метакогнитивного плана и их сумма. Вместе с тем, более важен, но и более труден в аспекте верификации общей гипотезы о самостоятельности статуса метакогнитивных подсистем, а также о наличии у них собственного специфического психологического содержания, иной вопрос: являются ли эти подсистемы просто комплексом, суммой компонентов или же организованной целостностью, то есть собственно системным образованием? Если справедлив первый вариант ответа, то ни о каких подсистемах как специфических образованиях метакогнитивного плана и, соответственно, о субсистемном уровне организации метакогнитивной сферы нельзя говорить. Если же справедлив второй вариант ответа, то появляются достаточные основания для позитивного решения проблемы самостоятельности их психологического статуса. Именно этот вопрос является ключевым для верификации гипотезы о существовании подсистем в целом, в связи с чем он и стал главным предметом осуществленного нами цикла исследований, к рассмотрению результатов которого мы и переходим.

Для этого применялась специально разработанная нами в [11] методика опросного типа, обозначенная как «комплексный опросник метакогнитивного потенциала» (КОМП). Подробная характеристика разработки и содержания этой методики представлена в указанной работе [11]. Данная методика является специфической и носит не только комплексный, но синтетический характер. Она позволяет диагностировать не только общую степень развития метакогнитивной сферы личности и не только степень развития отдельных категорий, групп факторов метакогнитивного плана, но, самое главное, она позволяет измерить степень развития всех основных подсистем, образующих в своей совокупности метакогнитивную сферу личности в информационной деятельности. Это и дает право обозначить ее как комплексный опросник метакогнитивного потенциала личности в информационной деятельности (далее мы будем использовать для его обозначения аббревиатуру «КОМП»). Подчеркнем также, что ранее нами был разработан – причем, на основе сходных принципов и посредством аналогичной процедуры еще один опросник такого же типа, предназначенный для исследования метакогнитивной регуляции иного типа деятельности – управленческой и обозначенный такой же аббревиатурой. В целях дифференциации этих двух опросников, он – как предназначенный именно для управленческой деятельности – может быть обозначен как КОМП-У, а разработанный по отношению к информационной деятельности опросник как КОМП-И. Наконец, отметим и то, что данное исследование в целом – и по замыслу, и по методологическим основам принципиально аналогично выполненному нами ранее исследованию важнейшего представителя другого класса деятельности (субъект-субъектного) – управленческой [5]. Более того, и в процедурном плане оно реализовано по той же схеме, которая была применена к нему. Этим обусловлено и сходство в последовательности проводимого ниже рассмотрения с тем, которое было осуществлено в нем. Однако это такое сходство, которое относится лишь к процедурно-организационным, формальным аспектам исследования, но не к его содержательно-предметной ориентации. Данный факт также показателен, постольку он в очередной раз эксплицирует общность наиболее глубинных закономерностей основных классов профессиональной деятельности.

При планировании и проведении исследования мы руководствовались одним из наиболее важных и в принципе общеизвестных методологических положений, состоящим в следующем. Известно, что

наиболее конструктивными средствами обнаружения собственно «организационных» – системных феноменов и закономерностей изучаемого объекта выступают процедуры организации экспериментального и эмпирического исследования, а также обработки его данных, которые позволяют одновременно решить две взаимодополняющие задачи. С одной стороны, – определить влияние отдельных факторов (как аналогов независимых переменных) на сам объект изучения как аналог зависимой переменной. Однако, с другой стороны, они позволяют выявить также и содержание, характер, а также силу взаимодействия этих факторов друг с другом, то есть, фактически, их структурную организацию.

В современной экспериментальной психологии, равно как и в методологии эмпирического психологического исследования в целом, существует целый ряд такого рода схем организации и планирования экспериментов, а также обработки их результатов [4, 6, 16, 18]. К ним, в первую очередь, относятся методы многомерного корреляционного анализа, наиболее совершенной формой которого является метод анализа матриц интеркорреляций (иногда он обозначается как «матричный анализ»); метод нахождения коррелограмм (структурограмм) и их последующего анализа; эксперименты, построенные на основе методологии факторного планирования и факторной обработки результатов (в частности, метод «факторных декомпозиций»); многофакторный дисперсионный анализ и др. Важной особенностью всех указанных методов является то, что они могут быть реализованы и в комплексе друг с другом, а также по отношению к обработке одних и тех же массивов экспериментальных данных. Это дает основания для верификации результатов, полученных разными методами и, соответственно, повышает степень обоснованности общих выводов исследования. Комплекс указанных методов поэтому и был применен в реализованном нами цикле исследований. Соответственно, вся совокупность результатов, полученных в данном цикле, может быть подразделена на следующие основные группы.

Во-первых, это данные, полученные на основе метода многомерного корреляционного анализа, включая «матричный». Во-вторых, это данные, полученные на основе применения факторного планирования и факторной обработки результатов экспериментов. В-третьих, это данные, полученные посредством метода дисперсионного анализа.

III

Переходя к характеристике результатов, а также их интерпретации, подчеркнем, что все они группируются в несколько основных блоков. Каждый из них, хотя и по-своему – посредством различных методических процедур, но в конечном итоге, направлен на решение главных задач исследования субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности. И, безусловно, основная среди них – это задача эмпирической верификации предположения о качественной специфичности дифференцированных подсистем метакогнитивного плана; о наличии у них собственного содержания, несводимого к аддитивной (агрегативной) совокупности тех компонентов, из которых они состоят. Иными словами, это задача верификации предположения о собственном уровне статусе субсистемного уровня.

Первый блок результатов, полученных на выборке IT-специалистов ($n=150$), заключается в следующем. Исползованная методика КОМП (см. в [11]) включает в себя 80 вопросов, соотносящихся с таким же числом основных предикторов метакогнитивной сферы, сгруппированных в 8 базовых подсистем. Следовательно, всю их совокупность можно представить двумя способами. Во-первых, – как принадлежащих к одному множеству, которое репрезентирует основное содержание всей метакогнитивной сферы личности без ее дифференциации на подсистемы. Во-вторых, – как образованное восемью различными под-множествами, каждое из которых представляет ту или иную основную подсистему метакогнитивного плана. В силу этого можно построить два массива корреляционных данных между степенью выраженности отдельных метакогнитивных предикторов.

Первый массив образован всеми возможными корреляциями между 80 предикторами, включенными в опросник; это – интерподсистемные корреляции (то есть корреляции между предикторами разных подсистем). Так можно определить степень взаимосвязанности всех предикторов, вне зависимости от их принадлежности к разным метакогнитивным подсистемам. Данный способ определяет степень интегрированности метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности на уровне ее компонентов, то есть отдельных параметров метакогнитивной сферы. Значимость и направленность (положительная или отрицательная) обнаруживаемых в этом случае корреляций указывает на меру интегрированности метакогнитивной сферы на данном (компонентном) уровне. Причем, следует специально подчеркнуть, что подавляющее большинство этих связей образовано корреляциями между метакогнитивными предикторами, входящими именно в разные подсистемы. Проведя несложные математические расчеты по известной формуле $(n^2-n):2$, можно видеть, что общее число всех интеркорреляций (как внутри-, так и межподсистемных) равно $((80 \times 80) - 80) : 2 = 3160$. Количество внутриподсистемных свя-

зей для каждой подсистемы равно $((10 \times 10) - 10) : 2 = 45$. Для всех восьми подсистем оно, следовательно, равняется $45 \times 8 = 360$. В результате число межподсистемных связей в данном массиве метакогнитивных предикторов, то есть интерподсистемных корреляций, равно $(3160 - 360) = 2800$, составляя почти 90% всех возможных (точнее – 88,6%). Другие 360 связей, как отмечалось выше, соотносятся с внутриподсистемными корреляциями метакогнитивных предикторов. Этот – второй массив образован лишь теми корреляционными связями, которые соотносятся с взаимосвязями метакогнитивных предикторов внутри каждой из 8 подсистем; это – интраподсистемные корреляции. Учитывались связи, достоверные на уровнях значимости $p < 0,01$; $p < 0,05$ и $p < 0,10$.

Вместе с тем, следует учитывать, что реализация этой процедуры в ее полном виде является очень объемной и достаточно громоздкой в вычислительном отношении. В силу этого, нами был реализован ее «экспресс-вариант», суть которого состоит в следующем. Для каждой из восьми основных подсистем метакогнитивного плана брались не все 10 входящих в них метакогнитивных предикторов, а лишь 5 наиболее репрезентативных из них, то есть ровно их половина; на их основе затем и производились все расчеты по той схеме, которая охарактеризована выше. В этом случае вычислительная сложность исходной задачи значительно снижается, а сама она становится и более реализуемой, и более понятной, не теряя, однако, при этом практически ничего в своем содержании, равно как и в корректности ее постановки и решения. Количественные величины корреляционных массивов в этом случае принимают следующие значения. Общее число всех интеркорреляций (как внутри-, так и межподсистемных) равно $((40 \times 40) - 40) = 780$. Количество внутриподсистемных связей для каждой подсистемы равно $((5 \times 5) - 5) : 2 = 10$. Для всех восьми подсистем оно, следовательно, равняется $10 \times 8 = 80$. В результате число межподсистемных связей, то есть интерподсистемных корреляций равно 700 из 780 всех возможных на данном массиве метакогнитивных предикторов, то есть составляет почти 90% (точнее – 88,6%). Другие 80 связей соотносятся с внутриподсистемными корреляциями.

После этого на основе первого массива находилась общая матрица интеркорреляций всех предикторов метакогнитивной сферы, а также 8 частных матриц – для каждой из 8 основных подсистем метакогнитивного плана. Затем по отношению к ним был реализован метод определения индекса организованности структуры (ИОС), сущность которого, как известно, состоит в следующем. Всем корреляциям, значимым на $p < 0,01$, приписывается «весовой коэффициент» 3 балла; корреляциям, значимым на $p < 0,05$ – коэффициент 2 балла. Напомним в данной связи, что указанные значения «весовых» коэффициентов для этих уровней значимости являются общепринятыми в методологии структурно-психологического анализа и обусловлены следующим обстоятельством. В ряде случаев в целях повышения «чувствительности» – разрешающей способности данного метода учитываются также и коэффициенты, значимые на $p < 0,10$. Поэтому им также должен быть поставлен в соответствие какой-либо «весовой» коэффициент – причем, минимальный среди всех использующихся; он, естественно, должен быть оценен соответствующим, то есть также минимальным из всех возможных значением – единицей. Следовательно, два других – больших нежели он, коэффициента, принимают следующие за ним по порядку значения – соответственно 2 (для уровня значимости $p < 0,05$) и 3 (для уровня значимости $p < 0,01$). Затем все «весовые» коэффициенты тех корреляций, которые существуют в матрице, суммируются, что и дает значение ИОС. В результате были получены 9 значений ИОС (одно для всей метакогнитивной сферы в целом и 8 для каждой из основных подсистем метакогнитивного плана). Этот индекс выявляет меру организованности структуры предмета исследования, в данном случае – метакогнитивной сферы в целом и ее основных подсистем. Следовательно, через их сравнение можно судить и о сравнительной степени такой организованности в первом и во втором случаях.

Вместе с тем, следует учитывать, что в данном случае некорректно сравнивать абсолютные значения ИОС для метакогнитивной сферы в целом и сумму ИОС для всех метакогнитивных подсистем. Дело в том, что значение ИОС в целом получено на исходном массиве в 700 потенциально возможных связей, а сумма вторых – лишь на 80 потенциально возможных связях. Поэтому нами был применен прием не абсолютного, а относительного сравнения значений ИОС, согласно которому общая величина ИОС в первом и во втором случаях делится на количество потенциально возможных корреляционных связей (соответственно, 700 и 80). В результате использования такого способа исследования получены следующие основные результаты.

Во-первых, величина ИОС, характеризующая степень связанности всей совокупности отдельных метакогнитивных предикторов непосредственно оказалась значимо меньшей (при $p < 0,05$), чем аналогичная величина ИОС, найденная для связей между метакогнитивными предикторами, входящими в одни и те же подсистемы. Соответственно этому и усредненные величины корреляций интерподсистемного типа, оказались в подавляющем большинстве незначимыми в статистическом отношении и достаточно несущественными (в пределах значимости на $p < 0,20 - 0,25$). Наоборот, для тех связей, которые

выявляются внутри подсистем (для интраподсистемных связей), уровень значимости является в явном большинстве случаев статистически достоверным; он варьирует по разным подсистемам от $p < 0,10$ до $p < 0,01$. Это указывает на то, что гораздо более высокую степень взаимосвязанности, организованности предикторов в пределах отдельных подсистем, чем между ними.

Во-вторых, между связями интерподсистемного типа обнаруживается достаточно большая доля значимых отрицательных корреляций, что свидетельствует о наличии внутри метакогнитивной сферы в целом не только интегративных, но и дезинтегративных тенденций. Напротив, подавляющее большинство интраподсистемных связей оказались положительными, что еще раз свидетельствует о высокой степени когерентности метакогнитивных подсистем.

Итак, главный смысл первой группы результатов заключается в том, что общая мера организованности метакогнитивной сферы определяется не столько интеграцией, осуществляющейся между ее компонентами непосредственно (хотя и она также имеет место), сколько той, которая имеет место внутри основных метакогнитивных подсистем. Это указывает на сравнительно большую степень выраженности интегративных механизмов внутри метакогнитивных подсистем, чем между ними. Все эти результаты, таким образом, действительно, свидетельствуют о наличии у метакогнитивных подсистем собственного содержания, несводимого к суммарной совокупности отдельных компонентов – метакогнитивных предикторов, но непосредственно пока еще не доказывают его существования.

Вторая группа эмпирически полученных фактов также свидетельствует в пользу правомерности данного положения, а их смысл состоит в следующем. Первый из найденных массивов корреляционных связей, установленный на всем их множестве, был сопоставлен уже не с массивом интраподсистемных связей (как в предыдущем случае), а с другим массивом. Он находился следующим образом. Вначале определялась суммарная выраженность предикторов метакогнитивной сферы для каждой из подсистем в целом. Например, для ингибиторной подсистемы определялась степень выраженности всех 10 входящих в нее предикторов для каждого испытуемого. Затем находились интеркорреляции между степенью выраженности отдельных подсистем друг с другом, то есть находились матрицы интеркорреляций на множестве основных подсистем (а не на множестве отдельных метакогнитивных предикторов непосредственно). Тем самым образовывалась матрица интеркорреляций размерностью 8×8 с числом потенциально возможных значимых связей, равным $((8 \times 8) - 8) : 2 = 28$. Для нее, как это делалось и в предыдущем случае, находился ИОС, который затем сравнивался с ИОС для метакогнитивной сферы в целом (подчеркнем, что это также осуществлялось не в абсолютных значениях, а соотносительно с числом всех потенциально возможных связей). В результате установлено два основных и взаимосвязанных друг с другом факта. Во-первых, относительная величина ИОС по отношению к совокупности подсистем оказалась значимо большей (на $p < 0,05$), чем аналогичная величина для всего множества метакогнитивных предикторов. Во-вторых, обнаружено очень существенное количество значимых корреляций между основными подсистемами, входящими в метакогнитивную сферу личности (на $p < 0,10$), что является достаточно высоким показателем. Собственно говоря, именно это и проявляется в большем значении ИОС для совокупности подсистем по сравнению с его значением для всего множества отдельных метакогнитивных предикторов. Следовательно, можно заключить, что в структуре метакогнитивной сферы имеет место не только и даже не столько интеграция ее отдельных компонентов (то есть отдельных метакогнитивных предикторов и эксплицируемых через них отдельных параметров самой метакогнитивной сферы) непосредственно. Еще более выраженной и значимой является интеграция тех комплексов, которые первоначально синтезируются из качественно однородных предикторов, а затем подвергаются интеграции в рамках всей метакогнитивной сферы. Это еще раз достаточно демонстративно указывает на то, что данные подсистемы являются относительно самостоятельными целостностями, которые вступают в закономерные отношения друг с другом. Но, если это так, то появляются все основания для заключения о наличии у них собственного содержания, несводимого к компонентному уровню организации метакогнитивной сферы.

IV

Все представленные результаты, хотя и вполне однозначно, но все же пока лишь свидетельствуют в пользу правомерности предположения о самостоятельности статуса метакогнитивных подсистем, о наличии у них собственного специфического содержания, нередуцируемого к сумме входящих в них отдельных параметров метакогнитивной сферы. Однако они пока недостаточны для того, чтобы доказать факт его существования. Решение задач такого типа в наиболее корректной и доказательной форме, как известно, может быть осуществлено посредством метода дисперсионного анализа [17]. Действительно, он уже в решающей степени позволяет судить о правомерности сформулированной гипотезы. С помощью данного метода можно определить степень вклада в тот или иной результат не только

какого-либо фактора (или факторов) в отдельности, а также их суммативного влияния, но и степень вклада со стороны их совместного влияния. Однако это совместное влияние двух, трех (или более) факторов объективно возможно, если при их взаимодействии возникают дополнительные по отношению к каждому из них и к их простой сумме интегративные эффекты; если возникает дополнительный «потенциал действия», то есть формируется определенная содержательная «прибавка» к их простой сумме. В связи с этим открывается возможность для того, чтобы определить, какая доля содержания изучаемого предмета детерминирована отдельными факторами, а какая – эффектами их совместного, интегративного влияния. Первая определяется через вычисление автономных дисперсий, а вторая – через вычисление дисперсии взаимодействия факторов. Если эффекты такого совместного влияния, действительно, обнаруживаются, то они должны быть проинтерпретированы как следствия системности организации отдельных факторов (в нашем случае – предикторов метакогнитивной сферы), а также тех интегративных эффектов и, фактически, нового процессуального, динамического и иного содержания, которые возникают в их результате. Руководствуясь этим методическим приемом, мы осуществили обработку результатов, эмпирически полученных с помощью методики КОМП, посредством двухфакторного дисперсионного анализа. Причем, сравнительному анализу подвергались две категории предикторов метакогнитивных подсистем (и, соответственно, всей метакогнитивной сферы): с одной стороны, – принадлежащих к одним и тем же метакогнитивным подсистемам, а с другой – к различным подсистемам. Типовые схемы дисперсионных комплексов обработки результатов изучения внутри- и межподсистемных метакогнитивных предикторов приведены в таблице 1. По этим схемам исследовались различные сочетания метакогнитивных предикторов.

Таблица 1

Типовые дисперсионные планы обработки результатов изучения внутриподсистемных (а) и межподсистемных (б) предикторов

		A				C	
		-	+			-	+
B	-	c_1	d_1	D	-	g_1	h_1
		c_2	d			g_2	h_2
	\vdots	\vdots	\vdots		\vdots	\vdots	\vdots
	c_n	d_n	g_n		h_n		
+	e_1	f_1	+	k_1	l_1		
	e_2	f_2		k_2	l_2		
		\vdots	\vdots			\vdots	\vdots
		e_n	f_n			k_n	l_n

Примечания: A и B – обозначения исследуемых в каждом конкретном случае двух предикторов, входящих в одну и ту же подсистему метакогнитивного плана; $c_1 - c_n, d_1 - d_n, e_1 - e_n, f_1 - f_n$ – соответственно, индивидуальные значения общего показателя выраженности метакогнитивной подсистемы (по методике КОМП) для всех испытуемых каждой из четырех подгрупп, образованных сочетанием минимальной (-) и максимальной (+) выраженности метакогнитивных предикторов A и B; n – количество испытуемых каждой подгруппы, образованных сочетанием степени выраженности предикторов A и B ($n=20$ человек). Ячейки дисперсионного плана образованы различными сочетаниями степени выраженности метакогнитивных предикторов A и B. Так, первая из них включает испытуемых с сочетанием низкой степени выраженности предиктора A и низкой степени выраженности предиктора B; вторая – сочетанием высокой степени выраженности предиктора A и низкой степени выраженности предиктора B; третья – сочетанием низкой степени выраженности предиктора A и высокой степени выраженности предиктора B; четвертая – сочетанием высокой степени выраженности предиктора A и высокой степени выраженности предиктора B. C и D – обозначения двух предикторов, входящих в разные подсистемы метакогнитивного плана; $g_1 - g_n, h_1 - h_n, k_1 - k_n, l_1 - l_n$ – соответственно, индивидуальные значения показателей суммарной степени выраженности двух исследуемых подсистем для испытуемых каждой из четырех подгрупп, образованных сочетанием минимальной и максимальной степени выраженности предикторов C и D; n – количество испытуемых каждой из подгрупп, образованных сочетаниями степени развития мотивов C и D.

На основе этих дисперсионных комплексов рассчитывались величины дисперсии, обусловленные как автономными влияниями рассматриваемых предикторов, так и их совместным влиянием. Следует

подчеркнуть, что в качестве резульативного параметра, на основе которого производились все дисперсионные расчеты, использовался общий, итоговый показатель каждого испытуемого по методике КОМП. При этом исследовательская задача конкретизировалась до следующего предположения. Если, действительно, подсистемы существуют как относительно самостоятельная психологическая реальность, то дисперсия взаимодействия метакогнитивных предикторов, индицирующих соответствующие параметры метакогнитивной сферы и принадлежащие к одной и той же подсистеме, должна быть значимой и достаточно существенной. И, наоборот, по отношению к предикторам, индицирующим метакогнитивные параметры, входящие в разные подсистемы, эта картина должна либо наблюдаться в меньшей мере, либо вообще не наблюдаться.

Наиболее важным в контексте решаемых здесь задач является следующий полученный в итоге результат: величины дисперсий взаимодействия внутриподсистемных предикторов оказались в подавляющем большинстве случаев статистически значимыми и достаточно существенными. Более того, они, как правило, превосходят величины автономных дисперсий, то есть «индикаторов» влияния на общую величину метакогнитивного потенциала со стороны отдельных параметров метакогнитивной сферы. Так, например, при изучении двух конкретных внутриподсистемных предикторов были получены следующие данные; эти предикторы входят в общий состав одной из подсистем и представлены в опроснике следующими пунктами. Первый (А) – «Когда я изучаю что-то новое, я соотношу это с тем, что мне уже известно в этой области». Второй (В) – «Я часто спрашиваю себя, был ли более легкий путь сделать задание после того, как оно было выполнено». Величина D_a , то есть доля дисперсии, обусловленная первым предиктором (А), равняется 22% всей дисперсионной нагрузки; доля дисперсионной нагрузки, обусловленная вторым предиктором (В), то есть D_b – 17%; доля дисперсии их взаимодействия (АВ) D_{ab} – 24%; доля случайной дисперсии $D_{сл.}$ – 29%. Причем, повторяем, наиболее показательным явилось то, что принципиально подобные результаты получены и при исследовании подавляющего большинства всех других пар внутриподсистемных предикторов метакогнитивного плана. На основании этого можно сделать следующие заключения.

Во-первых, имеет место значимая детерминация общей степени метакогнитивного потенциала отдельными предикторами метакогнитивной сферы и, соответственно, эксплицируемыми через них ее основными параметрами (поскольку величины автономных дисперсий являются статистически значимыми).

Во-вторых, можно видеть, что большая доля всей дисперсионной нагрузки приходится на так называемую случайную дисперсию ($D_{сл.}$), то есть дисперсию, обусловленную неконтролируемыми, точнее, не учитываемыми, факторами. Это, однако, вполне понятно, поскольку общая степень метакогнитивного потенциала обусловлена многими иными – в том числе и неконтролируемыми в данном исследовании факторами. В-третьих, наиболее важно в плане рассматриваемой проблемы то, что суммарная дисперсия (то есть сумма дисперсий, обусловленных каждым из метакогнитивных предикторов в отдельности) не исчерпывает собой и половины всей дисперсионной нагрузки (22%+17%=39%). Существенная доля дисперсии – даже большая, чем величины дисперсий, обусловленных каждым предиктором в отдельности, связана с их взаимодействием (24%). Это означает, что общее содержание анализируемой метакогнитивной подсистемы (ее функциональный потенциал) никак не может быть сведено к совокупности функциональных потенциалов каждого из метакогнитивных параметров в отдельности. В рамках подсистем формируется (в результате присутствия им интегративных механизмов) новое функционально-ресурсное содержание, несводимое к суммативному объединению отдельных компонентов – метакогнитивных параметров (которые и эксплицируются через исследованные предикторы). Данный результат является уже не косвенным, а прямым, непосредственным доказательством того, что подсистемы метакогнитивного плана не сводятся к аддитивной совокупности входящих в них компонентов – отдельных параметров метакогнитивной сферы. Это выступает решающим аргументом в пользу правомерности рассматриваемой общей гипотезы относительно существования субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности в целом. Подчеркнем, что приведенные результаты являются типичными для взаимодействия внутриподсистемных предикторов метакогнитивного плана, поскольку принципиально сходные по смыслу результаты обнаруживаются практически при любой другой декомпозиции каждой из подсистем на пары метакогнитивных предикторов (см. дополнительно в [11]).

Итак, представленные данные свидетельствуют о том, что, действительно, метакогнитивная сфера состоит не из своих компонентов непосредственно, а из закономерно формирующихся внутри нее подсистем, которые, в свою очередь, интегрируясь, и образуют ту или иную систему. «Ближайшим» материалом для общесистемной интеграции являются не компоненты некоторой целостности непосредственно, а объективно представленные в ее составе подсистемы. Компоненты вначале интегрируются

и организуются в рамках этих подсистем, а они уже затем, также интегрируясь, но уже друг с другом, порождают систему как таковую.

Из сказанного становится очевидным, что одним из основных и пока практически полностью неразработанных аспектов изучения организации метакогнитивной сферы является тот, который предполагает раскрытие закономерностей интеграции и структурирования основных метакогнитивных подсистем в рамках данного уровня. Следовательно, возникает настоятельная необходимость первоочередного раскрытия особенностей и закономерностей, средств и механизмов такого рода организации метакогнитивной сферы как регулятора информационной деятельности на основе ее подсистем, а не на основе ее компонентов, то есть отдельных, парциальных образований метакогнитивного плана (процессов и качеств, образований и структур).

Другими словами, первым по значимости является следующий вопрос: обладает ли общая организация метакогнитивной сферы личности как регулятора информационной деятельности своим собственным специфическим содержанием? Или же ее содержание может быть сведено к простой, то есть агрегативной, «сумме содержаний» основных метакогнитивных подсистем, из которых она, в конечном счете, образована, то есть принципиально редуцируемо до них?

V

В целях решения данного вопроса нами использовались те методы, которые, как показано в методологии психологического исследования, наиболее адекватны именно задачам структурного анализа, а также задачам, связанным с изучением взаимодействий изучаемых явлений – в частности, схемы, основанные на факторном планировании и факторной обработке результатов эмпирических и экспериментальных исследований.

В самом деле, если основные подсистемы метакогнитивного плана не являются рядоположенными в общей организации этой сферы именно как системы, то между ними должны быть существенные и множественные, разнонаправленные и неоднозначные, но закономерные и значимые отношения, связи и взаимодействия. Если же, наоборот, они рядоположены, то эти взаимосвязи и взаимовлияния не выступают ни значимыми, ни закономерными. Для того чтобы обоснованно определить один из двух указанных вариантов ответа по отношению, например, к метакогнитивной и метапроцедуральной подсистемам можно использовать метод факторных декомпозиций результатов [8-10], полученных посредством методики КОМП. Его смысл состоит в следующем. Две изучаемые подсистемы рассматривались как своеобразные аналоги «независимых переменных», вносящих тот или иной вклад в общий уровень метакогнитивного потенциала личности. Каждая из них, как того и требует методология факторного исследования, рассматривалась на двух «степенях свободы» – минимальном и максимальном (см. рис. 1а). Затем из всей выборки испытуемых (n=110) отбирались только те лица, которые характеризовались указанными сочетаниями выраженности двух рассматриваемых подсистем. Для каждой из сформированных таким образом четырех групп определялись средние значения общего уровня сформированности метакогнитивного потенциала; далее, они заносились в соответствующие ячейки матрицы факторной декомпозиции (см. рис. 1б).

		МК		
		-	+	
МП	-	МК ⁻ ; МП ⁻	МК ⁺ ; МП ⁺	318
	+	МК ⁻ ; МП ⁺	МК ⁺ ; МП ⁻	
		305	367	

а

		МК		
		-	+	
МП	-	303	333	318
	+	313	401	
		305	367	

б

Рис. 4. План обработки данных изучения взаимодействия метакогнитивной и метапроцедуральной подсистем методом факторных декомпозиций (а) и полученные в итоге его реализации результаты (б). Обозначения: МК – метакогнитивная подсистема; МП – метапроцедуральная подсистема; МК⁻; МП⁻ – группа, образованная лицами с низкой степенью развития метакогнитивной и метапроцедуральной подсистем; МК⁺П⁻; МК⁺П⁺ – группы, образованные различными комбинациями минимальной и максимальной степени раз-

вита данных подсистем; в ячейках матрицы (б) представлены средние данные для каждой группы по методике КОМП; 318 и 357 – средние значения общего метакогнитивного потенциала по строкам; 305 и 367 – его средние значения по столбцам.

Расчеты, произведенные на основе этих данных, показывают, что на долю автономного влияния метакогнитивной подсистемы приходится $MK_a = (367 - 305) = 62$ баллов методики КОМП³; на долю автономного влияния метапроцедуральной подсистемы: $MП_a = (357 - 318) = 39$ баллов (обе эти величины являются статистически значимыми на $p = 0,01$). Однако наиболее показательным, что коэффициент взаимодействия между этими подсистемами ($k_{MK \times MP}$), определенный по известному методу вычисления «разности двух разностей» [18], также является статистически значимым ($p < 0,01$) и равен:

$$k_{MK \times MP} = (303 - 333) - (313 - 401) = 57 \text{ баллов}$$

Следовательно, можно заключить, что между рассматриваемыми подсистемами имеет место значимое взаимодействие, их существенное взаимовлияние друг на друга. Показателен также тип, то есть характер того взаимодействия. Он, как можно видеть из представленных результатов, принадлежит к так называемому «расходящемуся» типу [18], что свидетельствует о взаимоусиливающем взаимодействии факторов по отношению друг к другу в плане детерминации ими тех или иных результативных проявлений (в данном случае общей степени выраженности метакогнитивного потенциала). В самом деле, при минимальном значении метапроцедуральной подсистемы влияние метакогнитивной подсистемы на степень выраженности метакогнитивного потенциала равно $(333 - 303) = 30$ баллам; при максимальном же значении метапроцедуральной подсистемы оно равно уже $(401 - 313) = 88$ баллам, то есть в 3 раза больше. Следовательно, метапроцедуральная подсистема оказывает фасилитирующее, то есть усиливающее влияние на действие другой подсистемы – метакогнитивной.

С другой стороны, имеет место и еще один факт: при минимальном значении метакогнитивной подсистемы влияние метапроцедуральной подсистемы на степень выраженности метакогнитивного потенциала равно $(313 - 303) = 10$ баллов, а при максимальном ее значении существенно выше – $(400 - 333) = 68$ баллов. Таким образом, и здесь можно констатировать аналогичную – фасилитирующую (усиливающую) роль одной подсистемы по отношению к другой. Подчеркнем также, что все три значения (два, свидетельствующие об автономных влияниях подсистем, и одно – об их взаимодействии) являются статистически значимыми. Кроме того, коэффициент взаимодействия между ними не только статистически значим, но даже превышает по величине одно из обнаруженных автономных влияний (со стороны метапроцедуральной подсистемы).

Таким образом, по результатам данного исследования можно сделать вывод, согласно которому две рассмотренные подсистемы, действительно, тесно взаимосвязаны и закономерно взаимодействуют в рамках метакогнитивной сферы личности. Кроме того, очень показателен и сам характер имеющихся взаимодействий – его фасилитирующая направленность. Данное обстоятельство позволяет выявить достаточно важную, по нашему мнению, закономерность, сущность которой состоит в следующем. Между двумя основными категориями факторов метакогнитивного плана (процессуальными, которые зафиксированы в базовом понятии метакогнитивных процессов, с одной стороны, и «знаниевыми», которые зафиксированы в понятии процедуральности с другой) существуют закономерные – вполне определенные и весьма целесообразные с функциональной точки зрения отношения и взаимодействия. Их суть как раз и состоит во взаимостимулирующем – *фасилитирующем* характере, что, в свою очередь, обеспечивает главный результат – возникновение отношений синергии между ними; выход за пределы простой суммы функциональных потенциалов, которыми они обладают по отдельности, а тем самым – и повышение ресурсных возможностей субъекта.

Далее, обратим внимание на то, что в рассмотренном выше исследовании были проанализированы подсистемы, которые носят по отношению к метакогнитивному потенциалу личности подчеркнuto однонаправленный – позитивный характер. Вместе с тем, определенный интерес представляют данные, полученные для подсистем, разнонаправленно влияющих на него. В этих целях на выборке специалистов с достаточно большим профессиональным стажем ($n = 130$) были исследованы метакогнитивная и ингибиторная подсистемы. Схема факторной декомпозиции и обработки результатов была аналогична предыдущей. В итоге получены следующие результаты (рис. 5).

		МК		
		-	+	
ИН	-	307	393	350
	+	359	383	371
		333	385	

Рис. 5. Данные исследования взаимодействия метакогнитивной и ингибиторной подсистем методом факторных декомпозиций. Примечания: МК – метакогнитивная подсистема; ИН – ингибиторная подсистема; «-» и «+» – соответственно минимальная и максимальная степени развития этих подсистем. В ячейках представлены средние значения общей степени метакогнитивного потенциала для каждой из четырех групп; 350 и 371 – средние значения по строкам; 333 и 385 – средние значения по столбцам.

Произведенные на основе этих данных расчеты показывают, что на долю автономного влияния метакогнитивной подсистемы приходится $MK_a = (385 - 333) = 52$ балла по методике КОМП; на долю автономного влияния ингибиторной подсистемы приходится $ИН_a = (371 - 350) = 21$ балл по этой методике. Следует подчеркнуть, что не только метакогнитивная подсистема оказывает значимое положительное влияние на величину общего метакогнитивного потенциала (что вполне естественно), но и ингибиторная подсистема также положительно влияет на него. Этот факт уже значительно менее понятен на первый взгляд, поскольку он, казалось бы, противоречит априорным ожиданиям и даже самому наименованию данной подсистемы. В действительности, он также вполне объясним и закономерен, а к его интерпретации мы обратимся в ходе дальнейшего анализа. Далее, как и в предыдущем случае, наибольший интерес представляет определение силы и характера коэффициента взаимодействия между этими подсистемами. Он в данном случае равен:

$$k_{MK \times ИН} = (307 - 393) - (359 - 383) = -62 \text{ балла по методике КОМП}^4$$

Относительно этого коэффициента следует сделать два основных заключения. Во-первых, он является не только статистически значимым, но и превышает значения автономного влияния такой важной подсистемы, каковой является собственно метакогнитивная подсистема. Следовательно, есть основания полагать, что между двумя рассматриваемыми подсистемами также имеют место не только значимые, но и достаточно сильные взаимодействующие отношения. Во-вторых, и это, на наш взгляд, наиболее важно, тип данного взаимодействия носит другой, противоположный характер по отношению к тому, который был выявлен в предыдущем исследовании (в котором рассматривались две позитивные подсистемы). При минимальном значении ингибиторной подсистемы влияние метакогнитивной подсистемы на степень выраженности метакогнитивного потенциала равно $(393 - 307) = 86$ баллам, а при максимальном значении ингибиторной подсистемы – $(383 - 359) = 24$ баллам. Следовательно, усиление ингибиторной подсистемы уменьшает – ослабляет позитивное влияние на общий потенциал метакогнитивной подсистемы: оно *ингибирует*, а не фасилитирует его. Такой тип взаимодействия обозначается в теории эксперимента, как известно, понятием «сходящегося» [18]. Это подтверждается и тем, что при минимальном значении выраженности метакогнитивной подсистемы влияние ингибиторной подсистемы равно $359 - 307 = 52$ баллам, а при максимальном – $(393 - 383) = 10$ баллам, то есть является существенно менее сильным. Причем, очень характерно, что при переходе от низких значений степени выраженности ингибиторной подсистемы к ее высоким значениям меняется даже само направление, по которому метакогнитивная подсистема влияет на общий потенциал личности – с положительного оно трансформируется в отрицательное. Поэтому ингибиторная подсистема оказывает разнонаправленное влияние на общий метакогнитивный потенциал личности в зависимости от того, на каком уровне представлена одна из его важнейших подсистем – собственно метакогнитивная. Иными слова-

3 Индекс «а» обозначает автономное влияние того или иного фактора – в данном случае основных подсистем.

4 В этой связи напомним, что, согласно методологии факторного исследования, знак коэффициента взаимодействия (в данном случае – отрицательный) обычно не учитывается, поскольку его интерпретация проводится лишь на основе абсолютных значений коэффициента – по его модулю [18].

ми, чем в большей степени представлена эта подсистема, тем она более сензитивна к «тормозящему» воздействию на нее ингибиторной подсистемы.

Данный результат имеет, по нашему мнению, принципиальное значение, поскольку позволяет выявить такой факт и зафиксировать такую закономерность, которые не только совершенно не прогнозировались априорно, но и, казалось бы, прямо противоречат исходным теоретическим предположениям. В действительности между двумя исследованными и, казалось бы, разнонаправленными по своей функциональной ориентации и по существу их содержания подсистемами (метакогнитивной и ингибиторной) обнаруживаются не отношения взаимной минимизации, а напротив, отношения фасилитации. В свою очередь, это может быть объяснено только одним: по-видимому, ингибиторная подсистема – это вовсе не «отрицательная», не деструктивная рефлексия и уж тем более – не ее минимизация или блокада. Напротив, это своего рода «еще бóльшая» рефлексия: это рефлексия, направленная на то, чтобы регулировать ее саму – но не в направлении повышения, а в направлении уменьшения, точнее – снижения ее роли в организации деятельности. Тем самым, однако, парадоксальным образом эта «антирефлексия» выступает еще более сложной и интенсивной по субъективным затратам, чем позитивная рефлексия. Для того чтобы минимизировать произвольность, нужен вовсе не отказ от самой произвольности, а наоборот еще «бóльшая произвольность» – своего рода «произвольность над произвольностью», произвольность «второго порядка». Дело в том, что рефлексия, направленная на саму себя, может не только усиливать себя, но и приводить к ее минимизации и даже блокаде.

В связи с этим, становится очевидной и необходимость внесения терминологических корректив в использованное словосочетание «антирефлексивные средства», что объясняется следующим. Общий смысл всех рассмотренных явлений состоит в том, что в их основе лежит, фактически, также «рефлексия над рефлексией», но уже не позитивно, а негативно направленная. Имеет место все та же – в принципе известная «рефлексия второго порядка», радикально отличающаяся, однако, от ее традиционного смысла: она не усиливает, а редуцирует сама себя, а в ряде случаев и блокирует – «аннигилирует» сама себя. Имеет место своего рода метарефлексия, причем, представленная в двух планах. Во-первых, в традиционном смысле – как «рефлексия над рефлексией» (мета-рефлексия). Во-вторых, в новом аспекте – в аспекте саморедуцирования исходного качества, то есть рефлексивности как таковой: здесь префикс «мета» указывает на преодоление, на отрицание исходного качества осознания. Поэтому рассматриваемую систему средств корректнее обозначить термином метарефлексивная, а не «антирефлексивная». Причем, наиболее тонкий, но одновременно и наиболее важный момент таких взаимодействий состоит в том, что здесь имеет место не просто «отключение» рефлексии, не ее «отторжение» и редуция. Все дело в том и состоит, что в основе всего этого лежит, напротив, усиление – так сказать дополнительная активация все тех же рефлексивных средств, процессов и механизмов. По нашему мнению, истинная «сила» рефлексии состоит не только в том, что она может быть представленной с той или иной – все более высокой степенью выраженности, сколько в том, что она, как оказывается, может и редуцировать – даже блокировать сама себя. При этом уровень субъективной напряженности, вообще – степень «энергетических затрат», сопряженных с такого рода минимизацией и тем более блокадой является ничуть не меньшим, а как показывает практика, нередко и еще бóльшим.

Специально подчеркнем, что во всех рассмотренных случаях достаточно явно обнаруживается наиболее принципиальный факт – факт взаимодействия подсистем друг с другом (хотя направленность, тип и соответственно содержание и смысл этого взаимодействия противоположны). Следовательно, он уже сам по себе свидетельствует о том, что подсистемы не являются рядоположенными составляющими, входящими на правах суммативных компонентов в целостность – в метакогнитивную сферу личности. Этот основной результат достаточно убедительно свидетельствует о несводимости содержания метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности к рядоположенной сумме функциональных потенциалов, равно как и содержаний входящих в нее подсистем метакогнитивного плана. Можно видеть, что, фактически, выявляется закономерность, состоящая в принципиально неаддитивной организации основных метакогнитивных подсистем. Она раскрывает новые и достаточно существенные особенности всей метакогнитивной сферы личности. Вместе с тем, ее смысл состоит еще и в том, что наличие такой – достаточно общей закономерности является объективным свидетельством существования и тех образований, по отношению к которым она имеет место. Действительно, как известно из методологии психологии, равно как и из основных положений гносеологии, именно наличие тех или иных общих закономерностей изучаемого объекта выступает объективным индикатором существования его самого как некоторой качественно определенной сущности.

VI

Подводя общие итоги анализу полученных эмпирических данных, можно сделать два основных вывода. Во-первых, все они свидетельствуют (причем, посредством использования весьма разных методических приемов) о правомерности главного предположения относительно существования метакогнитивных подсистем как тех образований, из которых синтезируется особый, качественно специфический уровень организации всей метакогнитивной сферы личности как регулятора информационной деятельности – субсистемный. Доказательством этого выступает то, что по отношению к каждой из подсистем отчетливо выявляется факт наличия у них собственного содержания, собственного функционального потенциала, несводимого к простой сумме отдельных компонентов, то есть отдельных метакогнитивных предикторов. Подсистемы поэтому в принципе нередуцируемы к аддитивной совокупности своих компонентов (отдельных параметров метакогнитивной сферы), а субсистемный уровень ее организации, в силу этого, несводим к компонентному уровню. Это означает также, что метакогнитивная сфера личности в информационной деятельности не может быть полно и адекватно раскрыта без учета категории основных метакогнитивных подсистем и без специального изучения субсистемного уровня ее организации. Его нельзя не учитывать при изучении метакогнитивной регуляции информационной деятельности; на нем локализуется не только очень значимая, но и во многом определяющая доля всего содержания метакогнитивного обеспечения этой деятельности, чему существует множество эмпирико-феноменологических подтверждений.

Во-вторых, все весьма разноплановые методы, реализованные выше, привели к принципиально сходным по психологическому смыслу результатам. Он как раз и заключаются в доказательстве факта существования самих метакогнитивных подсистем. Такая взаимосогласованность (и, значит, взаимная верифицируемость) итоговых результатов, полученных очень разными методами, может служить в качестве еще одного и очень важного аргумента обоснованности сформулированных представлений.

Литература

1. Афанасьев В. Г. Мир живого: системность, эволюция, управление. Москва: Политиздат, 1986. 320 с.
2. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем. Критический обзор // Исследования по общей теории систем: сборник переводов. Москва: Прогресс, 1969. С. 28–61.
3. Бернштейн Н. А. Физиология движений и активности. Москва: Наука, 1990. 495 с.
4. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента. Москва: МГУ, 1982. – 366 с.
5. Карпов А. А. Метакогнитивный контроль регулятивных функций сознания // Мир психологии, 2018. № 2 (94). С. 135–150.
6. Карпов А. А. Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности. Ярославль: ЯрГУ, 2016. 208 с.
7. Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Москва: Изд-во РАО, 2018. 784 с.
8. Карпов А. В. Метасистемная организация уровней структур психики. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 602 с.
9. Карпов А. В., Леньков С. Л. Структурно-функциональное строение профессиональной деятельности информационного характера. Тверь: ТГУ, 2006. 448 с.
10. Карпов А. В. Психология деятельности. В 5-ти тт. Москва: РАО, 2015.
11. Карпов А. В. Методологические основы психологии информационной деятельности. Москва: РАО, 2021. 610 с.
12. Карпов А. В., Чемякина А. В., Волченкова А. А. Структурные закономерности метакогнитивной регуляции информационной деятельности (статья в данном номере).
13. Когнитивная психология / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. Москва: ПЕР СЭ, 2002. 478 с.
14. Лафта Дж. К. Теория организаций. Москва: ТК Велби Прспект, 2006. 416 с.
15. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. Москва: Мир, 1973. 334 с.
16. Солсо Р. Когнитивная психология. Санкт-Петербург: Питер, 2006. 586 с.
17. Шеффе Г. Дисперсионный анализ. Москва: Наука, 1958. 512 с.
18. McGuigan F. J. (Ed.). Experimental Psychology. Methodological approach (3rd ed.). Englewood Cliffs, 1978. 441 p.

УДК 159.9

Межпоколенческие различия в просоциальном поведении волонтеров

Н. В. Клюева, Е. А. Серова, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются теоретические подходы к пониманию волонтерской деятельности как формы просоциального поведения с учетом межпоколенческих различий. Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного в 2022 году, целью которого являлось изучение и сравнительный анализ типов просоциального поведения молодых и «серебряных» волонтеров, а также взаимосвязи типов просоциального поведения с терминальными ценностями волонтеров. Исследование показало, что по типу просоциального поведения группы волонтеров молодого и «серебряного» возраста имеют схожий профиль. Были выявлены общие и отличительные особенности взаимосвязи терминальных ценностей с типами просоциального поведения у двух исследуемых поколений волонтеров.

Ключевые слова: волонтер, поколение, просоциальное поведение; межпоколенческие различия, «серебряные» волонтеры, ценности.

Постановка проблемы исследования. Изучение волонтерской деятельности как формы просоциального поведения личности приобретает в последние годы все большую актуальность и практическую востребованность. По данным ВЦИОМ в России количество граждан, вовлеченных в волонтерскую деятельность, увеличилось в два раза – с 20% от всего населения в 2019 году до 40% в 2021 году [1]. В связи с этим появляется необходимость применения новых методологических подходов к изучению данного феномена, моделирования новых форм управления.

За то время, которое прошло с начала пандемии, социальный состав волонтеров существенно изменился: 58 % волонтеров, зарегистрированных на информационной платформе «Добровольцы России» – молодежь в возрасте 18-24 лет. В настоящее время активно занимаются волонтерской деятельностью и «серебряные» волонтеры – люди в возрасте 55 лет и старше. В этой связи существует необходимость повышения эффективности и удовлетворенности волонтерской деятельностью представителей разных поколений.

Волонтерская деятельность как форма просоциального поведения характеризует поступки, совершаемые одним человеком для другого и ради его пользы [17]. Просоциальное поведение, как правило, обусловлено эмпатией, альтруизмом, помогающим поведением и т. д. Современные исследования позволяют утверждать, что именно волонтерство способствует ресоциализации пожилых людей, усиливает их способности решать собственные проблемы и помогать другим уязвимым людям [15]. Вместе с тем пожилой возраст открывает возможности для психологической работы по поддержке пожилых людей и создания возможностей для выхода пожилого человека на приемлемый уровень психологического благополучия [5].

Анализ теоретических источников по изучению феномена волонтерства и детерминирующих его факторов позволяют предположить, что участие человека в волонтерской деятельности обусловлено не только внутренними, но и внешними детерминантами, поэтому волонтерство должно рассматриваться не только с ценностно-смысловой обусловленности, но и в контексте социального взаимодействия. Изучению психологических свойств волонтеров посвящены работы Е. А. Азаровой [2], И. А. Бочковской [3], А. А. Головановой [18], Г. И. Ефремовой [3], А. Н. Капустинной [4], У. П. Кретовой [6], С. В. Михайловой [11], К. А. Палкина [12], Н. А. Потаповой [13], А. А. Шагуровой [3], Р. М. Шамянова [18] и др. Их исследования касаются, прежде всего, мотивации волонтерства и его психологического содержания, а также личностных смыслов волонтерства.

Для изучения психологии волонтерства сквозь призму просоциального поведения особый интерес представляет позиция Р. М. Шамянова. По его мнению, участие волонтеров в решении социально-значимых задач направлено на улучшение социального бытия других людей, и поэтому является формой просоциального поведения. Социальная установка на просоциальность, интеграцию с группой является

ся существенным фактором душевного благополучия. Волонтерство, как форма просоциального поведения, может быть выгодным волонтеру в виде получения опыта или дополнительных знаний, доступа к ресурсам и саморазвития.

Для понимания межпоколенческих различий в просоциальном поведении волонтеров важно понимание особенностей ценностно-мотивационных аспектов жизнедеятельности представителей разных поколений российского общества. При определении границ между поколениями принято выделять крупные исторические события или процессы, фиксируемые в памяти тех или иных поколений в качестве центральных. К. Маннгейм трактовал, поколение как объединение людей, переживших некий эпохальный значимый исторический опыт. Он подчеркивал, что совместное переживание этого опыта порождает поколенческие синдромы, то есть схожую реакцию, которая затем проявляется на протяжении всей последующей жизни...» (цит. по [10]). В. С. Магун и М. Г. Руднев соотносят ценности поколений с историческим периодом развития общества и отмечают, что для советского общества были более характерны ценности сохранения и заботы о людях и природе, тогда как для современного российского общества характерны ценности открытости изменениям и самоутверждения [9]. О. Ю. Стрижицкая и М. Д. Петраш подчеркивают, что межпоколенные отношения – это широкий пласт взаимодействий, обусловленный особенностями поколенческой идентичности (представлениями, ценностями, направленностью и т. д.) [16].

С. В. Михайлова отмечает, что у молодых людей преобладает мотивация, связанная с желанием пробовать себя в будущей профессии, искать полезные связи и контакты [11]. В среднем возрасте на первый план выходит потребность в самореализации. Наконец, старшему возрасту в большей степени присуще проявление сострадания, милосердия и заботы [7].

Вопрос о социально-психологических характеристиках просоциальной активности волонтеров разных поколений остается дискуссионным и требует детального изучения.

Организация процедуры и методы исследования. Исследование проводилось на эмпирической выборке, состоящей из:

– студентов 1-4 курсов ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова». Общая численность выборки составила 100 респондентов;

– волонтеров «серебряного» возраста (участники волонтерского движения Ярославской, Костромской, Ивановской, Московской областей, волонтеры-участники Школы «серебряного» добровольчества» на базе МУ «КЦСОН Ленинского района г. Ярославля», волонтеры Туристско-информационного центра города Ярославля). Общая численность выборки составила 95 респондентов.

Для изучения особенностей просоциального поведения волонтеров разных поколений была использована методика изучения типов просоциального поведения «Измерение просоциальных тенденций» (Г. Карло и Б. А. Рэндалл, адаптированная Н. В. Кухтовой [8, с.110]). Авторами методики предложено шесть подшкал просоциального поведения. Каждая подшкала позволяет определить тип просоциального поведения: уступчивый, публичный, анонимный, экстренный, эмоциональный и альтруистический.

Для выявления терминальных ценностей волонтеров использовалась методика «Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) И. Г. Сенина [14], позволяющая оценить общую выраженность каждой из восьми терминальных ценностей (престиж, материальное положение, креативность, социальные контакты, развитие себя, достижения, духовное удовлетворение, сохранение индивидуальности). Для выявления взаимосвязи между типами просоциального поведения и терминальными ценностями молодых и «серебряных» волонтеров был проведен корреляционный анализ с применением рангового коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты исследования и их обсуждение. Согласно полученным результатам, группы двух поколений волонтеров обладают схожим профилем по типу просоциального поведения (рис. 1). В той и другой группе альтруистический тип просоциального поведения наиболее выражен. Наименее выражен уступчивый тип просоциального поведения. То есть волонтеры, независимо от возраста, склонны оказывать помощь без вознаграждения и наименее склонны оказывать помощь в ответ на просьбу.

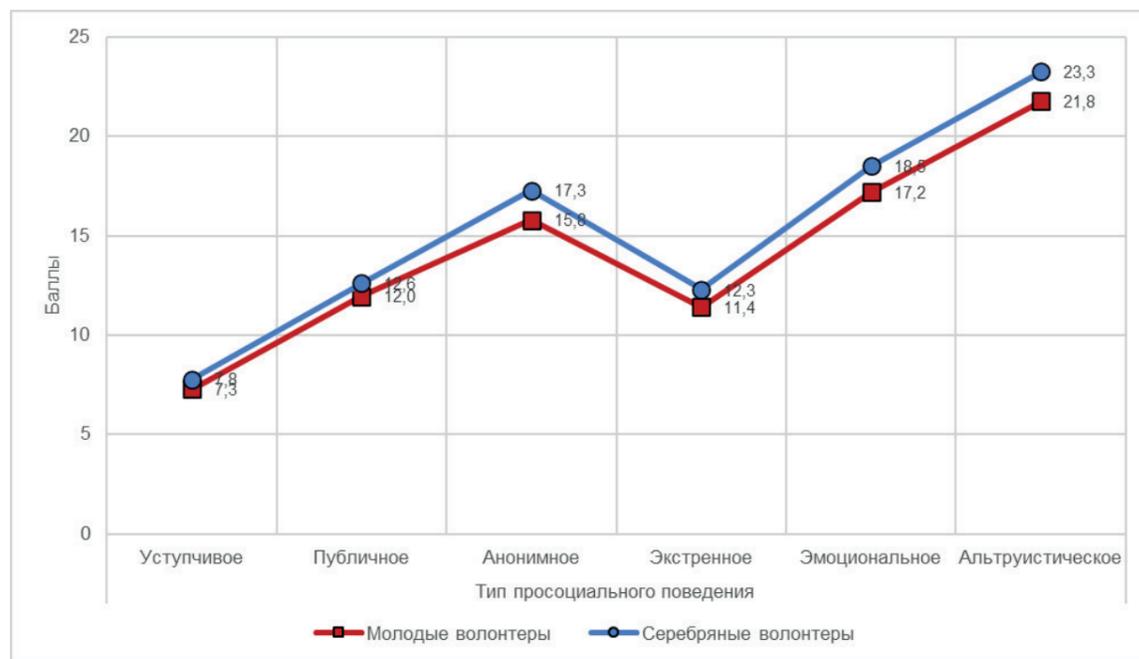

Рис. 1. Тип просоциального поведения в группах молодых и «серебряных» волонтеров.

В таблице 1 представлены результаты распределения выборки двух групп волонтеров по шести типам просоциального поведения. Для проверки статистической значимости различий между группами по типам просоциального поведения был использован U-критерий Манна-Уитни.

Таблица 1.

Значимость различий между типами просоциального поведения молодых и «серебряных» волонтеров.

Тип просоциального поведения	Средние значения		Уровень значимости			
	Молодые волонтеры (группа 1)	Серебряные волонтеры (группа 2)	U	Z	p	
Уступчивое	7,29	7,77	3796	-2,47	0,013388	*
Публичное	11,95	12,60	4276	-1,21	0,227471	
Анонимное	15,79	17,28	3766	-2,51	0,012203	*
Экстренное	11,40	12,28	3626,5	-2,88	0,004003	**
Эмоциональное	17,19	18,49	3667,5	-2,76	0,005804	**
Альтруистическое	21,78	23,25	3568	-3,01	0,002594	**
Уступчивое	7,29	7,77	3796	-2,47	0,013388	*

Обозначения:

- * - различия на уровне значимости $p < 0,05$
- ** - различия на уровне значимости $p < 0,01$
- *** - различия на уровне значимости $p < 0,001$

Проведенная проверка показала, что выделенные группы респондентов статистически достоверно различаются почти по всем типам просоциального поведения (кроме публичного). Наиболее выраженные различия наблюдаются по экстремному ($U=3626,5$; $Z=-2,88$; $p < 0,01$), эмоциональному ($U=3667,5$; $Z=-2,76$; $p < 0,01$) и альтруистическому типу просоциального поведения ($U=3568$; $Z=-2,47$; $p < 0,01$). Каждый из этих типов поведения наиболее выражен в группе «серебряных» волонтеров. «Серебряные» волонтеры показывают большую готовность помогать другим в чрезвычайных и трудных ситуациях и уча-

ствовать в ситуациях, в которых оказание помощи эмоционально окрашено. При этом волонтеры могут испытывать переживания типа облегчения, освобождения от тягостных ощущений, ослабления боли. Это может быть связано с богатым опытом проживания трудных жизненных ситуаций у представителей старшего поколения и особенностями эмоционально-волевой сферы лиц пожилого возраста. Волонтеры старшего поколения более склонны оказывать помощь бескорыстно и без стремления к личной выгоде, их помощь более эмоционально окрашена и чаще проявляется в экстренных ситуациях.

Далее были проанализированы взаимосвязи между типами просоциального поведения и выявленными терминальными ценностями молодых и «серебряных» волонтеров (собственным престижем, высоким материальным положением, креативностью, ценностью активных социальных контактов, развития себя, достижений, духовного удовлетворения и сохранения собственной индивидуальности).

Было выявлено, что у молодых волонтеров более всего терминальные ценности связаны с публичным и эмоциональным типом просоциального поведения и менее всего с альтруистическим. Чем выше ценность собственного престижа, тем меньше выражен альтруистический тип поведения ($r_s = -0,30$; $p < 0,01$) и тем более значимая корреляция с публичным просоциальным поведением ($r_s = 0,47$; $p < 0,001$) и эмоциональным просоциальным поведением ($r_s = 0,44$; $p < 0,01$). Младшему поколению волонтеров необходима оценка действия со стороны других людей, они ориентированы на мнение значимых для себя людей или общественного мнения в целом об их поступке, что свидетельствует о выраженной потребности в социальном одобрении своего поведения. Публичный и эмоциональный тип поведения у молодых волонтеров значимо коррелирует с ценностью активных социальных контактов ($r_s = 0,50$; $p < 0,001$ и $r_s = 0,41$; $p < 0,01$). Это означает то, что самым главным в процессе волонтерской деятельности для молодых волонтеров является установление таких взаимоотношений, где о них будут хорошо отзываться, и которые будут способствовать формированию положительного имиджа.

У волонтеров старшего поколения прослеживается высокая связь всех терминальных ценностей с публичным, экстремным и эмоциональным просоциальным поведением. На самом высоком уровне значимости у волонтеров старшего поколения, как и у молодых волонтеров, связь ценности собственного престижа с публичным типом просоциального поведения ($r_s = 0,50$; $p < 0,001$). Это свидетельствует о необходимости для «серебряных» волонтеров поддерживать свой социальный статус, получая одобрение со стороны окружающих за свои действия и поступки, осознавать принадлежность к той или иной группе. Это свидетельствует о том, что волонтерам старшего поколения важно в процессе деятельности достигать определенных результатов и не останавливаться на них, стремиться к саморазвитию. Люди старшего поколения, взросление которых происходило в тот исторический период, когда главными ценностями считались оптимизм, стремление к личностному росту, трудоголизм, заинтересованность в личностном росте и вознаграждении, при достижении определенных результатов и саморазвития испытывают ощущение счастья, стабильности и безопасности, чувство удовлетворенности.

Следует отметить, что у представителей старшего поколения больше связей по ценностям с альтруистическим просоциальным поведением, чем у молодых волонтеров. Так, среди респондентов «серебряного» возраста присутствует высокая связь ценности духовного удовлетворения с альтруистическим типом поведения ($r = 0,35$; $p < 0,001$). Другими словами, представители старшего поколения связывают возможность бескорыстного и благотворительного оказания помощи другим без личной выгоды с получением морального удовлетворения.

Заключение. Обобщая полученные данные о типах просоциального поведения в двух исследуемых группах, можно отметить следующее. По типу просоциального поведения группы волонтеров молодого и серебряного возраста имеют схожий профиль. Все типы просоциального поведения более выражены в группе «серебряных» волонтеров. Меньше всего группы волонтеров расходятся по публичному типу просоциального поведения, больше всего – по альтруистическому типу. В той, и другой группе преобладает альтруистический тип просоциального поведения, но в группе «серебряных» волонтеров этот тип поведения статистически более выражен. Были обнаружены как общие, так и отличительные особенности взаимосвязи терминальных ценностей с типами просоциального поведения у двух исследуемых поколений волонтеров. К общим тенденциям можно отнести склонность молодых и «серебряных» волонтеров связывать собственный престиж с публичными и эмоционально окрашенными действиями. К основным отличительным чертам можно отнести то, что экстремный тип просоциального поведения более связан с терминальными ценностями «серебряных» волонтеров. Еще одной важной особенностью волонтерства в «серебряном» возрасте является склонность представителей старшей возрастной группы к получению морального удовлетворения от бескорыстной помощи без какой-либо личной выгоды.

Литература

1. Благотворительность в России: вовлеченность, мотивы, барьеры [Электронный ресурс].—<http://https://wciom.ru/presentation/prezentacii/blagotvoritelnost-v-rossii-vovlechenost-motivy-barery-2> (дата обращения 14.08.2022).
2. Азарова Е. С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности. Хабаровск: ОАО Беловский полиграфист, 2008. 287 с.
3. Ефремова Г. И., Шагурова А. А., Бочковская И. А. Актуальное состояние проблемы социально-психологической готовности молодежи к волонтерской деятельности // Вестник Северо-Кавказского федерального университета, 2015. № 5(50). С. 160–166.
4. Капустина А. Н. Волонтерская деятельность как ресурс самореализации личности // Universum: психология и образование, 2016. № 3–4 (22). С. 6.
5. Ключева Н. В., Головачева Н. С. Пожилой возраст: подготовка к смерти или продолжение жизни (экзистенциальный анализ проблем пожилого возраста и разработка технологий психологической поддержки) Психология зрелости и старения, 2012. № 3. С. 60–76.
6. Кретьева У. П. Особенности ценностно-смысловой сферы лиц, включенных в волонтерскую деятельность // Психология в вузе, 2015. №1. С. 58–67.
7. Кудринская Л. А. Мотивация добровольческого труда: теоретические подходы в социологии // Гражданское общество в России; опыт участия в женских НПО. Сборник материалов. Москва, 2004. С. 71–77.
8. Кухтова Н. В. Психология просоциального поведения в современных исследованиях. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. 162 с.
9. Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте [Электронный ресурс].— http://www.civisbook.ru/files/File/Bazov_zen_St1_Magun_Rudnev.pdf.
10. Маннгейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение, 1998. № 30. С. 7–47.
11. Михайлова С. В. Добровольчество в Санкт-Петербурге, потенциал и признаки индустриализации // Материалы международной конференции «Волонтерское движение в России. Реальность и перспективы». Санкт-Петербург, 2005. С. 11–26.
12. Палкин К. А. Состояние и перспективы изучения психологических детерминант волонтерской деятельности // Психолого-педагогические исследования, 2017. Т. 9. № 4. С. 99–107.
13. Потапова Н. А. Групповые и личностные факторы социально-психологического климата волонтерских объединений ... автореф. дисс. к. пс. н. Санкт-Петербург, 2006. 26 с.
14. Сенин И. Г. Опросник терминальных ценностей. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», «Содействие», 1991. 19 с.
15. Серебряные волонтеры / под ред. Т. Н. Арсеньевой. Тверь: Полиграфическая компания «Печатня», 2016. 60 с.
16. Стрижицкая О. Ю., Петраш М. Д. Несемейные межпоколенные отношения: проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, 2019. Т. 9. № 3. С. 243–253.
17. Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. Пойми других, чтобы понять себя! Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2002. 256 с.
18. Шамянов Р. М., Голованова А. А. Социальная психология личности: учеб. пособие для студентов высш. учеб. завед. Москва: Издательство «Перо», 2017. 300 с.

УДК 159.9

Различия выраженности личностных характеристик в противоположных типах профессионального окружения

И. Г. Сенин, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. В статье дается краткое описание исследования по изучению достоверности различий выраженности базовых личностных характеристик у представителей различных типов профессионального окружения. Делается вывод о влиянии типа профессионального окружения на выраженность базовых личностных свойств.

Ключевые слова: профессиональное окружение, базовые личностные свойства, достоверность различий.

Постановка проблемы исследования. Проблема изучения профессиональной деформации личности, включающая в себя исследование влияния специфических особенностей профессиональной деятельности на личностные характеристики, является одной из центральных и наиболее актуальных проблем психологии труда.

Профессиональная деятельность, как включенная в процесс жизнедеятельности специфическая форма активности личности, во многом может стать причиной изменений самого широкого круга психических свойств и качеств. Особое место среди них занимают, так называемые, базовые свойства личности, которые составляют ядро целостной личностной структуры и определяют наиболее характерные для человека модели его поведения.

Основная цель нашего исследования состояла в том, чтобы определить, какие базовые свойства личности в наибольшей степени подвержены влиянию специфических особенностей той или иной профессиональной среды. Соответственно, главная задача исследования состояла в определении статистически значимых различий выраженности базовых свойств личности у представителей различных профессиональных групп.

В качестве основного диагностического инструмента нами был использован русскоязычный вариант личностного опросника NEO PI-R, базирующийся на теоретической концепции, известной как Пятифакторная модель личности. Опросник предназначен для диагностики следующих базовых личностных характеристик: Нейротизм (N), Экстраверсия (E), Открытость опыту (O), Сотрудничество (A), Добросовестность (C) [1, 3, 4].

Содержание шкалы «Нейротизм» отражает общую тенденция испытывать негативные аффективные состояния, такие как страх, грусть, раздражение, гнев, чувство вины, отвращения и т. п. По своему содержанию нейротизм представляет собой свойство, противоположное свойству эмоциональной стабильности. Люди с высоким баллом по этой шкале склонны к иррациональным идеям, плохо контролируют свое импульсивное поведение и хуже, чем другие, справляться со стрессами. Иногда высокие баллы могут также отражать некоторую предрасположенность к неадекватным психическим реакциям, однако данная шкала опросника NEO PI-R в любом случае не рассматривается как инструмент для измерения какой-либо психопатологии.

Индивиды, получившие низкий балл по шкале «Нейротизм», в поведении чаще всего проявляют эмоциональную стабильность. Они обычно спокойны, уравновешены и расслаблены. В стрессовых ситуациях они способны не поддаваться панике, хорошо контролировать свои эмоции и сохранять умение трезво оценивать ситуацию.

Что касается, шкалы «Экстраверсия», то основной отличительной чертой экстравертов является общительность, однако общительность является только одним из видов поведения, который характеризует шкалу «Экстраверсия». Помимо этого, высокие баллы по данной шкале отражают также стремление быть среди людей, участвовать в собраниях и других массовых мероприятиях, а также управлять групповой работой других людей. Такие люди напористы, активны, энергичны, оптимистичны и социальны.

Противоположный полюс данной шкалы характеризуется сдержанностью в поведении, независимостью от мнений других людей, неторопливостью и уравновешенностью. Люди, склонные к Интроверсии менее энергичны, оптимистичны. Широким социальным контактам они предпочитают взаимодействие с ограниченным кругом людей.

Основными проявлениями шкалы «Открытость опыту» являются активное воображение, эстетическая чувствительность, внимание к чувствам других людей, стремление к разнообразию, гибкость ума и независимость в суждениях и оценках. Индивиды, открытые новому опыту, как правило, принимают и поддерживают новые идеи и нетрадиционные ценности. Они переживают и позитивные и негативные эмоции гораздо интенсивнее, по сравнению с закрытыми индивидами.

Индивиды, которые имеют низкий балл по шкале «Открытость опыту», в своем поведении склонны использовать общепринятые модели поведения и проявлять консервативность в своих взглядах. Все жизненные проблемы они привыкли решать самыми простыми и проверенными способами.

Содержание шкалы «Сотрудничество» отражает особенности межличностного взаимодействия. Сотрудничающая личность по своей природе альтруистична. Симпатизируя другим и стремясь помочь им, сотрудничающий человек верит, что и другие люди в ответ окажут ему равноценную помощь. В противоположность этому, соперничающий человек эгоцентричен, скептически относится к намерениям других и по духу в большей степени стремится к конкуренции, чем к сотрудничеству.

С точки зрения социума высокие оценки по данной шкале отражают положительные тенденции в поведении личности, поскольку, чаще всего, человек, активно стремящийся к сотрудничеству, может вызвать со стороны других людей только позитивные реакции. Однако, чрезмерное стремление к сотрудничеству, все же не всегда можно считать положительным свойством. Когда от человека требуется проявить готовность отстаивать свои собственные интересы, стремление к сотрудничеству может оказаться нежелательным качеством. Помимо этого, людям с пониженными оценками по данной шкале свойственны некоторый скептицизм и высокий уровень критического мышления, что во многом определяет успешность выполнения многих видов умственной деятельности.

Основное содержание шкалы «Добросовестность» определяется как умение контролировать свои импульсивные желания. Индивиды, которые имеют высокий балл по данной шкале, как правило, обладают хорошей силой воли, для них характерно стремление достигать поставленных целей и доводить начатое дело до конца несмотря ни на какие препятствия. В работе такие люди, как правило, бывают очень организованы, планомерны, надежны и пунктуальны. Однако с негативной стороны слишком высокие баллы по шкале «Добросовестность» могут проявляться в излишней внимательности к мелочам, чрезмерной разборчивости, навязчивой аккуратности и склонности к поведению трудоголика.

Низкие баллы по шкале «Добросовестность» говорят о меньшей степени требовательности к себе и к соблюдению моральных принципов, а также о низкой мотивированности в достижении своих профессиональных целей.

В качестве основания для выделения профессиональных групп нами была взята концепция профессионального выбора Дж. Голланда [2]. Согласно данной концепции существует 6 типов профессионального окружения, в которых человек может осуществлять свою профессиональную деятельность. При этом, в силу специфики содержания труда каждый из типов профессионального окружения состоит из определенной группы людей, обладающих сходными личностными и профессиональными особенностями. Дж. Голландом были выделены следующие типы профессионального окружения: реалистический (Р-тип), исследовательский (И-тип), социальный (С-тип), конвенциональный (К-тип), предпринимательский (П-тип) и артистический (А-тип).

Реалистический тип профессионального окружения включает в себя такие виды деятельности, которые предполагают работу с реальными предметами и объектами, дают конкретный осязаемый результат труда, требуют точности, ловкости, хорошей сенсомоторной координации, а также других умений и навыков, связанных с ручным трудом.

Исследовательский тип профессионального окружения включает в себя те виды деятельности, которые предполагают выполнение сложных мыслительных заданий, требующих использования абстрактного мышления, а также умения собирать и анализировать информацию самого разного рода.

Социальный тип профессионального окружения предполагает работу с отдельными людьми или группами людей. К данной категории профессиональной деятельности относятся, в первую очередь, так называемые «помогающие» профессии. Конвенциональный тип окружения, в свою очередь, включает в себя четко структурированную деятельность, связанную с ведением деловой документации, финансовыми расчетами, планированием и анализом данных. Такой вид профессиональной деятельности требует от человека высокой концентрации внимания, терпения и усидчивости.

Основным содержанием предпринимательского типа окружения является организаторская работа с людьми, направленная на достижение экономического успеха. Данный вид профессиональной деятельности предполагает активность, энергичность, напористость, амбициозность, а также стремление управлять другими людьми.

В артистическом типе окружения преобладают творческие виды деятельности со слабо структурированными и нечетко определенными целями. Этот вид профессиональной деятельности требует хорошего воображения, экспрессивности, креативности и самовыражения.

Выборка исследования. В исследовании приняло участие 442 испытуемых. В данную выборку были включены испытуемые в возрасте от 30 до 65 лет. Соотношение в выборке мужчин и женщин было примерно одинаковым. Стаж работы по профессиям соответствующего типа профессионального окружения составил от 8 до 38 лет. Каждый тип профессионального окружения был представлен следующими профессиями и специальностями.

Реалистический тип составили представители инженерных специальностей, механики, водители автомобилей, рабочие автосервиса и строители. Общее количество испытуемых данного типа составило 82 человека.

Профессии исследовательского типа включали программистов, математиков, физиков, физиологов, ботаников, психологов и историков. Общее количество испытуемых данного типа составило 61 человек.

Социальный тип был представлен профессиями учителя, психолога-консультанта, воспитателя детского сада, социального работника. Общее количество испытуемых данного типа составило 76 человек.

Сферу конвенциональных профессий составили бухгалтеры, кассиры, секретари-референты, офисные служащие. Общее количество испытуемых данного типа составило 80 человек.

Выборку профессий предпринимательского типа составили директора и управляющие предприятиями и коммерческими фирмами. Общее количество испытуемых данного типа составило 80 человек.

Артистический тип был представлен профессиональными музыкантами, художниками, дизайнерами помещений и театральными актерами. Общее количество испытуемых данного типа составило 80 человек.

Результаты и выводы. Сравнительный анализ данных проводился в соответствии с положением концепции Дж. Голланда о соотношении между типами профессионального окружения. В соответствии с понятием однородности, введенным Дж. Голландом, все выделенные им типы профессионального окружения обладают большими или меньшими различиями между собой. Так, наиболее противоположными по своему содержанию типами являются: реалистический и социальный типы, исследовательский и предпринимательский типы, а также артистический и конвенциональный типы. Исходя из этого мы предположили, что в этих трех парах противоположных типов профессионального окружения различия в выраженности базовых личностных характеристик будут наиболее заметны, поскольку каждый из этих двух противоположных типов оказывает на отдельные свойства личности большее или меньшее влияние. Поэтому те типы окружения, которые характеризуются более высокой выраженностью того или иного свойства и могут рассматриваться в качестве типов, влияющих на формирование определенных свойств личности в наибольшей степени.

По итогам сбора статистических данных для каждого типа профессионального окружения высчитывались основные параметры распределения по каждой шкале NEO PI-R (см. таблицу 1).

Таблица 1

Основные параметры распределения

Параметры	Р-тип					С-тип				
	N	E	O	A	C	N	E	O	A	C
Среднее	95	97	97	110	112	97	110	115	116	114
Медиана	96	98	87	112	110	98	112	113	118	115
Асимметрия	0.45	0.32	0.65	0.23	0.44	0.31	0.57	0.52	0.39	0.42
Эксцесс	0.23	0.27	0.61	0.50	0.39	0.36	0.29	0.27	0.46	0.42

Параметры	И-тип					П-тип				
	N	E	O	A	C	N	E	O	A	C
Среднее	89	97	113	98	110	91	116	108	101	118
Медиана	87	95	114	102	112	89	115	106	105	116
Асимметрия	0.65	0.11	0.36	0.23	0.19	0.21	0.31	0.36	0.20	0.23
Эксцесс	0.31	0.34	0.48	0.28	0.50	0.31	0.37	0.29	0.31	0.45
Параметры	А-тип					К-тип				
	N	E	O	A	C	N	E	O	A	C
Среднее	103	109	127	109	100	94	105	107	115	124
Медиана	105	107	125	108	98	92	100	109	114	123
Асимметрия	0.28	0.37	0.51	0.65	0.21	0.23	0.31	0.23	0.41	0.30
Эксцесс	0.39	0.23	0.40	0.31	0.39	0.19	0.50	0.36	0.14	0.23

Статистическим критерием выявления достоверности различий между указанными выше типами послужил t-критерий Стьюдента. Результаты исследования представлены таблице 2.

Таблица 2

Средние значения и статистически достоверные различия по шкалам опросника NEO PI-R в противоположных типах профессионального окружения

Шкалы NEO-PI-R	Средние значения		t	p
	Р-тип	С-тип		
Экстраверсия (E)	97	110	4,30	0,01
Открытость опыту (O)	97	115	7,49	0,01
Сотрудничество (A)	110	116	2,52	0,05
Шкалы NEO-PI-R	Средние значения		t	p
	И-тип	П-тип		
Экстраверсия (E)	97	116	6,72	0,01
Открытость опыту (O)	113	108	2,03	0,05
Добросовестность (C)	110	118	2,66	0,01
Шкалы NEO-PI-R	Средние значения		t	p
	А-тип	К-тип		
Нейротизм (N)	103	94	3,75	0,01
Открытость опыту (O)	127	107	9,27	0,01
Сотрудничество (A)	109	115	2,11	0,05
Добросовестность (C)	100	124	9,87	0,01

Результаты проведенного нами исследования показывают, что по целому ряду личностных характеристик действительно существуют статистически значимые различия между представителями противоположных типов профессионального окружения. В частности, были обнаружены различия между реалистическим и социальным типами по шкалам Экстраверсия, Открытость опыту и Сотрудничество. Представители Социального типа демонстрируют более высокие оценки по указанным шкалам по сравнению с Реалистическим типом.

Статистически достоверные различия были получены также по шкалам Экстраверсия, Открытость опыту и Добросовестность между Исследовательским и Предпринимательским типами профессионального окружения. Представители Предпринимательского типа получили более высокие оценки по шка-

лам Экстраверсия и Добросовестность, в то время как представители профессий Исследовательского типа характеризовались более высокими значениями по шкале Открытость опыту.

Наконец, для тех испытуемых, которые представляли Артистический и Конвенциональный типы были обнаружены статистически значимые различия по шкалам N Нейротизм, Открытость опыту, Сотрудничество и Добросовестность. Представители артистического типа отличаются более высоким уровнем Нейротизма и Открытости новому опыту по сравнению с конвенциональным типом. В тоже самое время представители конвенционального типа имеют более высокие оценки по шкале Сотрудничество) и Добросовестность.

Таким образом, результаты проведенного нами исследования в целом показывают, что базовые свойства личности имеют различную степень выраженности у испытуемых, находящихся в противоположных по своему содержанию видах профессионального окружения. Этот факт, по нашему предположению, позволяет говорить о том, что тип профессионального окружения как важная часть любой профессиональной деятельности в определенной степени действительно обуславливает выраженность ряда базовых личностных свойств. Так социальный тип окружения способствует развитию экстраверсии, открытости опыту и сотрудничества, предпринимательский тип способствует развитию экстраверсии и добросовестности, исследовательский тип позволяет развивать открытость опыту, под влиянием артистического типа повышается уровень нейротизма и открытости опыту, а конвенциональный тип окружения способствует развитию сотрудничества и добросовестности.

Литература

1. Орел В. Е., Сенин И. Г. Личностные опросники NEO PI-R и NEO FFI. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 2008.
2. Holland J. L. Making vocational choices: A theory of vocational personalities and work environments. (2nd edition) Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. 1985.
3. McCrae R. R., Costa P. T., Jr. NEO Inventories: Professional manual. Lutz, FL: Psychological Assessment Resources, Inc., 2010.
4. McCrae R. R., Kurtz J. E., Yamagata S., Terracciano A. Internal consistency, retest reliability, and their implications for personality scale validity // Pers Soc Psychol Rev., 2011. 15 (1). P. 28–50.

УДК 159.9

Структурные закономерности метакогнитивной регуляции информационной деятельности

**А. В. Карпов, А. В. Чемякина, А. А. Волченкова,
г. Ярославль, Российская Федерация**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ);
номер проекта 21-18-00039*

Аннотация. Представлены результаты, доказывающие, что факторы метакогнитивного плана являются важными детерминантами информационной деятельности и ее основного параметра – эффективности. Эта детерминация является не только значимой, но и комплексной, поскольку она осуществляется в нескольких планах и в ряде аспектов одновременно. Показано, что детерминационное влияние основных подсистем, входящих в метакогнитивную сферу личности, выступает и принципиально диверсифицированным, что проявляется, в частности, в существенно более значимом воздействии на нее таких подсистем, которые имеют не собственно метакогнитивную, а метарегулятивную ориентацию. Данный результат является также аргументом в пользу необходимости дифференциации двух базовых форм рефлексии – когнитивной и регулятивной. В связи с этим, понятие метакогнитивной сферы личности подвергнуто концептуальному расширению и трансформации в понятие метапроцессуальной сферы личности, включающей в себя не только одну категорию метапроцессов – метакогнитивные, но и иные также реально представленные их категории – в частности, метарегулятивные процессы.

Ключевые слова: метакогнитивные процессы, структура деятельности, метакогнитивная сфера, информационная деятельность, структурные закономерности

I

Одной из главных тенденций эволюции «мира деятельности» является бурная экспансия IT-технологий, связанная, в свою очередь, с возникновением и широким распространением таких видов и типов деятельности, которые базируются на этих технологиях и реализуются посредством компьютерной техники [4-7]. Речь при этом идет, по существу, о становлении нового класса деятельности – *субъектно-информационного*, о приоритетной эволюции собственно информационной деятельности, а также о том, что многие иные типы и виды деятельности перестраиваются в направлении конвергенции и синтеза с ним. Важно и то, что именно ему принадлежит будущее; он с очевидностью находится на «острие» прогресса видов и типов профессиональной деятельности – прогресса, масштабы и темпы которого велики, а его дальнейшая эволюция составляет не только ближайшую, но и отдаленную перспективу развития профессиональной деятельности. Все это приводит к необходимости его приоритетного изучения.

Ведущую и определяющую роль в его реализации, равно как, впрочем, и в реализации иных видов и типов деятельностей, играет высший уровень ее осуществления – произвольный, осознаваемый. В свою очередь, основными «составляющими» данного уровня являются базовые метакогнитивные процессы, а также иные факторы и детерминанты метакогнитивного плана. Дело в том, что именно они, как показывают современные исследования, как раз и являются базовыми парциальными компонентами сознания в целом и осознаваемой регуляции поведения и деятельности, в частности. Исследования, в том числе и выполненные нами показывают также, что вся их совокупность синтезирована в специфическое по содержанию и интегративное по организации образование – в метакогнитивную сферу личности [8, 14]. Наконец, как опять-таки свидетельствуют исследования, ведущую роль в ней играет совокупность тех основных подсистем, из которых она и состоит. В настоящее время дифференцировано восемь подсистем, входящих в метакогнитивную сферу личности.

Так, на основе осуществленного в работе [14] специального психологического анализа этой деятельности были установлены и проинтерпретированы не только такие подсистемы, аналоги которых уже частично описаны в литературе, но и такие, которые не были дифференцированы до сих пор. К первым

из них относятся такие подсистемы, которые синтезируют в себе уже известные – причем, базовые и наиболее важные категории процессов и образований метакогнитивного плана. В свою очередь, они, как известно, дифференцируются на основе их соответствия с теми или иными – также базовыми подсистемами психических процессов. В результате появляются необходимые и достаточные основания для выделения четырех основных подсистем – *метакогнитивной*, *метарегулятивной* и *метакоммуникативной*. Обоснованность такой дифференциации вытекает и из наиболее важных результатов, полученных в метакогнитивизме, равно как и в смежных с ним областях. Это, прежде всего, классические работы Дж. Флейвелла, Л. Нельсона, Л. Наренса, Дж. Борковски, Р. Ключе, Дж. Меткалф, А. Шимамуры, Р. Париса, Д. Симстера [20, 25, 26, 29, 30, 31], посвященные определению состава и содержания метакогнитивных образований. Это, далее, и работы, выполненные в русле еще одного важного направления – метаоперационного, связанного с исследованием метарегулятивных процессов (М. Феррари, Д. Дёрнер, А. Браун, М. Лефебр-Пинар [21, 23, 24, 27]). Это также исследования, вскрывающие наличие метауровня организации коммуникативных процессов, равно как и эмоциональной регуляции деятельности (см. обзор в [10]).

Вместе с тем, в работе [14] дано и комплексное обоснование того, что только эти подсистемы не исчерпывают собой всего содержания метакогнитивной сферы личности. Не менее значимо и то, что они далеко не в полной мере раскрывают специфику метакогнитивной регуляции именно информационной деятельности. Она может быть выявлена лишь при условии дифференциации еще пяти подсистем, носящих уже не столько общих, сколько именно деятельностно-специфический характер, то есть складывающихся и формирующихся под определяющим воздействием собственно деятельностной детерминации.

Так, в психологии профессиональной деятельности традиционно принято уделять достаточно большое внимание его собственно рефлексивным аспектам и средствам, а также трактовать саму рефлексивность как одно из профессионально-важных качеств, имеющее, соответственно, подчеркнута позитивную окраску. Однако к настоящему времени установлен ряд фундаментальных по своей значимости и принципиально сходных по смыслу закономерностей и явлений, свидетельствующих о наличии существенно иной и также достаточно важной и очень общей закономерности. Она состоит в том, что эффективность реализации подавляющего большинства деятельностных задач и функций является максимальной на некотором среднем, то есть оптимальном уровне развития рефлексивности (а не на минимальном и не на максимальном ее значении). Исследования, в том числе – и проведенные нами, показывают также, что субъект деятельности, как правило, распознает эту особенность, а затем – использует ее в качестве средства оптимизации своей деятельности. Для этого он прибегает к специфическим средствам, позволяющим минимизировать степень рефлексивного контроля за деятельностью и ее частными функциями [8]. Он осознанно минимизирует (или блокирует) роль самого сознания в регуляции деятельности и поведения. В результате этого порождается своего рода «вторичный» феномен – феномен «метакогнитивной блокады»: рефлексивный контроль либо редуцируется, либо полностью блокируется. Эти данные не только позволяют, но и требуют дифференцировать качественно глубоко своеобразное проявление рефлексии (и рефлексивности). Она может не только усиливать (фасилитировать) сама себя, но и минимизировать (ингибировать) себя. Причем, очень важно, что такая ингибция – фактически, контролируемая и целенаправленная ее редукция осуществляется такими средствами и механизмами, которые также являются подчеркнута рефлексивными. В результате этого в управленческой деятельности складывается и развивается система своего рода «анти-рефлексивных» средств, направленная именно на это. Она была обозначена термином *ингибиторной* подсистемы [14].

Далее, с высокой степенью очевидности предстает необходимость в дифференциации еще двух – также качественно глубоко специфических и крайне важных для информационной деятельности подсистем. Они, однако, сопряжены не с операциональными механизмами и процессами метапознания, а с их итоговыми эффектами, с их результатами, то есть со знаниями как таковыми. Вместе с тем, это особые знания – «знания о знаниях», «вторичные» знания, то есть метазнания. Аналогично тому, как феномен знаний является предельно многомерным, сложным и многоаспектным, метазнания также характеризуются выраженной гетерогенностью. В силу предельной гетерогенности данного феномена, представления о нем не характеризуются должной степенью систематизированности. Поэтому они находятся пока на претеоретическом уровне разработанности и требуют их концептуализации – в частности, их ассимиляции со стороны общих взглядов относительно организации всей метакогнитивной сферы личности. Далее, следует отметить, что эта гетерогенность достаточно давно была распознана в метакогнитивизме, в связи с чем в нем выделяются две основные категории метазнаний – знания информации и знания стратегий, что также требует учета при дифференциации метакогнитивной сферы

на ее основные подсистемы. Кроме того, нельзя не видеть и того, что эта дифференциация принципиально близка с еще одной, но уже максимально общей и, по существу, общенаучной дифференциацией основных типов знаний – на декларативные и процедуральные. Наконец, необходимо учитывать и то, что данная дифференциация особо значима и показательна именно для информационной деятельности в целом и той, которая базируется на компьютерной технике, в особенности. Дело в том, что именно в ней степень так сказать автономности, разделенности этих типов является очень существенной, максимальной. С одной стороны, безусловно, IT-специалист должен владеть очень существенным объемом общих и специальных знаний по своему предмету – знаний, которые составляют базу его профессионализма, но которые не носят непосредственного конкретно-операционного характера. С другой стороны, он должен владеть и столь же большим объемом знаний о конкретных процедурах и алгоритмах, программах и способах работы. Причем, наиболее характерно то, что очень часто итоговая эффективность деятельности и вообще – возможности работы определяется не столь первой категорией, сколько второй; для нормативной деятельности вовсе не требуется очень глубоких знаний о том, как «устроена» и как работает та техника, на основе которой она реализуется. В этом плане можно привести аналогию с известным выражением «Для того, чтобы управлять автомобилем, не обязательно знать, как он устроен». Кроме того, в массовом случае этого и не требуется; более того, это, строго говоря, не представляется возможным вообще, поскольку уровень ее сложности таков, что он выходит за пределы возможности освоения рядовыми пользователями. Существование и выраженная автономность этих двух типов знаний также обуславливает специфику формирования и итогового содержания метакогнитивной сферы личности в данной деятельности. Потому данное обстоятельство также должно быть учтено при ее дифференциации на ее «составляющие» – подсистемы. В силу всех этих аргументов, отражающих основные тенденции развития метакогнитивизма, а также структуру того главного, что в нем есть – предмета, становится очевидной необходимость дифференциации еще двух базовых подсистем метакогнитивной сферы. Первая включает в себя интегрированную совокупность метаэпистемологического типа, а вторая – столь же интегрированную совокупность метаэпистемологического типа. Вообще говоря, только определенной инерционностью научных представлений в данной области можно объяснить тот факт, что эта дифференциация до сих пор не была ассимилирована должным образом метакогнитивизмом.

Подчеркнем также, что в данном пункте анализа мы вплотную сталкиваемся с таким фундаментальным понятием (и, соответственно, феноменом), каковым выступает феномен опыта, в том числе – профессионального. Следует учитывать также, что данный феномен особо важен именно для профессиональной деятельности, для личности профессионала в целом. В этой связи, например, совершенно не случайно, что в качестве синонима понятия «эффективный профессионал» используется понятие «опытный профессионал». Кроме того, необходимо обязательно принимать во внимание, что само понятие метаэпистемологического (и во многом производное от него понятие опыта) очень тесно связано с еще одним и также крайней важной для профессиональной деятельности в целом понятием, даже – с принципом ее организации. Речь идет о принципе репродуктивности, то есть о таких стратегиях организации и реализации деятельности, которые базируются на приоритете использования уже имевших место ранее и проверенных способов и приемов ее организации, которые, в свою очередь, как раз и фиксируются в форме знаний о них. Итак, дифференциация этих подсистем объективно необходима именно точки зрения ее роли в организации деятельности. В то же время, она полностью соответствует общей логике развития всего метакогнитивизма, а также содействует решению ряда сформулированных в нем задач. В наиболее обобщенном виде их можно условно обозначить рабочими терминами *метадекларативной* и *метапроцедуральной* подсистем.

Дифференциация этих подсистем создает необходимые условия для выявления еще двух столь же значимых подсистем. Дело в том, что, как показано в работе [14], существует глубинное подобие базовых принципов функционирования компьютерной техники и организации психики. Как известно, на уровне осознания, уровне произвольной регуляции этим функционированием субъекту вовсе не даны все те механизмы и средства, принципы и способы, которые лежат в основе объективного функционирования психики. Более того, эта принципиально неполная их репрезентация составляет одну из основных характеристик психики – ее неполную интроспективную данность, ее не только не объективированность, но и не полную субъективированность. Собственно говоря, это и отражено в наиболее общем принципе ее организации – в дифференциации на осознаваемое и неосознаваемое, а также на присущие им механизмы и процессы. Тем не менее, несмотря на эту неполную (точнее – очень парциальную) данность, то есть, фактически, неполные знания о том, как она функционирует, субъект все же оказывается в состоянии достаточно эффективно управлять и самим функционированием, и быть способным к столь же эффективно решению. Иными словами, в связи с этим, возникает не только возможность, но и не-

обходимость распространения общенаучной и очень значимой дифференциации двух основных типов знаний – декларативных и процедуральных на сами метаэпистемологические. Они также могут быть как метадекларативными, так и метапроцедуральными.

Иными словами, сами метадекларативные и метапроцедуральные знания могут быть не только так сказать внешними, но и внутренними – не только знаниями об объективном мире, но и о мире субъективном. Более того, они составляют огромную часть всего содержания тех репрезентаций, которые и лежат в основе опыта как интегрированной системы всех знаний. Вместе с тем, как можно видеть, эта часть также является принципиально гетерогенной и включает в себя те же категории, которые составляют содержание объектно-ориентированных репрезентаций – декларативную и процедуральную. Первая часть интегрирует в себе всю «внутреннюю» информацию, все знания, генерируемые субъектом посредством своего рода внутреннего канала – посредством саморепрезентаций, базирующегося, в свою очередь, на фундаментальном механизме самосензитивности. В силу этого, можно сказать, что этот источник фиксирует уже не столько метакогницию, сколько эндокогницию. Он фиксирует в себе синтезированную информацию – фактически, знания субъекта о самом себе – своих возможностях и ограничениях, о своих знаниях и не-знаниях, особенностях и свойствах, о сильных и слабых сторонах. Одновременно это же обстоятельство обязывает органично включить в состав метакогнитивной сферы и широко излучающиеся в настоящее время в метакогнитивизме так называемые бессознательные компоненты метакогниции. Все сказанное позволяет дифференцировать еще одну подсистему метакогнитивной сферы, которую условно можно обозначить термином *эндокогнитивной* подсистемы.

Вместе с тем, как следует из характеристики данной подсистемы, она сопряжена не со всей системой «внутренней» информации, а преимущественно с той, которая базируется на репрезентациях субъекта о себе, носящих содержательный, собственно информационный характер. Иными словами, ее специфика состоит в том, что она является производной от знаний о себе именно декларативного типа. Однако, очень показательна (и доказательно) и то, что принципиально аналогичная картина имеет место и по отношению к субъектным знаниям второго – процедурального типа. В состав профессионального опыта (хотя, конечно, не только профессионального, но и вообще – поведенческого, личностного) входят и знания по типу «как?», – знания о способах и стратегиях, средствах и механизмах воздействия на самого себе – процедуральные знания в отношении управления собой, регуляции себя, то есть саморегуляции. Можно видеть, что тем самым обширное направление психологии саморегуляции обретает свое естественное место в развиваемых здесь представлениях о содержании метакогнитивной сферы. Сами же эти представления также существенно обогащаются, поскольку они органично включают в себя еще одну – новую для них категорию метаэпистемологических – метапроцедуральные. Данную подсистему можно обозначить именно этим рабочим термином – понятием *саморегулятивной* подсистемы.

II

Дифференциация этих подсистем, а в более общем плане – и установление содержания метакогнитивной сферы личности как регулятора деятельности ставит, в свою очередь, целый ряд новых и весьма значимых проблем. Одной из главных среди них является проблема выявления и объяснения закономерностей их организации – прежде всего, структурной. Кроме того, важной представляется и задача установления закономерностей, которые, возможно, связывают процессуальные характеристики и результативные параметры деятельности с мерой и характером структурной организации метакогнитивной сферы. В связи именно с этими – главными проблемами нами был реализовано исследование, цель которого как раз и состояла в выяснении взаимосвязи характера и степени структурной организации метакогнитивной сферы личности, точнее – ее основных подсистем и эффективности деятельности как ее основного результативного параметра.

В исследование приняло участие 160 испытуемых – специалистов IT-профиля, работающих на предприятиях и в организациях Ярославля, Москвы и Рыбинска (99 – мужского и 61 – женского пола в возрасте от 24 до 60 лет, с высшим образованием). Исходя из цели исследования, необходимо было сформировать два массива эмпирических данных. Первый – это данные относительно степени сформированности основных подсистем, образующих содержание метакогнитивной сферы как интегрального регулятора деятельности. Для этого применялась специально разработанная нами в [14] методика опросного типа, обозначенная как «комплексный опросник метакогнитивного потенциала» (КОМП). Подробная характеристика разработки и содержания этой методики представлена в указанной работе [14]. Она позволяет дифференцированно определять степень сформированности всех восьми базовых метакогнитивных подсистем, равно как и общую величину метакогнитивного потенциала личности. Второй массив – это данные относительно основного результативного параметра деятельности – ее эффективности. Для этого использовался стандартный метод экспертного оценивания, взятый

в его нормативном варианте и предусматривающий сочетание двух основных приемов [17]. Во-первых, это участие в оценивании нескольких экспертов (в данном случае – трех) с последующим усреднением индивидуальных оценок. Во-вторых, это дифференцированный характер оценивания, предусматривающий оценку по нескольким критериям, конкретизирующим интегральный параметр эффективности (в данном исследовании применялась совокупность из восьми критериев такого рода с последующим суммированием их значений). Затем по отношению к полученным материалам применялась методология структурно-психологического анализа; ее процедурное содержание представлено, например, в работах [8, 9], а сущность всех процедур состоит в следующем.

Прежде всего, она предполагает применение по отношению ко всей совокупности полученных данных процедуры многомерного корреляционного анализа. Напомним, что она включает в себя метод определения матриц интеркорреляций исследуемых параметров (в нашем случае основных параметров метакогнитивной сферы личности), метод построения структурограмм значимо коррелирующих параметров, метод вычисления индексов структурной организации, а также метод χ^2 для определения гомогенности-гетерогенности матриц интеркорреляций. Напомним также, что сущность метода определения индексов структурной организации (в нашем исследовании – основных параметров метакогнитивной сферы личности) состоит в следующем [9]. К этим индексам относятся индекс когерентности структуры (ИКС), индекс дивергентности (дифференцированности) структуры (ИДС) и индекс организованности структуры (ИОС). Индекс когерентности структуры параметров определяется как функция числа положительных связей в структуре и степени их значимости; индекс дивергентности структуры (ИДС) – как функция числа и значимости отрицательных связей в структуре; индекс организованности структуры (ИОС) – как функция соотношения общего количества положительных и отрицательных связей, а также их значимости. Связям, значимым при $p < 0,01$, приписывается «весовой» коэффициент 3 балла; связям, значимым при $p < 0,05$, приписывается «весовой» коэффициент 2 балла. Полученные по всей структуре «веса» суммируются, что позволяет получить значения указанных индексов. Кроме того, определялись и структурные «веса» каждого из компонента структуры. Такой метод позволяет, как известно, выявить и охарактеризовать детерминацию какого-либо явления не только в плане его аналитических, «единичных» связей с отдельными индивидуальными качествами или иными параметрами, но и в плане его комплексной – структурной обусловленности их целостными подсистемами.

Данная методология была применена в исследовании в сочетании с известным, но модифицированным нами методом «полярных групп». Он предполагает дифференциацию выборки по «внешнему критерию» – в нашем случае по параметру эффективности деятельности на три группы – «лучших», «средних» и «худших». Модификация состояла в том, что использовался прием так называемого растягивания выборки, состоящий в следующем. Эксперты не только оценивали уже включенных в выборку испытуемых, но и сами предлагали включить как в группу «лучших», так и в группу «худших» лиц, которые, по их мнению, наиболее явно отвечают специфике каждой из них, то есть ярко выраженных «лучших» и «худших». Тем самым выборка растягивается – дифференцируется по параметру внешнего критерия. Затем процедура обработки результатов реализуется дифференцированно по отношению к каждой из групп, в результате чего определяются матрицы интеркорреляций изучаемых показателей для каждой их групп. На их основе строятся структурограммы (корреллграммы) этих параметров с последующим определением и изучением отмеченных индексов структурной организации.

III

В итоге реализации всех этих процедур были получены следующие основные результаты. На рис. 1 представлены структурограммы основных подсистем входящих в метакогнитивную сферу, соответственно, для группы «худших» (а) «лучших» (б) испытуемых.

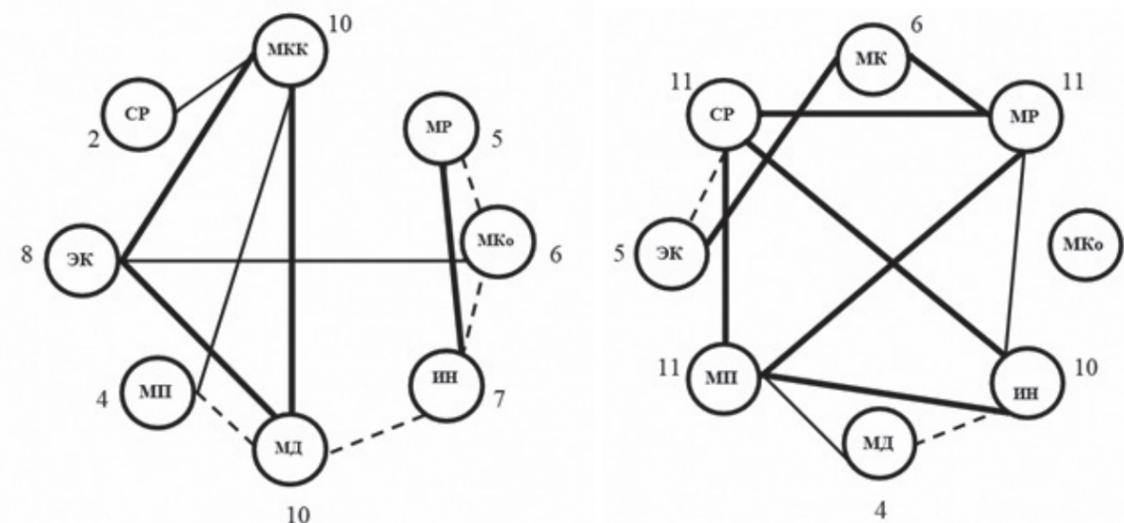

Рис. 1. Структурограммы подсистем метакогнитивной сферы для групп специалистов с низкой (а) и высокой (б) эффективностью деятельности. Обозначения: МК - метакогнитивная подсистема и далее следующие подсистемы: МР – метарегулятивная, МКо – метакоммуникативная, ИН – ингибиторная, МД – метадекларативная, МП – метапроцедуральная, ЭК – эндокогнитивная, СР – саморегулятивная; рядом с обозначениями подсистем указаны их структурные «веса»; жирная линия – связи, значимые на $p < 0,01$, полужирная линия – связи значимые на $p < 0,05$; пунктирная линия – отрицательные связи.

Данные структурограммы подвергались анализу, согласно существующей процедуре сравнительного исследования матриц интеркорреляций и построенных на их основе структурограмм. Так, в начале определялись «веса» основных подсистем в структуре; они представлены в табл. 1.

Таблица 1

«Веса» и ранги основных подсистем в их общей структуре

Основные подсистемы	Н		В	
	«Вес»	Ранг	«Вес»	Ранг
Метакогнитивная	10	1,5	6	5
Метарегулятивная	5	6	11	2
Метакоммуникативная	6	5	0	8
Ингибиторная	7	4	10	4
Метадекларативная	10	1,5	4	7
Метапроцедуральная	4	7	11	2
Эндокогнитивная	8	3	5	6
Саморегулятивная	2	8	11	2

Примечания: Н и В – соответственно, данные по группам специалистов с низкой и высокой эффективностью деятельности.

Анализ представленных результатов позволяет сделать следующие основные заключения.

Во-первых, определение для каждой структурограммы индексов, вскрывающих различные аспекты их организации – индекса когерентности структур (ИКС), индекса дифференцированности (ИДС) и индекса организованности (ИОС) дает следующие результаты (табл. 2).

Таблица 2

Структурные индексы организации метакогнитивных подсистем в группах специалистов низкими и высокими показателями эффективности деятельности

Индексы	Н	В
ИКС	18	25
ИДС	8	4
ИОС	10	21

Примечания: Н и В – соответственно, данные по специалистам с низкими и высокими показателями эффективности деятельности; ИКС – индекс когерентности структуры подсистем; ИДС – индекс дивергентности структуры подсистем; ИОС – индекс организованности структуры подсистем

Можно видеть, что наиболее обобщенный и в наибольшей мере свидетельствующий о степени организованности индекс (ИОС) в подгруппе «лучших» более чем в 2 раза выше, чем в группе «худших». Следовательно, общая организованность структуры метакогнитивных подсистем в группе высокоэффективных специалистов значимо («в разы») более выражена и, следовательно, целостна. Данный вывод подтверждается и дополнительными фактами. Так, ИКС в группе «лучших» в 1,5 раза выше, чем в группе «худших». Вместе с тем, значения ИДС в группе «худших» в 2 раза выше, чем в группе «лучших», что также свидетельствует о меньшей организованности подсистем в первой из них. Следовательно, можно заключить, что более высокая организованность структуры метакогнитивных подсистем в группе «лучших» достигается как за счет их большей интегрированности, так и за счет меньшей дивергентности, дезорганизованности. Данный вывод подтверждается еще и тем, что отношение ИКС и ИДС в группе «лучших» равно определяется как 25:4 и равно 6,25, а в группе «худших» – как 18:8 и равно 2,25, то есть это соотношение интеграционных и дифференцирующих тенденций практически в 3 раза более выражено именно в группе «лучших».

Итак, выявляется факт наиболее принципиального плана: эффективность деятельности непосредственно и вполне рельефно сопряжена с мерой организованности подсистем, составляющих метакогнитивную сферу личности. Данный факт, по нашему мнению, не только наиболее важен, но и вполне закономерен. Он показывает, что в основе обеспечения высокой эффективности деятельности лежат средства и механизмы собственно организационного плана и интегративного типа, поскольку именно они позволяют той или иной системе расширить свой функциональный потенциал, увеличить свои возможности – выйти за пределы простой суммы тех потенциалов, которыми обладают ее компоненты (в данном случае – отдельные подсистемы). Иными словами, в основе этого лежат механизмы и средства собственно интегративного типа, приводящие к порождению синергетических эффектов, к возникновению новых – системных качеств, которые приводят к расширению функционального потенциала любой системы в целом и системы метакогнитивной регуляции, в частности. В результате этого порождаются закономерные эффекты супераддитивности, смысл которых состоит в «выходе» за пределы простой суммы функциональных (и иных) возможностей и характеристик самих интегрируемых компонентов. Данный результат означает также, что степень влияния метакогнитивной регуляции на эффективность деятельности определяется не только, а не исключено – и не столько степенью сформированности отдельных подсистем, сколько именно их организованностью, интегрированностью. Именно в этом, по нашему мнению, состоит смысл и предназначение самой системности как средства и механизма, лежащего в основе структурирования метакогнитивной сферы личности.

Во-вторых, сравнение матриц интеркорреляций и соответственно полученных на их основе структурограмм по критерию χ^2 показало, что они являются статистически достоверно разнородными – гетерогенными. Это означает, что между ними имеют место не просто количественные различия в степени и характере интеркорреляций отдельных подсистем, а различия именно качественные, принципиальные. Эту же мысль можно сформулировать и по-другому. Структура метакогнитивных подсистем в группе высокоэффективных специалистов – это не та же самая структура, что и у низкоэффективных специалистов, но представленная в более развитом виде, а принципиально другая, качественно отличная от нее структура. Следовательно, интеграция и организация подсистем в рамках метакогнитивной сферы в целом имеет качественно различный характер в зависимости от значений «внешнего критерия». Его изменение (повышение) обуславливается качественными перестройками всей структуры подсистем метакогнитивного плана. В силу этого, обнаруживается новый факт – факт качественных, принципиальных различий в характере и содержании организации основных метакогнитивных подсистем при разных значениях выраженности внешнего критерия.

В-третьих, эти качественные различия подтверждаются и углубляются еще одним полученным фактом. Если проранжировать подсистемы по их структурным «весам» (они указаны индексом рядом с обозначением каждой подсистемы), то расчеты показывают, что коэффициент корреляции между ранговыми распределениями отдельных подсистем по их суммарным «весам» в двух рассматриваемых группах равен (-0,66). Обратим внимание на то, что речь при этом, фактически, идет о применении к полученным результатам известного метода определения гомогенности-гетерогенности матриц по критерию χ^2 в его «экспресс-варианте» [9]. Он показывает, что между этими матрицами не только существуют качественные, то есть принципиальные различия по характеру, то есть содержанию интеграции в них отдельных метакогнитивных подсистем, но и имеет место тенденция к своеобразной инверсии полученных структур (на это указывает отрицательный знак полученного коэффициента корреляции). Он является значимым в статистическом отношении ($p < 0,05$) и указывает на тенденцию именно к инверсии структур, еще раз доказывая их глубокие различия.

Вместе с тем, подчеркнем, что все эти результаты доказывают и еще одно – также принципиальное обстоятельство: содержание метакогнитивной сферы – это не рядоположенная сумма основных подсистем метакогнитивного плана, а их организация. По своей природе и генезу данная сфера носит системно-структурированный характер, а собственно деятельность факторы определяют меру интегрированности, дифференцированности и общей организованности всей совокупности подсистем, что в итоге и приводит к различиям в общей степени развития метакогнитивного потенциала личности.

В-четвертых, показательно и сравнение степени влияния эффектов *структурной* и *аналитической* детерминации эффективности деятельности со стороны основных метакогнитивных подсистем. В этих целях вновь обратимся к данным, представленным в табл. 2, несколько модифицировав способ представления (табл. 3).

Таблица 3

Данные о соотношении структурной и аналитической детерминации степени метакогнитивного потенциала

Основные подсистемы	Н				В			
	«Вес»	ранг	СР	р	«Вес»	Ранг	СР	р
Метакогнитивная	10	3	55	0,10	6	5	49	–
Метарегулятивная	5	6	37		11	1,5	57	0,10
Метакоммуникативная	6	5	40	0,10	0	7	47	–
Ингибиторная	7	7	35	0,10	10	4	50	–
Метадекларативная	10	1,5	59	–	4	6	48	-
Меиапроцедуральная	4	4	49	–	11	1,5	57	0,10
Эндокогнитивная	8	1,5	59		0,05	5	8	46
Саморегулятивная	2	8	29	–	11	3	52	0,05

Примечания: Н и В – соответственно, специалисты с низкой и высокой эффективностью деятельности; «вес» – структурный «вес» каждой подсистемы; ранг – ранговое место подсистем в соответствии с их «весом»; СР – степень развития основных метакогнитивных подсистем (в баллах методики КОМП); р – уровень значимости корреляционных связей подсистем с эффективностью деятельности

Кроме того, в целях интерпретации представленных результатов напомним, что в методологии структурно-психологического анализа существует дифференциация изучаемых компонентов на *ведущие* и *базовые*. Наиболее широко эта дифференциация применяется, как известно, по отношению к исследованию структурной организации профессионально-важных качеств личности. Так, базовыми качествами являются те, которые имеют наибольшее количество и наибольшую значимость связей со всеми иными качествами, и которые, следовательно, характеризуются наибольшим структурным «весом» в их общей системе. Ведущими качествами являются те, которые имеют значимую корреляцию с внешним критерием; им, как правило, выступает тот или иной результативный параметр деятельности.

Анализ представленных данных с позиций этих двух типов компонентов общей структурной организации позволяет выявить ряд новых закономерностей. Действительно, можно видеть, что базовыми для группы «лучших» являются следующие подсистемы: метарегулятивная, метапроцедуральная и саморегулятивная подсистемы (по 11 баллов). Для группы «худших» это следующие подсистемы:

метакогнитивная (10 баллов), метадекларативная (10 баллов) и эндокогнитивная (8 баллов) подсистемы. Можно видеть, что перечни базовых подсистем для специалистов с разной эффективностью деятельности практически полностью различны. Это еще раз свидетельствует о глубоких – качественных различиях между содержанием интеграции отдельных подсистем при различных значениях эффективности деятельности. Вместе с тем, за этим обстоятельством стоят, по нашему мнению, причины более принципиального порядка (см. далее); пока же отметим еще одно немаловажное обстоятельство.

IV

Действительно, материалы, представленные в табл. 3, позволяют констатировать наличие еще одной закономерности: именно те подсистемы, которые являются базовыми на, *одновременно* выступают и как *ведущие* в плане обеспечения эффективности деятельности. Так, для группы специалистов с низкой эффективностью деятельности ведущими, то есть имеющими наиболее значимые корреляции с ней, являются метпкогнитивная, метакоммуникативная, ингибиторная и эндокогнитивная подсистема. Для группы специалистов с высокой эффективностью – это метарегулятивная, метапроцедуральная и аморегулятивная подсистемы (то есть именно те, которые являются базовыми для их метакогнитивной сферы). В этом плане необходимо привлечь существующие в теории данные о соотношении двух типов детерминации какого-либо внешнего или внутреннего критерия (показателя, параметра и пр.) – *аналитического* и *структурного*. Известно, что между ними могут складываться различные отношения – от синергии до известной антагонистичности. Вместе с тем, совершенно понятно и естественно, что именно синергетический характер их сочетания как раз и является наиболее выигрышным и эффективным в плане обеспечения возможно большего функционального потенциала системы. В этом случае оба эти типа *синтезируются* и усиливают друг друга, повышая тем самым их «совместный потенциал». Однако, как можно видеть из представленных результатов, именно эта закономерность как раз и имеет место на уровне общей организации подсистем, предполагающей интеграцию всей их совокупности. Выявляется детерминация общего потенциала как со стороны автономных влияний каждой из подсистем, так и со стороны эффектов их структурной организации.

Не менее показателен и тот факт, что базовые подсистемы являются *одновременно* и наиболее сформированными в абсолютном выражении. Так, в частности, для группы специалистов с низкой эффективностью деятельности такая базовая подсистема, как метакогнитивная, имея структурный «вес» в 10 баллов, имеет и одну из наиболее высоких степеней развития (55 балла по методике КОМП). Делящая с ней 1-2 место в этой же группе метадекларативная подсистема, имеющая структурный «вес» 10 баллов, одновременно также характеризуется высокой степенью развития (59 баллов по методике КОМП). Причем, данная закономерность имеет место в обеих сравниваемых группах, что в очередной раз подчеркивает ее общий характер.

Наконец, можно видеть, что те метакогнитивные подсистемы, которые характеризуются наибольшей степенью развитости, являются одновременно и ведущими в плане определения общей степени рефлексивности деятельности и метакогнитивного потенциала. Так, для группы специалистов с низкой эффективностью деятельности это следующие подсистемы: метакогнитивная (соответственно 55 баллов степени развития по методике КОМП и значимость связи с общей рефлексивностью деятельности на $p < 0,10$); метадекларативная (соответственно 59 баллов степени развития по методике КОМП и значимость связи с общей величиной метакогнитивного потенциала на $p < 0,10$); эндокогнитивная (соответственно 59 баллов степени развития по методике КОМП и значимость связи с его величиной на $p < 0,05$).

Основные подсистемы	Н				В			
	«Вес»	ранг	СР	р	«Вес»	Ранг	СР	р
Метакогнитивная	10	3	55	0,10	6	5	49	–
Метарегулятивная	5	6	37		11	1,5	57	0,10
Метакоммуникативная	6	5	40	0,10	0	7	47	–
Ингибиторная	7	7	35	0,10	10	4	50	–
Метадекларативная	10	1,5	59	–	4	6	48	–
Метапроцедуральная	4	4	49	–	11	1,5	57	0,10
Эндокогнитивная	8	1,5	59	0,05	5	8	46	–
Саморегулятивная	2	8	29	–	11	3	52	0,05

Обобщая рассмотренные результаты, можно сделать вывод, согласно которому в метакогнитивной сфере как регуляторе информационной деятельности имеет место «тройное соответствие»:

- 1) между статусом подсистем как базовых и как ведущих;
- 2) между их статусом как базовых и их индивидуальной степенью развитости;
- 3) между индивидуальной степенью их развитости и их статусом как ведущих.

Итак, по отношению к метакогнитивной детерминации, как можно видеть из представленных выше данных, обнаруживается значимая и очень выраженная функциональная роль *и* аналитической, *и* суммативной, *и* структурной детерминаций *одновременно*. Все эти три типа детерминации действуют одновременно, то есть, фактически, *в синергии* друг с другом. Тем самым складываются *объективные* условия для повышения общего функционального ресурса всей совокупности факторов метакогнитивного плана (как компонентов метакогнитивной сферы). По-видимому, очень важной гранью метакогнитивной регуляции (равно как и ее отдельных компонентов – факторов метакогнитивного плана) является использование не какой-либо *одного* ресурса (либо аналитического, либо агрегативного, либо структурного), а всех их вместе. Лишь в этом случае общий функциональный ресурс становится максимальным. По отношению к основным подсистемам метакогнитивной сферы можно констатировать поэтому *феномен «тройной синергии»*, состоящей в синтезе трех сочетаний типов детерминации (аналитической и агрегативной, аналитической и структурной, агрегативной и структурной). Отметим также, что аналогичный феномен был установлен ранее и по отношению к еще одной важной категории детерминант организации деятельности – к детерминантам мотивационного плана [15], а также к деятельности управленческого типа [8]. Такая принципиальная общность позволяет считать указанные синергетические отношения двух основных типов детерминации (аналитической и структурной) *общей* закономерностью организации профессиональной деятельности.

V

Таким образом, обобщая все эти результаты, можно сделать следующее заключение. Степень эффективности деятельности непосредственно сопряжена со значимыми различиями в мере интегрированности, организованности подсистем образующих метакогнитивную сферу личности и, не исключено, обусловлена ей. Данное обстоятельство вполне закономерно и согласуется с целым рядом полученных нами ранее результатов демонстрирующих детерминированность того или иного «внешнего критерия» – в том числе, и результативных параметров деятельности, равно как и ее отдельных компонентов, мерой организованности тех процессов и структур, которые лежат в основе их психологического обеспечения. Вместе с тем, оно же показывает, что эта общая закономерность не только может, но и должна быть распространена на принципиально новую, не изученную пока область – метакогнитивное обеспечение психической регуляции информационной деятельности. Однако, при детальном анализе этой закономерности и особенно – специфики ее действия по отношению именно к данной деятельности эксплицируется обстоятельство еще более имплицитного, а одновременно – и важного плана. Более того, вскрывается и определенная противоречивость ее действия в данной деятельности. Сущность этого противоречия заключается в следующем.

С одной стороны, отмеченная общая закономерность в целом выполняется и по отношению к ней. Это свидетельствует о том, что, действительно, эффективность деятельности в значимой степени детерминируется организационными средствами, возникающими вследствие интеграции основных подсистем. Следовательно, чем выше и действеннее метакогнитивный контроль деятельности и вообще чем выраженнее ее метакогнитивная детерминация, тем она эффективнее. Другими словами, сам этот контроль эксплицируется как важная детерминанта данной деятельности. Однако, с другой стороны, не менее значимо и то, что психологическая природа и содержание именно этой деятельности, как показано нами [14], в значительной степени характеризуется иной спецификой, в известной мере даже противоположной самой сути метакогнитивной, то есть, фактически, рефлексивной регуляции. Данное обстоятельство частично уже рассматривалось выше – при характеристике ингибиторной подсистемы. Дополняя эти материалы, можно отметить и иные аспекты такой специфически арефлексивной природы данной деятельности.

Прежде всего, это, конечно, причина наиболее общего и принципиального характера, состоящая в том, что именно в информационной деятельности *объем* данных, которые необходимо переработать (учесть, принять во внимание и пр.), является очень большим. Он является гораздо большим и, к тому же, значительно более разнородным и противоречивым, чем во многих иных видах деятельности. Это, кстати говоря, в немалой степени связано именно с ее общим характером – с ее принадлежностью к субъект-информационному классу. В связи с этим, для того, чтобы сделать деятельность в целом

и особенно ее ключевые процессы – когнитивные реализуемы в принципе, необходимы мощные средства ограничения информационных потоков – приведения их к виду и объему, доступному для субъекта деятельности и соответствующему его психофизиологическим ограничениям. Фактически – в наиболее общем плане речь идет о том, что необходимая в этих случаях минимизация рефлексивного контроля и приведения его к оптимальной (а не максимальной) степени позволяет обеспечить не просто одно из условий организации деятельности, а ее важнейшее условие – реализуемость.

Далее, при экспликации средств «антирефлексивной» направленности необходимо, конечно, учитывать факторы специфически деятельностного плана, связанные с очень выраженным своеобразием этой деятельности в целом ряде планов. В своей совокупности и своем общем смысле все они свидетельствуют о достаточно явной и своего рода *арефлексивности* этой деятельности – причем, настолько выраженной, что она является и одним из демаркационных критериев ее различения от субъект-субъектного класса. Причем, такая арефлексивность проявляется в нескольких аспектах, планах организации. Во-первых, следует учитывать, что в известном смысле данная деятельность (особенно те ее разновидности, которые базируются на компьютерной технике) в значимо большей степени близка не к субъект-субъектному, классу, а к субъект-объектному. Дело в том, что взаимодействие самого субъекта осуществляется непосредственно именно с «неодушевленной» сущностью – с компьютером (хотя оно может осуществляться и с субъектами, но опять же – опосредствованно им). Такого рода «объектно-ориентированные» взаимодействия порождают ряд следствий. Первое из них состоит в том, что сама деятельность в целом развертывается по типу «игры с природой» [18], а вовсе не по типу «рефлексивных игр». Субъект деятельности по определению не ставит перед собой задачу выявить и учесть субъектность кого-то *другого* (как в случае субъект-субъектных деятельностей) – его планы и намерения, цели и задачи и пр. Естественно, что такая ситуация не только не требует подключения рефлексивных, а значит и метакогнитивных средств, но, напротив, такое подключение выступает как контрпродуктивное – излишне загружающее и усложняющее. Второе следствие заключается в том, что в этих случаях полностью исключается возможность какой-либо преднамеренной *фальсификации* или искажения информации со стороны ее объекта (что характерно для субъект-субъектного класса деятельности)⁵. Следовательно, и этот фактор делает не только излишним, но и контрпродуктивным включение процессов рефлексивного и метакогнитивного плана. Более того, он провоцирует объективную необходимость его минимизации. Третье следствие состоит в том, что субъект полностью избавлен от необходимости «учитывать *интересы* другого», поскольку этого «другого» просто нет. В его качестве выступает сам компьютер, который, кстати говоря, нередко наделяется некоторыми специфическими чертами и приводит к известному феномену антропоморфизма.

Во-вторых, специфика этой деятельности состоит еще и в том, что она носит выражено *алгоритмизированный* характер, который в значительной мере противоположен по самому своему духу вариативности и неопределенности организации деятельности и поведению в ней субъекта. Все это порождает известную «машинообразность» и формализованность данной деятельности, антагонистичную рефлексивности как «чисто человеческого» качества (а не «машинного»). Впрочем, эта традиционная тема противоположности «человеческого и машинного». Тем самым возникает еще один фактор арефлексивного плана.

В-третьих, специфической особенностью данной деятельности является не только большой объем информации, но и ее высокие динамические характеристики, что требует высокой *скорости* ее переработки, интенсивной смены ее содержания, а в целом – быстрого темпа реализации. В свою очередь, он приводит к тому, что объективно устраняется возможность для рефлексивных пауз, для сукцессированного метакогнитивного мониторинга. Причем, он начинает выступать здесь даже в негативном плане, поскольку ингибирует реализацию основных деятельностных функций. В этом отношении существует даже эмпирически установленное и апробированное правило работы – «ускоряйтесь сознательно», что равносильно требованию столь же произвольной минимизации рефлексивного контроля и явлению арефлексивности. Необходимость быстро принимать решение серьезно снижает рефлексивность на происходящее – будь то эмоциональные факторы или необходимость принять решение. В связи с этим, необходимо отметить и одно из важных средств его организации, установленных и проинтерпретированных в современной когнитивной психологии; им является так называемая «эвристика блокады когнитивного контроля» [2]. Однако, такого рода «блокада» может реализовываться не только в отношении «первичных» когнитивных процессов, но в еще более выраженном и субъективно отчетливом виде также и по отношению к «вторичным» когнитивным процессам – метакогнитивным. Суть такой «вторичной»,

⁵ Объективная ситуация может характеризоваться очень высокой степенью сложности; однако, она ни в коем случае «не заинтересована» в том, чтобы «обмануть» действующего в ней субъекта. И напротив, если ситуация включает других субъектов, то такая возможность в принципе уже не только не исключена, но весьма вероятна. Как отмечал в этой связи А. Эйнштейн [19], «Господь бог изощрен, но не злонамерен».

то есть именно метакогнитивной «блокады» состоит в том, что сами же метакогнитивные процессы выступают как средства ингибции – торможения или даже «отключения» собственно рефлексивных средств. При этом субъект осознанно минимизирует (или блокирует) роль сознания в регуляции деятельности и поведения; в «столкновении» двух процессов метакогнитивного плана происходит своеобразная аннигиляция самого рефлексивного контроля. В результате этих явлений порождается своего рода «вторичный» феномен – метакогнитивной блокады; сама же рефлексивная регуляция либо редуцируется, либо полностью блокируется. Это имеет многочисленные эмпирические проявления и феноменологические референты, а также соответствующие репрезентации в опыте индивида.

Кроме того, следует иметь в виду и то обстоятельство, которое рассматривается в работе [12] в связи с анализом общих проблем влияния компьютерной техники на формирование психики на допрофессиональных этапах ее развития. Как известно, одной из отличительных особенностей складывающейся при этом ситуации является то, что формирование так называемых *digital-skills*, равно как и многих иных способов и приемов работы на компьютере, а также вытекающих из них следствий, происходит задолго до начала профессиональной деятельности. Более того, и впоследствии – когда субъект начинает реализовывать эту деятельность их эволюция не прекращается, а запараллеливается с реализацией деятельности. Все это, как известно, имеет существенные последствия для формирующейся психики в целом и для функциональной роли рефлексивных, а следовательно, метакогнитивных процессов в ней, в особенности. Одним из наиболее общих итогов этого выступает синдром, обозначаемый как «снижение когнитивности». Однако, более объективным следствием данного синдрома – просто по определению – выступает и производный от него синдром, который можно обозначить как «снижение метакогнитивности». Дело в том, что сами метакогнитивные процессы атрибутивно производны от собственно когнитивных процессов, а их потенциал также прямо определяется ими. Следовательно, степень сформированности метакогнитивных процессов, равно как и их организация, также подвергаются редуцированию в этом случае. В результате их потенциал и, по-видимому, функциональная роль в организации основных форм активности также снижается, что феноменологически проявляется в нарастании арефлексивных тенденций в деятельности.

Кроме того, в этом плане необходимо учитывать еще два обстоятельства – одно предельно общего, даже своего рода философского плана, а второе – весьма конкретное, вытекающее из операционной природы информационной деятельности. Так, первое из них состоит в том – традиционном положении, что нигде так явно не выражено противопоставление «человеческого и машинного», как в демаркации процессов и любых иных сущностей, «окрашенных сознанием» и не сопровождающихся им. Именно оно – его наличие и ведущая роль в тех или иных процессах, а следовательно, и включенность в них рефлексивных механизмов и средств, наличие рефлексивной позиции как таковой как раз и выступает решающим признаком такой демаркации. Следовательно, чем более в деятельности и доминирует само «машинное» начало, то есть чем более совокупность основных деятельностных функций транспонируется от субъекта к объекту и средствам деятельности (а именно это и имеет место в компьютерных деятельностях, выступая их специфической характеристикой), тем меньше места в ней объективно остается для рефлексивных средств. В силу этого, собственно говоря, и происходит отображение данной особенности на уровне субъективной репрезентации информационной деятельности, выражающееся в минимизации средств рефлексивного контроля, в нарастании ее арефлексивности.

Второе положение также вытекает из сути данной деятельности и состоит в следующем. Как мы уже отмечали выше, в настоящее время в когнитивной психологии преобладает так называемый ресурсный подход, согласно которому факторы метакогнитивного трактуются в качестве средств, направленных на расширение ресурсных возможностей субъекта за счет формирования особого уровня переработки информации. Вместе с тем, все чаще высказывается и иная точка зрения, которая подчеркивает обстоятельство не менее важного характера. Дело в том, что максимизация этих механизмов означает реципрокную ингибцию механизмов противоположной природы – неосознаваемых. Максимизация осознаваемого контура переработки информации (составляющего суть метакогнитивных процессов) объективно ведет к минимизации неосознаваемого контура. Однако специфика информационной деятельности состоит в том, что объем информации, требующей обработки, резко возрастает. Следовательно, необходима именно максимизация и таких средств, которые локализованы не на осознаваемых уровнях, а на уровнях неосознаваемых. Следовательно, сама по себе минимизация осознаваемого контура, которая и сопряжена с арефлексивными феноменами, является следствием, а быть может – и средством максимизации неосознаваемого контура переработки информации. Вообще, в этом плане следует обратить внимание на то, что за метакогнитивные механизмы и достигаемый их посредством выигрыш «приходится платить» – в частности, минимизацией роли и утратой части возможностей, локализованных на неосознаваемых уровнях переработки информации.

Итак, можно видеть, что общая совокупность средств «антирефлексивного» плана предстает как вполне определенная – синтезированная на основе функционального критерия и качественно гетерогенная целостность, то есть, фактически, как еще одна – причем, очень значимая подсистема психической регуляции деятельности. Ее специфика, а в чем-то – и уникальность состоит в ее двуедином характере. С одной стороны, по своей природе и механизмам, средствам и процессам она является подчеркнута рефлексивной, поскольку базируется на всей совокупности средств метапроцессуального плана. Однако, с другой стороны, функционально она является столь же подчеркнута «антирефлексивной» – направленной на минимизацию рефлексивного контроля за деятельностью в целом и за реализацией ее основных задач, в частности. Тем самым раскрывается и дополнительная грань самого сознания, взятого в плане его процессуального обеспечения – в аспекте всей совокупности рефлексивных и метакогнитивных процессов. Оно включает и такие средства, которые направлены на осознанную минимизацию представленности сознания в деятельности и поведении.

VI

Возвращаясь вновь к констатированному выше противоречию между высокой степенью выраженности арефлексивных аспектов информационной деятельности, с одной стороны, и значимой ролью ней факторов метакогнитивного плана, с другой, можно предложить следующий вариант его объяснения. Действительно, как можно видеть из результатов, представленных в таблице, степень организованности подсистем метакогнитивной сферы и, соответственно, ее роль в обеспечении деятельности, прямо связана с мерой эффективности данной деятельности. Более того, рассмотрение и объяснение представленных выше материалов свидетельствуют о существовании между ними детерминационных отношений. Их смысл как раз и состоит в том, что мера эффективности деятельности зависит от выраженности е метакогнитивного обеспечения. Однако арефлексивный характер данной деятельности явно противоречит этому результату. Вместе с тем, при внимательном анализе полученных результатов эксплицируется дополнительное очень важное обстоятельство. Дело в том, что состав и содержание метакогнитивной сферы (несмотря на устоявшееся ее терминологическое обозначение) отнюдь не сводится только к процессам и структурам собственно *метакогнитивного* плана. Она включает в себя и иные подсистемы, имеющие иную направленности и иной характер, хотя и объединенные в целостность общностью функционального критерия, на реализации которого они направлены. Действительно, в их состав входят и такие подсистемы, которые имеют не только метакогнитивную, но и *метарегулятивную* ориентацию, а также ориентацию метакоммуникативную, метапознавательную (метадекларативную, метпроцедуральную) и др. Иными словами, данное обстоятельство со всей отчетливостью и практической верифицированностью эксплицирует то – давно назревшее положение, согласно которому сам термин «метакогнитивный» не вполне адекватен и корректен для обозначения всей полноты процессуальной регуляции деятельности на ее высшем – осознаваемом уровне. Попытки распространения парадигмы метакогнитивизма на деятельность реалии, преодоления его абстрактно-внедеятельностного характера заставляют пересмотреть состав тех процессуальных образований, которые были в нем исходно зафиксированы и обозначены понятием «вторичных» процессов. Они согласно иному – деятельностному подходу отнюдь не могут быть сведены только к сфере когниции, к когнитивной подсистеме психики. «Вторичными» могут быть и реально выступают также процессы иной качественности определенности – *регулятивные*, а также, по-видимому, мотивационные и эмоциональные. Данное обстоятельство получило детальную разработку в сформулированных нами ранее представлениях о реальной таксономии «вторичных» процессов [10]. Важную роль в их общей системе играют «вторичные» процессы регулятивной направленности – метарегулятивные процессы. Они являются процессуальной основой для ряда подсистем метакогнитивной регуляции деятельности.

Интегративные, синтетические эффекты, приводящие в итоге к формированию вторичных процессов, реально действуют и феноменологически проявляются не только так сказать во «внутриклассовой» плоскости, то есть в плоскости самоорганизации процессов одного и того же класса (когнитивных), но и в «межклассовой» плоскости. Другими словами, вторичные психические процессы могут выступать и реально выступают как эффекты комплексирования и интеграции «первичных» процессов разных классов. Данное обстоятельство в общем плане достаточно давно осознано в психологии и, более того, составляет одну из ее «аксиом»; оно многократно зафиксировано в понятийном и концептуальном аппарате психологии. Это, например, известный тезис о «единстве познания и аффекта», то есть, фактически, – о вхождении когнитивных компонентов в само содержание эмоциональных процессов (и наоборот). Это – и вхождение механизмов осознания, то есть также – когнитивных, в содержание мотивов и мотивационных процессов. Тем самым вторичные процессы двух классов – мотивационные и эмоциональные также обретают свойство самопрезентированности, но уже не за счет «внутриклассо-

вой», а за счет «межклассовой» интеграции – за счет вхождения в их состав «вторичных» когнитивных процессов в целом и когнитивных автопроцессов, в особенности. Тем самым, они, входя в процессуальное содержание «вторичных» – метамотивационных и метаэмоциональных процессов, обеспечивает по отношению к ним реализацию свойства самопрезентированности.

Таким образом, на основе проведенного выше анализа проблема систематизации и структурной организации всего множества вторичных процессов решается достаточно естественным образом. Такое решение может быть представлено в виде следующей матрицы вторичных психических процессов (см. таблицу 4).

Таблица 4

Матрица вторичных психических процессов

«Первичные» процессы	Когнитивные	Регулятивные	Эмоциональные	Мотивационные
Когнитивные	1	2	3	4
Регулятивные		5	6	7
Эмоциональные			8	9
Мотивационные				10

Можно видеть, что общее множество вторичных процессов является производным от эффектов взаимодействия иных, прежде всего, первичных психических процессов всех традиционно дифференцированных классов. Оно при этом включает два подмножества. Одно из них локализовано в соответствующих ячейках матрицы, образующих ее диагональ (№№ 1, 5, 8, 10). Это такие вторичные процессы, которые являются эффектом самоорганизации «внутриклассового» типа и включают в свой состав когнитивные *автопроцессы*, метакогнитивные процессы, интегральные процессы, метарегулятивные процессы, метамотивационные и метаэмоциональные процессы. Другое подмножество включает в свой состав такие вторичные процессы, которые, напротив, являются эффектом «межклассовой» организации и интеграции первичных психических процессов. Они локализованы в ячейка матрицы, расположенных над ее диагональю. Так, например, ячейка №3 включает широко изучающиеся процессы синтетического (то есть именно метапроцессуального) плана, наиболее обобщающим термином для обозначения которых является понятие когнитивного мониторинга за эмоциями и эмоциональными процессами. Они наиболее неинтенсивно изучаются в настоящее время в исследованиях эмоционального интеллекта. Еще одной – очень показательной в плане рассматриваемой схемы является содержание ячейки №4 – в ней локализованы процессы организации мотивационной сферы личности. Вся их совокупность приводит к двум фундаментальным эффектам, к двум закономерностям. Во-первых, вся мотивационная сфера личности обретает целостность организации и основные черты системности строения, что отражено в базовых принципах ее организации (иерархичности, смысловой интеграции, динамичности и др. [1]). Во-вторых, благодаря, прежде всего, когнитивным механизмам и, соответственно, когнитивным процессам достигается синтез и взаимообратимость двух важнейших типов детерминации поведения и деятельности – собственно мотивационной и стимульной, а в более широком плане – синтез «мотивации влечения» и «мотивации долженствования» [1, 22, 28].

В плане иллюстрации положения о «межклассовой» интеграции как источника порождения метапроцессов показательно, далее, содержание ячейки №9. Дело в том, что очень часто однажды пережитая положительная эмоция, закрепленная затем в эмоциональной памяти, может становиться и реально становится очень сильным мотивом для того, чтобы ее вновь испытать. Тем самым «на стыке» мотивационных и эмоциональных процессов формируется качественно новое процессуальное образование, несводимое ни к одному из двух его «составляющих» и имеющее поэтому метапроцессуальную природу.

В связи с этим, возникает и еще более общий вопрос – о правомерности сохранения самого термина «метакогнитивный» для обозначения всего содержания метакогнитивной сферы личности. Действительно, если она включает в себя процессы и средства не только собственно метакогнитивного плана, но и иных по функциональной направленности и своему содержанию планов – в частности, метарегулятивные, метамотивационные и пр., то не суживается ли в таком случае ее реальное содержание? Является ли она вообще адекватным термином для ее характеристики? По нашему мнению, данное понятие все же можно сохранить – прежде всего, по причине того, что оно является наиболее традиционным и устоявшимся; следует лишь помнить, что оно все более становится условным, а в перспективе, не исключено, может уступить место и какому-либо более общему и, следовательно, в более полном

виде охватывающим все содержание данной сферы понятию (например, понятию метапроцессуальной сферы личности или понятию метасферы психического).

VII

Представленное выше – широкое и, следовательно, полное представление всей метапроцессуальной регуляции деятельности позволяет устранить отмеченное выше противоречие. Дело в том, что повышение степени организованности метакогнитивной (в свете приведенных аргументов – метапроцессуальной) сферы при возрастании эффективности деятельности происходит вовсе не за счет усиления функциональной роли собственно метакогнитивных процессов и структур (их роль, напротив, снижается), а за счет иных образований – в основном, метарегулятивных. Данная закономерность очень явно предстает в плане того, как меняется состав базовых подсистем при переходе от группы низкоэффективных специалистов к группе высокоэффективных. Если для первых в качестве базовых подсистем выступали те, которые имеют подчеркнута *метакогнитивную* ориентацию (метакогнитивная, метадекларативная, эндокогнитивная), то для вторых в качестве таковых выявляются уже те подсистемы, которые имеют отчетливую *метарегулятивную* ориентацию (метарегулятивная, метапроцедуральная, саморегулятивная, ингибиторная). Именно этим и обусловлено возрастание меры интегрированности данной сферы при повышении эффективности деятельности. Само возрастание организованности является одним из важных средств обеспечения деятельности; однако, лишь такое возрастание, которое реализуется посредством усиления роли подсистем подчеркнута метарегулятивного, а не метакогнитивного характера. Принципиально сходный результат, подтверждающий важную роль метарегулятивных процессов в информационной деятельности, был получен нами в работе [11]. Он состоит в существовании значимого детерминационного влияния компьютерных средств организации деятельности на характер и степень представленности в структуре ее психологического обеспечения компонентов не только метакогнитивного, но и метарегулятивного плана. Обнаруженное влияние – и это главное – является принципиально *диверсифицированным*, так как его характер – мера и направленность является существенно различным для этих двух категорий факторов. Оно значимо выше по отношению именно к метарегулятивным процессам.

В еще более общем плане в этом прослеживается сходство логики развития представлений в области «первичных» и «вторичных» психических процессов. По отношению к «первичным» процессам раньше других оформились и представлены в существенно более развитом виде исследования именно когнитивных процессов. И лишь впоследствии в сферу исследования стали включаться процессы иных классов – в том числе, и регулятивные. Точно также и по отношению к «вторичным» процессам вначале были дифференцированы те из них, которые имеют когнитивную ориентацию – метакогнитивные процессы. Однако в настоящее время появляются необходимые основания для расширения сферы исследования и включения в нее метарегулятивных процессов, равно как и «вторичных» процессов иных классов. То же самое относится и к категории знаний, точнее – метазнаний. Начав с метадекларативных знаний («знаний о знаниях»), метакогнитивизм, особенно при попытках его реализации по отношению к деятельностной проблематике встает перед необходимостью обращения к категории метапроцедуральных знаний («знаниях о действии»). Особенно отчетливо это проявляется не только по отношению к деятельностной проблематике в целом, но и по отношению к исследованию наиболее сложных, интеллектуально насыщенных видов деятельности – прежде всего, информационной. Тем самым, ее исследование выступает уже не только как предмет изучения, но и как метод разработки проблематики «вторичных» процессов, а сама она – как своеобразный «локомотив» развития представлений о метапроцессуальной регуляции в целом.

VIII

Итак, подводя итоги представленному выше исследованию, можно делать следующие основные выводы.

Во-первых, в наиболее общем плане полученные результаты свидетельствуют о том, что факторы метакогнитивного плана являются значимыми детерминантами информационной деятельности и ее основного параметра – эффективности. Эта детерминация является не только значимой, но и комплексной, поскольку она осуществляется в нескольких планах и в ряде аспектов одновременно.

Во-вторых, эта детерминация осуществляется не только в аспекте воздействия отдельных факторов метакогнитивного плана и их совокупности – аддитивного множества. Оно, конечно, также имеет место, но представлено в сочетании с влиянием на нее их целостных образований, паттернов, формирующихся по операциональному основанию и синтезирующих в себе качественно гомогенные и функцио-

нально идентичные факторы – основных подсистем метакогнитивного плана. Тем самым полученные результаты эмпирически верифицируют правомерность и обоснованность осуществленной нами дифференциации такого рода подсистем, в качестве которых выступают метакогнитивная, метарегулятивная, метадекларативная, метапроцедуральная, ингибиторная, метакоммуникативная, эндокогнитивная и саморегулятивная подсистемы.

В-третьих, детерминационное воздействие этих подсистем на эффективность деятельности осуществляется на двух основных уровнях – аналитическом и структурном. На первом уровне это воздействие состоит в значимом автономном влиянии степени развития каждой из подсистем на нее. На втором уровне оно заключается в том, что степень эффективности деятельности определяется также и мерой интегрированности – организованности этих подсистем в рамках всей метакогнитивной сферы. Чем выше степень организованности, тем выше эффективность деятельности.

В-четвертых, аналитическая и структурная детерминация реализуется в синхронизированном виде, что эксплицируется в феномене «тройной синергии». Он состоит в синтезе трех сочетаний типов детерминации (аналитической и агрегативной, аналитической и структурной, агрегативной и структурной). Первое – это сочетание между статусом подсистем как базовых и как ведущих; второе – это сочетание между их статусом как базовых и их индивидуальной степенью развитости; третье – это сочетание между индивидуальной степенью их развитости и их статусом как ведущих.

В-пятых, дана интерпретация тех средств и механизмов, которые лежат основе структурной детерминации. Показано, что в основе обеспечения высокой эффективности деятельности лежат средства и механизмы собственно организационного плана и интегративного типа, поскольку именно они позволяют той или иной системе – расширить свой функциональный потенциал, увеличить свои возможности – выйти за пределы простой суммы тех потенциалов, которыми обладают ее компоненты (в данном случае – отдельные подсистемы). Иными словами, в основе этого лежат механизмы и средства собственно интегративного типа, приводящие к порождению синергетических эффектов, к возникновению новых – системных качеств, которые расширяют функциональный потенциал любой системы в целом и системы метакогнитивной регуляции, в частности. Именно в этом состоит смысл и предназначение самой системности как средства и механизма, лежащего в основе структурирования метакогнитивной сферы личности.

В-шестых, детерминационное влияние основных подсистем является и принципиально диверсифицированным, что проявляется, в частности, в существенно более значимом воздействии на нее таких подсистем, которые имеют не столько собственно метакогнитивную, а метарегулятивную ориентацию. Данный результат является также аргументом в пользу необходимости дифференциации двух базовых форм рефлексии – когнитивной и регулятивной, а также возможности обретения самой рефлексивностью свойства оперативности и формированию оперативной рефлексии как процессуального регулятора.

В-седьмых, в наиболее принципиальном плане полученные результаты вскрывают ограниченность представлений, сложившихся в метакогнитивизме относительно сферы его изучения и включения в нее процессов и структур не только когнитивного, но и регулятивного плана – метарегулятивных процессов и метапроцедуральных знаний. Метакогнитивизм как научное направление только тогда может преодолеть один из своих основных недостатков – то, что обозначается как аналитико-экспериментальная, внедеятельностная парадигма и, следовательно, не вполне экологически валидный характер получаемых в ней результатов, когда он включит в сферу изучения метарегулятивные процессы, атрибутивно присущие организации деятельности и конституирующиеся в ней. В связи с этим, само понятие метакогнитивной сферы личности должно быть подвергнуто концептуальному расширению и трансформации в понятие метапроцессуальной сферы личности, включающей в себя не только одну категорию метапроцессов – метакогнитивные, но и иные также реально представленные их категории – в особенности, метарегулятивные процессы.

Литература

1. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. Москва: Наука, 1976. 158 с.
2. Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания: в 2-х т. Т. 1. Москва: Академия, 2006. 448 с.
3. Войсунский А. Е. Психология и Интернет. Москва: Акрополь, 2010. 439 с.
4. Зинченко Ю.П. Психология виртуальной реальности. Москва: МГУ, 2011. 360 с.
5. Керделлан К., Грезийон Г. Дети процессора: Как Интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых: пер. с фр. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 272 с.

6. Карр Н. Пустышка: Что Интернет делает с нашими мозгами. Санкт-Петербург: Best Business Books, 2012. 256 с.
7. Смолл Г., Ворган Г. Мозг Онлайн. Москва: Колибри, 2011. 352 с.
8. Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Москва: Изд-во РАО, 2018. 784 с.
9. Карпов А. В. Метасистемная организация уровневых структур психики. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 602 с.
10. Карпов А. В. Психология деятельности. В 5-ти тт. – Москва: РАО, 2015.
11. Карпов А. В., Карпов А. А., Маркова Е. В., Филиппова Ю. В. Специфика метакогнитивной регуляции образовательной деятельности в условиях применения компьютерных средств обучения // Перспективы науки и образования, 2021. № 5 (53). С. 334–353.
12. Карпов А. В., Воронова Т. А. Цифровизация и развитие психики ребенка: вызовы нового времени // Человеческий капитал, 2021. №3.
13. Карпов А. В., Чемякина А. В. Психологическая специфика профессиональной деятельности субъектно-информационного класса // Вестник ЯрГУ. Гуманитарные науки, 2021. №3 (57). С. 422–433.
14. Карпов А. В. Методологические основы психологии информационной деятельности. Москва: РАО, 2021. 610 с.
15. Карпов А. В., Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции информационной деятельности. Москва: РАО, 2022. 706 с.
16. Карпова Е. В. Структура и генезис мотивационной сферы личности в учебной деятельности. Ярославль, ЯГПУ, 2007. 560 с.
17. Мехтиханова Н. Н. Психологическая оценка персонала. Ярославль: ЯрГУ, 2013.
18. Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. Москва: Наука, 1970. 601 с.
19. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т.4. Москва: Наука, 1978. 599 с.
20. Borkowski J., Muthukrishna R. Components of Children's Metamemory // Memory development, N. Y., 1992. P.142–158.
21. Brown A. L. Metacognition, executive control, self-regulation, and other more mysterious mechanisms // In F. E. Weinert, R.H. Kluwe (Eds.). Metacognition, motivation, and understanding. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates. 1987. P. 65–116.
22. Deci E. L., Ryan R. M. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. N.Y., 1985. 371 p.
23. Dörner D. Self-reflection and problem-solving // Human and artificial intelligence. Berlin, 1978. P. 101–107.
24. Ferrari M. McBride H. Mind, Brain and Education: The Birth of a New Science. Learning, 2011. P. 85–100.
25. Flavell J. H. Cognitive monitoring // Children's oral communication skills. Academic Press, 19881. P. 35–60.
26. Kluwe R. H. Cognitive Knowledge and executive control: Metacognition // In: D.R. Griffin (Ed.). Animal mind-human mind. New York: Springer-Verlag, 1982. P. 201–204
27. Lefebvre-Pinard M. Understanding and auto-control of cognitive functions // International journal of behavioral development, 1995. Vol. 6. P. 15–35
28. McClelland D. C. What is the effect of achievement motivation training in the schools // Teachers College Record, 1972. V. 74 (2). P. 129–145.
29. Metcalfe J., Shimamura A.P. (Eds.). Metacognition: Knowing about Knowing. Cambridge, MA: MIT Press, 1994. 323 p.
30. Nelson T., Narens L. A new technique for investigating the feeling of knowing // Acta Psychologica, 1980. 46. P. 69–90
31. Paris S. G. Reading Strategies, Metacognition and Motivation. N. Y., 1988. 343 p.

Программа эмпирического исследования специфики функционального комфорта работников виртуальной организации

К. Р. Спицына, г. Королёв, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлена теоретическая модель программы эмпирического исследования специфики функционального комфорта работников виртуальной организации. На основании критического анализа и обобщения результатов предшествующего пилотного эмпирического исследования психологических компонентов функционального комфорта сформулированы эмпирические гипотезы исследования психофизиологических компонентов функционального комфорта. Разработана психодиагностическая программа, сформулирована процедура исследования, предложена эмпирическая база и описана выборка участников предстоящего исследования особенностей индивидуально-личностных свойств метакогнитивной сферы работников виртуальной организации.

Ключевые слова: методология психологического исследования, трудовая деятельность, функциональный комфорт, рефлексивность.

Введение. В настоящее время повсеместно распространены персональные компьютерные устройства, которые могут быть применены в труде: стационарный компьютер, портативный компьютер (ноутбук), планшетный компьютер (планшет), смартфон, «умные часы» и др. В сочетании с информационно-коммуникационными технологиями рабочий график становится более гибким, имеет ненормированные часы. Трудовые задачи имеют ситуативный характер, например, проверка деловой почты на смартфоне вне рабочего времени. Исследователи отмечают, что традиционные формы деятельности подвергаются виртуализации, эргономическая система «человек – техническое средство – среда» усложняется. В гуманитарных науках формируются новые понятия: «виртуальный труд», «виртуальный рынок», «виртуальная форма управления», «виртуальные активы», «виртуальное пространство», «виртуальная организация» [3]. Перечисленные обстоятельства могут приводить к переживанию человеком негативных психических и психофизиологических состояний, что может стать причиной снижения эффективности и надежности в деятельности, уровня качества жизни в целом.

Изучение параметров эффективности и процессуальных характеристик профессиональной деятельности является актуальным в прикладных психологических науках. В этом аспекте современными ведущими отечественными авторами в области психологии труда исследуются вопросы: влияние развитости рефлексивности и механизмов рефлексии [10, 15, 31, 32], когнитивный стиль [1, 18, 27], рефлексивная регуляция психических состояний [21], метакогнитивные навыки [5, 6-8].

Обобщенным критерием оптимизации трудовой деятельности в оценке эргономического и эстетического совершенства систем «человек – техническое средство – среда» в рамках системно-деятельностного подхода в психологии труда выступает «функциональный комфорт» (ФК) [28]. Согласно теории современного эргодизайна [29], ФК определяется оптимальным уровнем функционального состояния работающего человека. Основным критерием обеспечения ФК является «эффективное выполнение деятельности при минимальных психических и органических затратах в целях сохранения здоровья и работоспособности» [12].

Экспериментальные исследования специфики и условий обеспечения ФК в компьютеризированной деятельности представлены в трудах отечественных и зарубежных ученых: работа студентов с компьютерными обучающими программами [30], выполнение типичных компьютеризованных офисных задач [14], особенности виртуального рабочего пространства мобильных работников [34], работа железнодорожного машиниста [17] и др.

Однако, специфика ФК работников виртуальной организации изучена недостаточно полно в отечественной психологии труда, в связи с чем пополнение научного знания по этой теме является актуальным.

Цель: дизайн эмпирического исследования оценки специфики функционального комфорта работников виртуальной организации.

Задачи: (1) произвести критический анализ и обобщение результатов предшествующего пилотного исследования; (2) сформулировать программу предстоящего основного эмпирического исследования на основании результатов пилотного исследования; (3) наметить перспективы реализации программы основного эмпирического исследования.

Методы исследования. В настоящей работе применяются методы теоретического исследования в психологии (по В. Н. Дружинину) [16]: дедуктивный метод, индуктивный метод, метод структурно-функционального моделирования; методы описания, интерпретации, аналогии. Общие принципы исследовательского метода опираются на традиционную методологию научного знания в психологии [11]: неэкспериментальный подход и приемы экспериментального и психодиагностического подходов в дизайне эмпирического исследования в научной (академической) психологии [2].

Основная часть. Исследование проводится в рамках написания научно-квалификационной работы (диссертации) по теме: «Специфика функционального комфорта работников виртуальной организации», в которой объектом исследования выступает: «функциональный комфорт», предметом исследования выступают «условия оптимального функционального состояния работников виртуальной организации». Постановка гипотез основного исследования потребовала проведение пилотного эмпирического исследования.

В 2020-2021 гг. проведено пилотное эмпирическое исследование «Оценка интегрального показателя функционального комфорта работников различных типов виртуальных организаций» с целью оценки критериев психологического компонента ФК [12] работающего человека. Диагностическая программа ПИ построена на основе определения уровня психологического благополучия в повседневной жизни, удовлетворённости работой, стиля саморегуляции, уровня напряжённости, субъективного отношения к процессу, результату, условиям и эффективности работников виртуальной организации (Таблица 1).

Итоговую выборку ПИ составили работники коммерческих организаций (N=50) Центрального региона (г. Москва и Московская область) различных типов виртуальной организации (по типу: традиционный офис, дистанционный офис, гибридный офис) мужчины и женщины в возрасте от 24 до 60 лет, представители профессиональных сфер интеллектуального труда (информационные технологии, экономика, архитектура и др.). Участие респондентов в исследовании организовано на добровольной и безвозмездной основе.

Таблица 1

Статус нулевых гипотез по результатам пилотного эмпирического исследования «Оценка интегрального показателя функционального комфорта работников различных типов виртуальных организаций» (2020-2021 гг.)

Гипотезы пилотного исследования		Статус гипотезы по результатам пилотного исследования
Основная гипотеза (теоретическая)		
H0.0	Психологический компонент ФК работников виртуальной организации не включает психологическое благополучие в повседневной жизни	не подтвердилась
Частные гипотезы (эмпирические)		
H0.1	Тип виртуальной организации (традиционный офис, гибридный офис, дистанционный офис) не является значимым эргономическим фактором:	
	А) уровня психологического благополучия	подтвердилась
	Б) уровня удовлетворённости работой	подтвердилась частично
	В) уровня саморегуляции поведения	подтвердилась частично
	Г) эффективности трудовой деятельности	не подтвердилась
H0.2	Уровень психологического благополучия:	
	А) не зависит от социально-демографических характеристик	подтвердилась частично
	Б) не обеспечивается высоким уровнем развития навыков саморегуляции	подтвердилась

H0.3	Стиль саморегуляции поведения:	
	А) не имеет выраженного профиля	подтвердилась
	Б) не имеет связи с общим уровнем напряжённости копинга	подтвердилась
	В) не определяется личностными свойствами	подтвердилась
H0.4	Удовлетворенность работой:	
	А) не определяется организационными факторами виртуальной рабочей среды	подтвердилась частично
	Б) не определяется личностными свойствами	подтвердилась частично
H0.5	Личностный профиль работника виртуальной организации не имеет специфического вида	не подтвердилась

Интерпретация результатов пилотного исследования позволила сделать вывод, о том, что процедура перспективного эмпирического исследования должна иметь ситуативную оценку показателей ФК в процессе выполнения реального трудового задания. Постановка гипотез основного исследования реализована на основе критического анализа статуса нулевых гипотез пилотного исследования (Табл. 2).

Таблица 2

Гипотезы основного эмпирического исследования «Оценка специфики функционального комфорта работников виртуальной организации (2022-2023 гг.)

Общая гипотеза	
H1 (теоретическая)	Функциональный комфорт работников виртуальной организации определяется индивидуально-личностными особенностями метакогнитивной сферы личности.
Частные гипотезы	
H1.1 (эмпирическая)	Высокий уровень эффективности в профессиональной деятельности работника виртуальной организации связан с индивидуальной выраженностью когнитивного стиля переработки информации, уровнем и свойствами рефлексии.
H1.2 (эмпирическая)	Фактором когнитивного утомления работника виртуальной организации является высокий уровень структуры личностных черт рефлексивности.
H1.3 (эмпирическая)	Функциональному комфорту работников виртуальной организации соответствует оптимальный уровень рефлексии в деятельности.
Рабочие гипотезы	
H1.1.1, H1.1.2, H1.1.3 ...	

Общая гипотеза диссертационного исследования объединит результаты пилотного и основного исследований и на текущем этапе имеет следующую формулировку: «Профессиональная среда в условиях виртуальной организации оказывает диверсифицированное влияние на уровень функционального комфорта».

В 2022-2023 гг. планируется проведение основного эмпирического исследования «Оценка специфики функционального комфорта работников виртуальной организации» с целью оценки критериев психологического компонента ФК [12, 29]. Критерии ФК психофизиологического уровня представлены показателями: индивидуальная эффективность по успешности ведущей функции в деятельности (внимание, кратковременная память, когнитивный стиль переработки информации); психофизиологическая цена в соответствии с уровнем утомления ведущей функции в деятельности, связанной с переработкой информации в процессе выполнения трудового задания (состояние острого когнитивного утомления). Схема психодиагностических задач основного исследования составлена по [33] и представлена на Рисунке 1.

Рис. 1. Схема психодиагностических задач оценки специфики функционального комфорта работников виртуальной организации

«Стабильные свойства» представлены выраженностью черт личности, что совпадает с психодиагностическими задачами пилотного исследования [24]. Мы полагаем, что «Изменчивые свойства» личности обуславливаются внешней характеристикой трудовой деятельности в условиях виртуальной организации [23]: (1) локация, (2) организация и (3) технологии (информационные и коммуникационные).

Следующим шагом основного эмпирического исследования является подбор методик, раскрывающих условия обеспечения ФК работников виртуальной организации. Важной задачей на этом этапе является подбор и применение компактного комплекса методических средств, совместимого с выполнением работниками реальной «типовой» рабочей задачи в условиях виртуальной организации. В качестве такой задачи выбрано задание на когнитивную нагрузку, осуществляемое с применением компьютерных устройств и телекоммуникационных технологий (Интернет). Диагностическая программа основного исследования построена в соответствии с базовыми показателями оценки функционального состояния работающего человека (психофизиологические, субъективные, когнитивные, поведенческие) (по А. Б. Леоновой), [13] (Табл.4).

Таблица 4

Методики основного эмпирического исследования «Оценка специфики функционального комфорта работников виртуальной организации (2022-2023 гг.)»

№ п/п	Показатели функционального состояния работающего человека	Методика, (объем методики)	Шкалы оценивания
I	психофизиологические	(1). «Опросник для оценки острого умственного утомления» (Леонова А.Б., Капица М.С., 2003) [13], (18 утверждений)	Уровень утомления ведущей функции в деятельности (когнитивное утомление): – работоспособность – когнитивный дискомфорт – нарушения регуляторных процессов
		(2) Тест «Сравнение похожих рисунков» (The Matching Familiar Figures Test, MFFT), Дж. Каган (Kagan, Rosman, Day, Albert, Philips, 1964) [35], (2 тренировочных, 12 основных листов)	Показатели эффективности ведущих функций в деятельности: когнитивный стиль переработки информации (импульсивность/рефлексивность). Показатели когнитивного темпа: – среднее время первого ответа – общее количество ошибок
II	субъективные	(3). «Личностный опросник NEO FFI (NEO Five Factor Inventory) (P. Costa, M. McCrae в адаптации Орёл В.Е., Сенин И.Г., 2008) [19, 20], (60 утверждений)	Выраженность черт личности: – нейротизм – экстраверсия – открытость опыту – сотрудничество – добросовестность
III	когнитивные	(4). Методика определения индивидуальной меры рефлексивности (Карпов А.В., Пономарева В.В., 2003) [6], (27 утверждений)	Индивидуальная мера рефлексивности и её свойства: – ситуативная рефлексия – ретроспективная рефлексия – перспективная рефлексия
		(5). Тест рефлексии деятельности лиц, занятых профессиональной деятельностью (ТРД, Форма «Р») (Шадриков В.Д., Кургинян С.С., 2015) [32], (42 утверждения)	Индивидуальная выраженность составляющих рефлексии в деятельности: – информационная основа деятельности – мотивация и целеполагание – процесс принятия решения – процесс осуществления деятельности
IV	поведенческие	(6). Тестовое задание на когнитивную нагрузку: корректурная проба уровня развития внимания «Методика элементарной шифровки Пьерона-Рузера» (Pieron-Ruzer test), (1 лист)	Показатели эффективности ведущих функций в деятельности: – скорость внимания (производительность внимания) – скорость обработки – объем зрительной информации – скорость переработки – точность обработки

Процедура основного эмпирического исследования требует определенный порядок представления методик с целью обеспечения фазы вработывания в процессе психологического исследования и выпол-

нения тестового задания на когнитивную нагрузку. Элементы тестирования предполагают представление в порядке «усложнения» (по количеству вопросов и субъективной сложности заданий): субъективная оценка рефлексии (4); субъективная оценка личностных качеств (3); выполнение тестового задания на когнитивную нагрузку (6), (2); тест рефлексии в деятельности (5); субъективная оценка острого когнитивного утомления (1). Предположительное время прохождения тестирования 30-40 минут, ограничение времени экспериментальной процедуры не предусматривается.

Эмпирическая база предстоящего исследования предполагает использование краудсорсинговой платформы «Яндекс.Толока». Этот сервис «позволяет обрабатывать большие массивы данных, распределяя работу среди множества исполнителей» (<https://toloka.ai/tolokers/docs/web?lang=ru>). «Яндекс.Толока» можно отнести к виртуальной организации «платформенного типа [22]: сервис дает пользователям (т.н. «толокеры», обязательный налоговый статус – самозанятые) возможность заработка «в свободное время». Короткие задания представляют анализ и оценку информации различного типа (аудио-, видео-, текстовый контент, изображения и др.), выполняются на компьютере или любом мобильном устройстве с доступом в Интернет с целью машинного обучения и совершенствования поисковых алгоритмов, лингвистических исследований, задач компьютерного зрения и пр. Примечательно, что разработчики платформы характеризуют трудовые задачи как «простые задания, с которыми не справляются компьютеры» (<https://toloka.yandex.com/ru/>) [25]: исполнители обучают и тестируют «искусственный интеллект», применяя когнитивные навыки, которыми на сегодня обладает только человек.

Выборка участников исследования: работники виртуальной организации, жители России и ближнего зарубежья (русскоговорящие пользователи Интернета), мужчины и женщины в возрасте от 24 до 60 лет, имеющие окончательное среднее специальное или высшее образование, профессиональный стаж от 2 лет.

Ожидаемая выборка: 200-300 человек.

Межгрупповые факторы разделения выборки на группы формируются по основным показателям обеспечения ФК: группа с высоким «уровнем эффективности» и низким «уровнем когнитивного утомления» определит «группу в состоянии ФК». Внутригрупповой фактор «уровень структуры рефлексивности» позволит выявить индивидуально-личностные различия работников виртуальной организации с высоким, низким и средним уровнем ФК (Рис. 2).

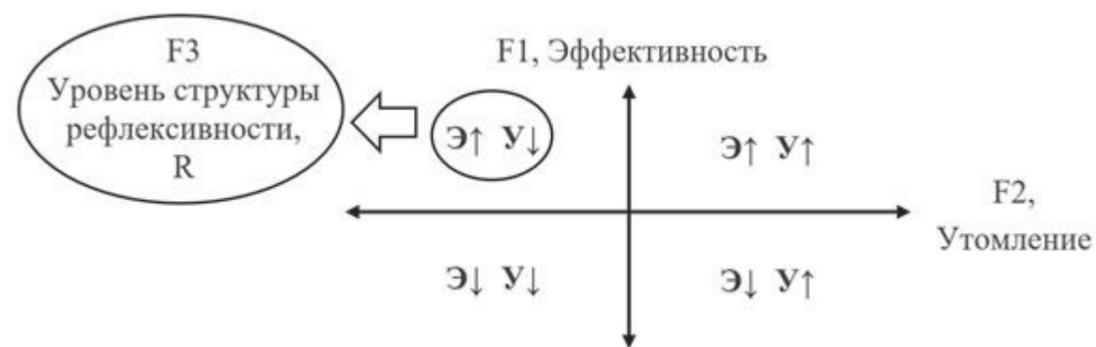

Рис. 2. Схема межгрупповых (F1= эффективность деятельности, «Э» и F2= когнитивное утомление, «У») и внутригруппового факторов (F3= уровень структуры рефлексивности, «R») в экспериментальном исследовании специфики функционального комфорта работников виртуальной организации.

Результаты. 1. Анализ статуса нулевых гипотез по результатам пилотного эмпирического исследования «Оценка интегрального показателя функционального комфорта работников различных типов виртуальных организаций» позволил уточнить методологический вектор исследования индивидуально-личностных особенностей с позиции ситуационизма: психофизиологические измерения с учётом фактора ситуации выполнения «типовой» трудовой задачи.

2. Сформулированные гипотезы основного эмпирического исследования специфики ФК работников виртуальной организации позволили уточнить диагностическую программу предстоящего исследования в рамках метакогнитивного направления в психологии.

3. Представленная теоретическая модель эмпирического исследования специфики ФК работников виртуальной организации позволяет изучать индивидуально-личностные свойства метакогнитивной сферы личности с применением номотетического и идеографического методов с дополнением альтер-

нативными методами оценки черт личности, что даёт возможность практической реализации системного подхода в психодиагностике.

4. Исследовательские методы предстоящего эмпирического исследования включают экспериментальный подход, основанный на методе естественного (полевого) эксперимента, а также психодиагностический подход объективной и субъективной оценки выделенных показателей с применением компьютеризированных методик и компьютерных тестов.

5. Особенности трудовых задач предлагаемой к исследованию виртуальной организации платформенного типа позволяет определить ее работников как представителей профессий субъектно-информационного класса.

Обсуждение результатов. Ограничения настоящего исследования представлены, главным образом, заявленным предметом исследования, а также аспектами центральной проблемы соотношения теории и метода в современной психологической науке [16]. На этапе тестирования компьютерная процедура имеет ограничение контроля некоторых переменных: отвлекающие факторы, самостоятельность выполнения теста, процент возврата. На этапе статистической обработки полученных данных будет производиться формулировка рабочих эмпирических гипотез предстоящего исследования.

Высокая организационная гибкость и работа с помощью минимальных технических средств становится доступной вне зависимости от класса профессии, например, для жителей удаленных регионов, людей с ограниченными возможностями здоровья, для работников, находящихся в отпуске по уходу за ребенком. Учёные отмечают, что уровень виртуализации рабочего пространства может быть разным [3], в этом случае необходимо учитывать параметры классификации виртуальных организаций (например, факторы пространственно-временной характеристики, уровень автоматизации).

С позиции научного направления «Эргономика информационных технологий» [4] объектом предстоящего эмпирического исследования выступает конкретная (не абстрактная) эргономическая система, которая может быть уточнена в формулировке: «пользователь – компьютерное устройство – виртуальная среда». Предмет эмпирического исследования в рамках эргономического направления классифицируется с позиции: «А. Регламентация эргономических требований» (предмет исследования «п.4. Функциональные состояния, формирование и поддержания работоспособности оператора»), а также «В. Этапы эргономического обеспечения» (предмет исследования «п.1. Методология»).

Потенциал практической значимости предстоящего эмпирического исследования заключается в возможности локальной валидации теста «Рефлексия деятельности лиц, занятых профессиональной деятельностью (ТРД, Форма «Р»)» [32] «на предмет его приемлемости для диагностики рефлексии работников, занятых конкретным видом деятельности» [32]. Разработанная программа эмпирического исследования специфики ФК работников виртуальной организации может быть использована в качестве учебно-методического материала в процессе обучения специалистов по направлению «эргономика информационных технологий» (профиль «эргономист-дизайнер»).

Следующим шагом научной работы автора является реализация представленной программы эмпирического исследования: организация и проведение психодиагностического эксперимента.

Литература

1. Бруннер Е. Ю. Лучше, чем супервнимание. Методики диагностики и психокоррекции. Ростов-на-Дону, Феникс, 2006. С. 46–53.
2. Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика: учебник для вузов. 2-е изд. перераб. и доп. Санкт-Петербург: Питер, 2017. 384 с.
3. Гумерова Г. И., Шаймиева Э. Ш. Виртуальная организация как объект исследования и учета в российском экономическом пространстве цифровой экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2018. Т. 14. №. 4 (361). С. 616–639.
4. Дергачев К. В., Кузьменко А. А., Спасенников В. В. Анализ взаимосвязи объекта и парадигмы исследования в эргономике с использованием информационных технологий // Эргодизайн, 2019. №1 (3). С. 12–22.
5. Иванова Д. И., Метакогнитивные исследования: актуальность и ретроспектива // Ярославский психологический вестник, 2022. № 2 (53) 2022. С. 24–28.
6. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика её диагностики // Психологический журнал, 2003. Т. 24. №. 5. С. 45–57.
7. Карпов А. В., Перевозкина Ю. М., Федоришин М. И., Зиновьева Л. В. Роль метакогнитивных стратегий в военно-профессиональной подготовке курсантов // Перспективы науки и образования, 2021. №. 5 (53). С. 354–366.
8. Карпов А. А. Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности. Ярославль: ЯрГУ, 2016. 208 с.

9. Карпов А. А. Метакогнитивное направление в психологии: современное состояние и перспективы исследований // Ярославский психологический вестник, 2016. № 35. С. 6–12.
10. Карпов А. А. Рефлексивность как детерминанта стилей принятия решений в управленческой деятельности // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2018. № 4. С. 82–87.
11. Корнилова Т. В., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии: учебник. 2-е изд., пер. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 490 с.
12. Кулайкин В. И. Эргодизайн промышленных изделий и предметно-пространственной среды: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «Дизайн», «Эргономика» / под ред. В. И. Кулайкина, Л. Д. Чайновой. Москва: ВЛАДОС, 2009. 311 с.
13. Леонова А. Б., Капица М. С. Методы субъективной оценки функциональных состояний человека // Практикум по инженерной психологии и эргономике / под ред. Ю. К. Стрелкова. Москва: Академия, 2003. С. 136–167.
14. Леонова А. Б., Блиникова И. В., Величковский Б. Б., Капица М. С. Прерывания в компьютеризованной деятельности: стратегии переключения между основной и дополнительной задачами // Экспериментальная психология, 2009. Т. 2. № 1. С. 35–51.
15. Леонтьев Д. А., Лаптева Е. М., Осин Е. Н., Салихова А. Ж. Разработка методики дифференциальной диагностики рефлексивности // Материалы VII Международного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление (г. Москва, 15–16 октября 2009 г.) / под ред. В. Е. Лепского. Москва: Когито-Центр, 2009. С. 145–150.
16. Мазилев В. А. Методология современной психологии: Актуальные проблемы // Сибирский психологический журнал, 2013. № 50. С. 8–16.
17. Михайлова Н. А., Николаев А. Ю., Носкова О. Г. Эргономическое обеспечение проектирования и внедрения прибора контроля бодрствования железнодорожного машиниста // Национальный психологический журнал, 2021. № 3 (43). С. 87–95.
18. Нежкина Л. Ю., Фонталова Н. С. Изучение взаимосвязи когнитивного стиля поведения с эффективностью профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Baikal Research Journal. – 2019. – №3.
19. Орёл В. Е., Сенин И. Г. Личностные опросники NEO-PI-R и NEO-FFI. Руководство по применению // Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 2008. С. 15–30.
20. Орёл В. Е., Сенин И. Г. Основы психодиагностики. 2-е изд., перераб. и доп. Ярославль: ЯрГУ, 2007. 140 с.
21. Прохоров А. О., Чернов А. В. Рефлексивная регуляция психических состояний. Москва: Институт психологии РАН, 2019. 191 с.
22. Снявская О. В., Бирюкова С. С., Аптекарь А. П., Горват Е. С., Грищенко Т. Б., Гудкова Н. Б., Карева Д. Е. Платформенная занятость: определение и регулирование. Москва: НИУ ВШЭ, 2021. URL: https://ncmi.hse.ru/data/2021/05/26/1438190156/Доклад_Платформенная_занятость_002.pdf (дата обращения: 08.10.2022).
23. Спицына К. Р. Разработка анкеты общих данных респондентов пилотажного исследования по теме психологического благополучия дистанционных работников // Инновационные аспекты социально-экономического развития региона: сборник статей по материалам участников XI Ежегодной научной конференции аспирантов «МГОТУ» (13 мая 2021 г., наукоград Королёв). Москва: Издательство «Научный консультант», 2021. – С. 241–252.
24. Спицына К. Р. Особенности взаимосвязи личностных характеристик и удовлетворённости работой специалистов виртуальной организации // Мир науки. Педагогика и психология, 2022. №1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/43PSMN122.pdf> (дата обращения: 08.10.2022).
25. Толока – заработок в Интернете. Простые задания за вознаграждения <https://toloka.yandex.com/ru/> (дата обращения: 08.10.2022).
26. Холодная М. А., Кострикина И. С. Особенности когнитивных стилей «импульсивность/рефлексивность» и «ригидность/гибкость познавательного контроля» у лиц с высокими и сверхпороговыми значениями IQ // Психологический журнал, 2002. Т. 23. № 6. С. 72–82.
27. Холодная М. А. Когнитивные стили: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2018. 307 с.
28. Чайнова Л. Д. Функциональный комфорт как обобщенный критерий оптимизации трудовой деятельности // Техническая эстетика, 1985. № 2. С. 19–20.
29. Чайнова Л. Д., Назарова К. А., Чайнов В. И. Концепция функционального комфорта работающего человека-теоретическая основа современного эргодизайна // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2015. №1. С. 125-133.
30. Чайнова Л. Д., Яковец Д. А. Экспериментальное исследование (оценка) состояния функционального комфорта при работе студентов с компьютерными обучающими программами по общетехническим дисциплинам // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики, 2005. № 2. С. 54–60.
31. Шадриков В. Д. Роль рефлексии и рефлексивности в развитии способностей учащихся // Психология. Журнал ВШЭ, 2012. №4. С. 133–144.
32. Шадриков В. Д., Кургинян С. С. Исследование рефлексии деятельности и её диагностика через оценку конструкторов психологической функциональной системы деятельности // Экспериментальная психология, 2015. Т. 8. № 1. С. 106–126.
33. Шмелёв А. Г. Психодиагностика личностных черт. Санкт-Петербург: Речь, 2002. 480 с.
34. Hyrkkänen U., Nenonen S., Kojo I. The virtual reality of work - How to create a workplace that enhances well-being for a mobile employee // Virtual reality and environments, 2012. P. 193-204.
35. Kagan J.; Rosman B. L., Day D., Albert J., Phillips W. Information processing in the child: significance of analytic and reflective attitudes. Psychological Monographs, 1964. 78. (1, Whole No. 578).

ОБЩАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.95

Функции и свойства мыслительных схем в инсайте

С. Ю. Коровкин, г. Ярославль, Российская Федерация

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-2164.2022.2

Аннотация. Инсайт, творческое решение, является одним из феноменов поиска решения задачи, который состоит в необходимости преодоления тупика, возникшего вследствие построения нерелевантной репрезентации. Два противоположных решения, которые сформулированы в теории задачного пространства и теории изменения репрезентации предполагают наличие либо высокоуровневых, либо низкоуровневых процессов изменения репрезентации. В настоящей работе предложено новое решение, которое предполагает возможность объединения сильных сторон каждой из теорий благодаря введению в объяснение понятия мыслительных схем. Понимание того, как происходит построение и изменение репрезентации в решении задачи позволяет объяснить то, как и почему формируется и удерживается неверная репрезентация, а также то, как одновременно возможно низкоуровневое и высокоуровневое изменение репрезентации.

Ключевые слова: инсайт, мышление, схема, мыслительная схема, изменение репрезентации, переформулирование, задачное пространство.

Проблема механизмов изменения репрезентации. Вопрос, на который должна отвечать теория творческого мышления, состоит в том, как происходит изменение репрезентации в решении задачи при преодолении тупика. Преодоление тупика осуществляется благодаря инсайтному решению, то есть такому решению, при котором происходит смена изначальной репрезентации задачи, в рамках которой невозможно или затруднено нахождение решения (т.е. репрезентация нерелевантна). Среди множества подходов и исследований можно выделить две теории, в которых на поставленный вопрос о механизмах смены репрезентации дается ответ в явном виде. В теории задачного пространства основным способом смены репрезентации является высокоуровневый поиск нового задачного пространства с помощью метаэвристик [19]. В теории изменения репрезентации – низкоуровневая смена репрезентации, в том числе на основе перераспределения активации [22, 23]. Существуют экспериментальные доказательства в подтверждение как той, так и другой теории. Однако две до некоторой степени противоречащие теории не могут быть одновременно верны. В теории задачного пространства отрицается влияние низкоуровневых процессов построения и изменения репрезентации. В теории изменения репрезентации игнорируется возможность высокоуровневых механизмов поиска новой репрезентации.

К обеим обозначенным теориям можно сформулировать ряд вопросов, на которые теории дают не вполне удовлетворительные ответы или вовсе не дают ответа. Теория задачного пространства и её развитие в теории мониторинга прогресса не дают однозначного ответа о том, как хранится или как представлено задачное пространство всех возможных пространств решения. В описании авторов такое пространство потенциально бесконечно и не может храниться в виде опыта. Вероятно, в знании человека кроме способов поиска решения в задачном пространстве должны храниться и способы конструирования репрезентации, а также элементы, из которых происходит конструирование. Однако теория задачного пространства и её последующие версии не дают описания процесса конструирования и реконструирования репрезентации. Более того, теория критерия продвижения к цели подчеркнута игнорирует влияние гештальт-принципов перцептивной группировки на преодоление тупика [13, 21, 25], что делает её уязвимой для критики [24]. В более поздней версии дается уже менее жесткая позиция [12]. Кроме того, игнорирование гештальт-принципов наблюдается и в вопросах объяснения легкости тех или иных решений.

Теория изменения репрезентации претендует на возвращение гештальт-принципов в психологию, и приводит многочисленные доказательства участия низкоуровневых процессов в конструировании и изменении репрезентации. Изменение репрезентации описывается как спонтанный имплицитный, неконтролируемый процесс. Это положение вызывает следующие вопросы: 1. Почему репрезентация задачи устойчива в течение всего решения, почему мысли обычно не блуждают все время в течение решения? 2. Как осуществляется осмысленный целенаправленный поиск? Очевидно, что по ходу решения репрезентация каким-то образом сдерживается. Считается, что репрезентация удерживается целью, которая и обеспечивает целенаправленный поиск. Однако механизм, благодаря которому цель оказывает такое влияние, остается не вполне понятен. В теории изменения репрезентации неоднократно подчеркивается, что смена репрезентации требует усилий, но в таком случае, неясно как теория стыкуется с данными о положительном влиянии ослабления контроля на преодоление тупика [18, 26]? Зачем нужно ослабление контроля, блуждание мысли и т. п. С. Олссон предсказывает положительное влияние настойчивости, однако данные скорее говорят о негативном влиянии настойчивости на инсайтные решения [5, 17]. В теории изменения репрезентации в целом также недооценивается роль осознания конфликта, понимания того, почему не решается задача, что было центральным вопросом в теории К. Дункера [2, 3].

В итоге, в обеих теориях необходимость смены репрезентации задается исчерпыванием возможности действовать, без понимания того, почему не решается задача. Таким образом, попытка С. Олссона привнести принципы гештальт-психологии в теорию задачного пространства ограничивается констатацией важности перцептивных низкоуровневых процессов без упоминания таких ключевых для гештальт-психологии мышления идей как использование в мышлении целостных структур и проникновение в суть задачи через улавливание ее глубинной структуры. Таким образом, теория изменения репрезентации является удивительной формой гештальт-психологии без гештальта.

Кроме того, есть ряд вопросов, которые можно в равной степени адресовать обеим конкурирующим теориям. Во-первых, *почему при отказе от старого решения появляется новое решение?* Вопрос состоит в том, что отказ от репрезентации сам по себе не объясняет, почему из всех возможных альтернатив подберется какая-то адекватная замена. В теории изменения репрезентации этому фактически не дается объяснения, а говорится лишь только, что всегда существуют альтернативные интерпретации. Однако вероятностный выбор не вполне объясняет гибкость в выборе альтернативных решений. Другими словами, не ясно, как и чем ограничивается бесконечное число возможных новых репрезентаций. Во-вторых, *почему не происходит комбинаторного взрыва при открытии нового задачного пространства?* Ослабление какого-либо ограничения открывает теоретически бесконечное количество новых возможностей. Открытие возможности рисовать линии за пределами квадрата в задаче «9 точек» допускает рисование множества линий, большинство из которых все равно не рассматриваются как допустимые. То есть не наблюдается полного ослабления ограничений в результате отказа от старой репрезентации, старая репрезентация остается достаточно устойчивой и происходит лишь ее уточнение, обогащение и изменение. Спор о выборе альтернативных репрезентаций, как нам кажется, схож с дискуссией о порождении речевых высказываний между вероятностной моделью Дж. Миллера и генеративистской моделью Н. Хомского [10]. Наша позиция состоит в том, что должны существовать некоторые структуры, которые могли бы сдерживать случайные флуктуации и обеспечивать адекватность подбора репрезентации цели.

Обе теории обладают серьезными аргументами как в пользу высокоуровневых, так и в пользу низкоуровневых процессов изменения репрезентации. Поэтому центральным вопросом для данной работы является вопрос о том, *как происходит взаимодействие высокоуровневых и низкоуровневых механизмов инсайта?* Позиции, на которых стоят теория задачного пространства и теория изменения репрезентации, принято рассматривать как радикально противоположные в виде специфического и неспецифического подходов. Поэтому, как нам кажется, требуется теория, примиряющая две эти радикальные позиции.

Концепция построения и изменения репрезентации на основе мыслительных схем. Для решения поставленной проблемы кажется весьма продуктивным использование теории схем, которая содержит объяснения и предсказания относительно вопроса о том, как устроена репрезентация. Понятие *схемы* имеет давнюю историю и получило свое развитие в ставших классическими работах в области когнитивной психологии [6-8, 11, 27, 28]. Под схемой понимается структура опыта, представляющая собой довольно общее представление о событиях, а также объектах и их свойствах. Схемы составляют основу знания, а также являются каркасом для построения актуальных репрезентаций, например при понимании текста. Схемы могут быть основой для выделения структуры задачи и переноса способа решения с одной задачи на другую [9, 15].

На основе обзора различных теорий схем В. Гош и А. Гилбоа [16] выделили необходимые и дополнительные свойства схем. К необходимым свойствам схем авторы отнесли ассоциативную структуру сети, основание на нескольких эпизодах, низкая детализация и адаптивность. По мнению большинства авторов, всякая схема состоит из единиц и соединяющей их ассоциативной сети. В качестве таких единиц могут выступать элементы, события, переменные, узлы схем, свойства и т.д. Связи между единицами создают целостность схемы, при этом взаимосвязи могут оказаться более важными частями схем, чем единицы. Схемы строятся на нескольких эпизодах и отражают общность повторяющихся событий. Благодаря этой обобщенности схемы позволяют управлять поведением во вновь возникающих ситуациях. Обобщенность схем влечет за собой отсутствие деталей, которые стираются в пользу единства схематической репрезентации. Схемы позволяют гибко адаптироваться к актуальным ситуациям, позволяя включать в себя новую информацию. К дополнительным свойствам схем, которые могут быть характерны не для всех разновидностей схем и не являются универсальными, авторы относят наличие хронологических отношений, иерархическую организацию, наличие перекрестных связей и встроенные характеристики ответа. Часть схем, которые основаны на событиях, могут быть весьма чувствительны к последовательности событий, которая позволяет предсказывать развитие событий. В ряде теорий предполагается иерархическая организация схем, где внутри схем есть подсхемы. Иерархичность позволяет создавать внутри схемы восходящую и нисходящую активацию («управляемая концептом») говорит о том, что схема активизирует подсхемы; восходящая активация («управляемая данными») происходит, когда подсхемы активизируют различные схемы, в которые они вложены. Свойство перекрестных связей указывает на возможность схем взаимодействовать и влиять друг на друга не только в рамках иерархии, но и между отдельно хранящимися схемами. Данное свойство также ведет к следствию о том, что если схемы взаимодействуют, то они могут вступать друг с другом в конфликт. Ряд схем может содержать в себе встроенные характеристики поведенческого ответа. Тем самым схемы могут выступать не только структурами знания, но и обеспечивать связь знания и поведения.

Мы попытались применить теорию схем к разрешению теоретических проблем в вопросе о переструктурировании репрезентации [4]. В данной работе в качестве решения данной проблемы предлагается *концепция построения и изменения репрезентации на основе мыслительных схем*. Мы понимаем под схемой когнитивную структуру, позволяющую упростить репрезентацию таким образом, чтобы была возможность оперировать достаточно объемными частями репрезентации в рамках рабочей памяти. При этом все элементы репрезентации могут быть доступны для извлечения из долговременной рабочей памяти. Под долговременной рабочей памятью мы понимаем ту часть долговременной памяти, в которой хранится необходимая для решения текущей задачи информация, готовая для извлечения в кратковременную рабочую память [14]. Поскольку рабочая память ограничена по своей вместимости, то можно предположить целесообразность удерживать в ней только некоторые ярлыки легко доступных в памяти заготовок. Схему удобно рассматривать как абстрактную конструкцию, хранящуюся в памяти и легко доступную для воспроизведения, которая позволяет в компактной форме хранить типичную информацию. Абстрактность схемы позволяет не запоминать огромное количество дополнительной, обычно нерелевантной информации, отбрасывая детали. В то же время она позволяет реконструировать полную картину в ситуации неполной информации. Таким образом, схема может занимать промежуточное положение между репрезентацией непосредственно воспринимаемой ситуации и абстрактным знанием, хранящимся в долговременной памяти.

Для анализа феноменов и механизмов изменения репрезентации при решении задач нам необходимо постулировать ряд общих свойств схем:

1. *Компактность*. Схемы формируются для обеспечения принципа экономии когнитивного ресурса. Ментальные схемы упорядочивают и укрупняют психические элементы (например, отдельные движения организуются в более общие действия, распределенные в пространстве перцептивные признаки (как цветовые пятна), организуются в единые объекты и т. д.). Таким образом, достигается упрощение и обобщение многообразия действий, ощущений, восприятий и т.д. для увеличения эффективности управления психическими процессами.

2. *Иерархичность*. Схемы хранятся в виде словарей с различной степенью обобщенности. Уровень обобщенности и детализации используемых схем задается поставленной целью. Иерархическая организация схем позволяет более эффективно управлять репрезентацией на уровне целенаправленного поведения. Изменение схемы на любом из уровней в иерархии может привести к перестройке всей репрезентации.

3. *Устойчивость*. Схемы, в целом, устойчивы к случайным влияниям, что проявляется в том, что активированная на основе признаков-триггеров схема подавляет другие схемы. Переструктурирование

схемы или программы через добавление новых признаков, элементов и т.п. создает большую неопределенность (репрезентация расширяется и обогащается, но выстроить емкую схему становится сложнее), поэтому схемы устойчивы к внешним влияниям. Однако нахождение более компактной схемы через обогащение репрезентации или изменение детализации схемы, ведущее к появлению новой более устойчивой схемы, феноменологически может проявляться как инсайт и сопровождаться ага-переживанием.

4. *Целесообразность*. Структура, состав, содержание схемы определяется целью, для которой она существует. Закрепление схемы может происходить в результате успеха, достижения цели. Реорганизация схемы невыгодна с точки зрения экономии когнитивного ресурса. Схема, направленная на достижение конкретной цели, соответствует критерию оптимальной сложности – в состав схемы должно входить наименьшее возможное количество элементов, необходимых для успеха. Под целью, которая определяет структуру схемы, понимается образ ожидаемого результата.

5. *Доступность высокоуровневой переработке*. Целостная структура схем позволяет использовать достаточно компактные способы кодирования и удерживания в рабочей памяти, что делает схемы доступными осознанию и высокоуровневой переработке. Благодаря такой высокоуровневой кодировке сложные схемы могут быть произвольно извлечены из словаря имеющихся схематических репрезентаций. Доступность высокоуровневой переработке открывает возможности для произвольной актуализации процедурных и декларативных репрезентаций.

Под *мыслительной схемой* мы понимаем такие схемы, которые определяются условиями мыслительной задачи. Мыслительные схемы доступны сознательному оперированию. Так, например, задача «9 точек» определяет оперирование схемами «линий, соединяющих точки» и схемой перцептивной группировки; задача про «боксера»⁶ определяет оперирование схемами боксера-спортсмена и т. д.

Непосредственно в процессе решения задач, по нашему мнению, *схемы выполняют следующие функции*:

— Схемы составляют основу репрезентации задачи, то есть определяют то, что является элементами, операторами и целевым и текущим состоянием задачи. Репрезентация является основой для построения задачного пространства.

— Схема удерживает репрезентацию задачи и текущее состояние от забывания и случайных влияний. Всякая схема сопротивляется посторонним влияниям, создающим двойные интерпретации. Как правило, двойные смыслы нарушают течение процесса решения задачи.

— Благодаря компактности схем, значительные части решения задачи могут быть помещены и оценены в рамках рабочей памяти. Это позволяет оценивать продвижение в решении задачи и являться основой горизонта планирования (mental lookahead).

Для анализа решения задач с точки зрения концепции мыслительных схем, полезно представить репрезентацию задачи в качестве модели для сборки, в которой различные по виду и содержанию схемы могут быть представлены в качестве *структурных элементов на разных уровнях*.

Глобальные схемы в решении задачи представлены, на наш взгляд, *ситуационной моделью задачи, ожиданиями цели и программой (сценарием) действий*. Ситуационная модель задачи представляет собой модель того, что дано, которая формируется в результате понимания текста задачи. Ряд творческих задач строится на формировании неверной или неадекватной модели задачи. Так, например, строятся задачи на языковую неоднозначность. В задаче «Почему хомяк может съесть килограмм овса, а лошадь – нет?» построение модели строится вокруг основного героя задачи – хомяка, поэтому вторая часть предложения с большей вероятностью интерпретируется, как имеющая к нему отношение. Ожидания цели могут представлять собой как образ цели, так и достаточно абстрактный набор требований к конечному результату. В любом случае, ожидание цели может строиться по законам схем, формируя некоторую зону ожидаемой неопределенности результата. Так, например, трудности трехмерных задач, в которых требуется выйти из плоскости в третье измерение, можно рассматривать как трудности ожиданий, поскольку первоначальные ожидания накладывают ограничения на поиск решения за пределами плоскости. Программа или сценарий действий в задаче тоже может играть существенную роль, поскольку определяют те наиболее общие стратегии и эвристики, которые будут выбраны решателем в первую очередь. Относительная независимость модели задачи и программы так же высказана Г. Саймоном [29] в рамках его гипотезы селективного забывания. В частности, он полагал, что процедурная информация (как бы мы сказали, процедурная схема) быстрее подвержена забыванию, чем общая информация о задаче (модель задачи).

⁶ Боксер покинул ринг после победы в чемпионате мира. Его тренер забрал все призовые, а боксер не получил ни копейки. Почему?

Локальные схемы в решении задачи представлены репрезентацией отдельных элементов задачи, схемами отдельных действий (определяемых подцелями в задаче) и образами подцелей. Элементы задачи хранятся в долговременной памяти в виде схем, и изменение одного из элементов задачи может привести к изменению всей модели и репрезентации задачи в целом. Так, например, в задаче на языковую неоднозначность про боксера (ее текст был приведен выше) такие атрибуты, как наличие тренера, участие в соревнованиях, победа и деньги, вместе со словом «боксер» активируют однозначную и довольно устойчивую схему «боксера-спортсмена». Открытие решателя, что у слова «боксер» есть и другие значения, должно приводить к активации другой схемы – «собака, участвующая в соревнованиях». Вторая схема оказывается у большинства решателей менее активированной, поэтому смена схем вызывает достаточно сильные затруднения.

Различия между локальной и глобальной мыслительными схемами можно продемонстрировать также на примере задачи «9 точек». На глобальном уровне задача может быть распознана как соответствующая мыслительной схеме «задача на соединение точек» и отнесена к категории задач, в которых требуется последовательно соединять точки прямыми линиями, начинающимися и заканчивающимися в точках. Такая глобальная мыслительная схема накладывает ограничения на решение задачи, поскольку предполагает определенную ситуационную модель – квадрат с точками и соединяющими их линиями, процедурную схему – соединение точек между собой (как правило, от точки к точке) и ожидание цели – последовательность линий (или фигура), соединяющая линии от точки к точке. На локальном уровне задача могут быть распознаны схемы элементов задачи (например, для понимания того, что такое точка в данной задаче могут быть использованы схемы «абстрактная точка», «пятно, имеющее конкретные размеры», то же можно предположить и для линий – «абстрактная прямая», «абстрактный отрезок», «кривая», «полоса»), схемы действий (вероятно, что изначально действие в данной задаче трактуется как соединение точек линиями начинающимися и заканчивающимися с точках).

Что концепция мыслительных схем может внести нового? Во-первых, мы получаем реконцептуализацию понятия репрезентации задачи. Говоря о репрезентации, мы подразумеваем субъективные представления решателя о задаче, на основе которых может быть построено задачное пространство. Необходимыми составляющими репрезентации задачи являются представления о начальном состоянии, о цели и правилах достижения цели. В рамках нашей концепции репрезентация может быть масштабирована и включает в себя ситуационную модель задачи (условия, элементы), процедурную схему (действия, ключевые узлы) и образ ожидаемого результата. Теория задачного пространства хорошо описывает программы действий в рамках одной ситуационной модели, с хорошо определенным ожиданием результата (целевым состоянием) при однозначном списке устойчивых элементов задачи. В рамках нашей концепции под репрезентацией задачи понимается не задачное пространство, а субъективные представления о том, как и из чего строится задачное пространство задачи. Во-вторых, концепция включает в себя представления о том, как формируется репрезентация задачи, что обогащает детализацией теорию изменения репрезентации. Построение репрезентации происходит на основе актуализации схем, соответствующих представленной задаче. В своем представлении о том, как происходит понимание задачи, мы основываемся на теории процесса понимания текста В. Кинтча и Т. ван Дейка [20]. На основе указанных в тексте элементов задачи в памяти решателя актуализируются их сформированные схемы. Схемы элементов задачи объединяются в единую ситуационную модель задачи (включающую понимание того, что дано и что требуется), в соответствии с которой интерпретируются и отдельные элементы, а также определяется цель (ожидание целевого состояния) и программы действий, необходимые для достижения цели, исходя из текущей интерпретации начального состояния.

В общем виде, описание смены репрезентации при инсайтном решении выглядит, по нашему мнению, следующим образом. Решение задачи подразумевает построение репрезентации задачи, которая составляется из хранящихся в долговременной памяти элементов: перцептивных, моторных и мыслительных схем. Репрезентация организована иерархически таким образом, что как общая ситуация задачи, так и её отдельные элементы кодируются схемами. При широком масштабировании репрезентация задачи представлена глобальными схемами ситуационной модели задачи, ожидания цели и программы действий, а при детальном масштабировании – представлена локальными схемами элементов задачи, действий и подцелей. Репрезентация стремится к равновесному состоянию, то есть к состоянию простой схемы, поддерживая свою устойчивость и непротиворечивость. Устойчивость и компактность схем позволяют в экономном режиме удерживать все необходимые для решения задачи элементы, такие как операторы и целевое состояние, а кроме того, и ключевые моменты в ходе решения и защищает репрезентацию от случайного отвлечения, забывания и интерференции. Противоречия в репрезентации между отдельными составными частями вызывают неустойчивость репрезентации, которая в свою очередь стремится к непротиворечивости, либо через игнорирование, либо через изменение репрезентации.

Поскольку репрезентация задачи представляет собой иерархию схем, то изменение репрезентации может произойти в результате изменения схемы на любом из уровней: 1. При условии неустойчивости мыслительной схемы она может быть изменена в результате восходящих влияний спонтанно актуализированной перцептивной или моторной схемы, как это предполагает теория изменения репрезентации. 2. Доступность мыслительных схем сознанию позволяет осуществлять сознательный поиск подходящей схемы в качестве модели задачи или одной из ее составляющих, как это предсказывает теория задачного пространства. 3. При недоступности подходящей мыслительной схемы сознательному поиску в долговременной памяти и устойчивости ситуационной модели задачи способом поиска новой репрезентации может стать анализ противоречий между схемами внутри репрезентации задачи. Такой анализ может осуществляться на любом из уровней репрезентации, а основной его целью является выведение репрезентации задачи из устойчивого равновесного состояния. Последний тип изменения репрезентации не учитывается в цитируемых моделях и может рассматриваться как новое предсказание предлагаемой нами концепции.

Поскольку репрезентация задачи строится на основе иерархии схем, то инсайтное решение может происходить путем изменения любой схемы в этой иерархии. Изменения в схемах на любом из уровней могут привести к изменению репрезентации задачи в целом, однако в какой из схем (какой части репрезентации) необходимо изменение, решателю, как правило, не известно (и существующими теориями не предсказывается). Смена репрезентации может происходить как через полную замену одной схемы другой, так и через внесение модификаций в ранее актуализированную схему.

Как мы предполагаем, в механизм инсайтного решения необходимо включить ряд составляющих, которые необходимы для понимания инсайта: 1. механизмы условий для смены репрезентации, 2. механизмы модификации схем, 3. построение новой модели задачи. Другими словами, для того чтобы понимать, как происходит изменение репрезентации в решении задачи нужно учитывать то, как строится новая репрезентация, то, как имеющаяся репрезентация может быть модифицирована и то, какие условия для этого необходимы. Как уже отмечалось выше, построение модели задачи как интерпретация и понимание текста задачи в целом описана теорией конструирования-интеграции. Некоторые из механизмов модификации схем были описаны С. Олссоном [23], мы по-новому представим этот список, и теперь он включает в себя: 1. добавление новых элементов – включение новых элементов в репрезентацию, тем самым задействуя новые схемы; 2. детализация и декомпозиция – обнаружение необходимости конкретизировать или разбить на части отдельные элементы задачи; 3. укрупнение единиц – обнаружение некоторой закономерности, простой модели или программы, которая бы позволила охватить все решение или значительную часть решения в рамках горизонта планирования.

Важное место в исследовании инсайта занимают исследования, претендующие на описание механизмов инсайта, но фактически, описывающие механизмы создания условий для смены репрезентации. Среди таких механизмов мы выделим следующие:

– Ослабление актуальности действующих схем через снижение/ изменение целенаправленной активности (и, как следствие, снижение контроля, внимания и т. п.). В результате изменения или удаления цели нарушается или изменяется программа мыслительных действий и репрезентация. Ослабление контроля, внимания, целенаправленной активности может приводить к очищению рабочей памяти от активированных схем и ослаблению их активации в долговременной рабочей памяти [1].

– Поиск готовых схем. На наш взгляд, классический гештальт-подход недооценивает возможности переноса и использования аналогий в решении творческих задач. Использование схем в решении задач создает необходимые предпосылки для выделения «глубинной структуры задачи» и установления соответствия между изоморфными задачами. В данном случае, высокоуровневый поиск в метапространстве репрезентаций [19] есть ни что иное как поиск готовых схем в долговременной памяти.

– Анализ противоречий. Предложенный К. Дункером [2, 3] подход к объяснению инсайта через понимание основного конфликта задачи получил свое развитие в теории задачного пространства в виде эвристики анализа целей и средств. Однако мы трактуем противоречия в задаче гораздо шире, поскольку противоречие между тем, что дано и целью можно не только трактовать как несоответствие оператора цели в рамках задачного пространства, но и как несоответствие действий, цели и ситуационной модели. В таком более широком контексте становится понятно, что выявление конфликта может привести не только к выбору другого оператора (действия), но и к изменению цели и модели задачи.

Выводы. Сформулированная в данной работе проблема объяснения механизмов изменения репрезентации при инсайтном решении может иметь несколько решений. Два противоположных решения, которые сформулированы в теории задачного пространства и теории изменения репрезентации предполагают наличие либо высокоуровневых, либо низкоуровневых процессов изменения репрезентации. В настоящей работе предложено новое решение, которое предполагает возможность объеди-

нения сильных сторон каждой из теорий благодаря введению в объяснение понятия мыслительных. Понимание того, как происходит построение и изменение репрезентации в решении задачи позволяет объяснить то, как и почему формируется и удерживается неверная репрезентация, а также то, как одновременно возможно низкоуровневое и высокоуровневое изменение репрезентации.

Литература

1. Владимиров И. Ю., Карпов А. В., Лазарева Н. Ю. Роль управляющего контроля и подчиненных систем рабочей памяти в формировании эффекта серии // Экспериментальная психология, 2018. Т.11. № 3. С. 36–50.
2. Дункер К. Качественное (экспериментальное и теоретическое) исследование продуктивного мышления // Психология мышления. Москва: Прогресс, 1965. С. 21–85.
3. Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления. Москва: Прогресс, 1965. С. 86–234.
4. Коровкин С. Ю. Мыслительные схемы в инсайтном решении задач ... дисс. докт. психол. наук. Москва, 2020. 331 с.
5. Морозова Е. Н., Коровкин С. Ю. Влияние внешнего подкрепления на решение инсайтных и неинсайтных задач // Теоретическая и экспериментальная психология, 2018. Т.11. №2. С. 8–18.
6. Найссер У. Познание и реальность. Москва: Прогресс, 1981, 230 с.
7. Пиаже Ж. Психология интеллекта. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 192 с.
8. Ришар Ж. Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений / сокр. пер. с франц. Т. А. Ребеко. Москва: Изд-во ИП РАН, 1998. 232 с.
9. Спиридонов В. Ф., Логинов Н. И. Феномен переноса в решении мыслительных задач // Избранные разделы психологии научения / под ред. В. Ф. Спиридонова. Москва: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2017. С. 277–303.
10. Хомский Н., Миллер Дж. Введение в формальный анализ естественных языков. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 64 с.
11. Bartlett F. C. Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1932. 317 p.
12. Chronicle E. P., MacGregor J. N., Ormerod T. C. What makes an insight problem? The roles of heuristics, goal conception, and solution recoding in knowledge-lean problems // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition, 2004. V.30. N.1. P. 14–27. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.30.1.14>
13. Chronicle E. P., Ormerod T. C., MacGregor J. N. When insight just won't come: The failure of visual cues in the nine-dot problem // The Quarterly Journal of Experimental Psychology, 2001. V.54. N.3. P. 903–919. <https://doi.org/10.1080/713755996>
14. Ericsson K. A., Kintsch W. Long-term working memory // Psychological Review, 1995. V.102. N.2. P. 211–245. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.102.2.211>
15. Gick M.L., Holyoak K.J. Schema induction and analogical transfer // Cognitive Psychology, 1983. V.15, N.1. P. 1–38. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(83\)90002-6](https://doi.org/10.1016/0010-0285(83)90002-6)
16. Ghosh V. E., Gilboa A. What is a memory schema? A historical perspective on current neuroscience literature // Neuropsychologia, 2014. V.53. P. 104–114. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2013.11.010>
17. Glucksberg S. The influence of strength of drive on functional fixedness and perceptual recognition // Journal of Experimental Psychology, 1962. V.63. N.1. P. 36–41. <https://doi.org/10.1037/h0044683>
18. Jarosz A. F., Colflesh G. J. H., Wiley J. Uncorking the muse: Alcohol intoxication facilitates creative problem solving // Consciousness and Cognition, 2012. V.21. N.1. P. 487–493. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2012.01.002>
19. Kaplan C. A., Simon H. A. In search of insight // Cognitive Psychology, 1990. V.22. N.3. P. 374–419. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(90\)90008-R](https://doi.org/10.1016/0010-0285(90)90008-R)
20. Kintsch W., van Dijk T. A. Toward a model of text comprehension and production // Psychological Review, 1978. V.85, N.5. P. 363–394. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.85.5.363>
21. MacGregor J. N., Ormerod T. C., Chronicle E. P. Information processing and insight: A process model of performance on the nine-dot and related problems // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition, 2001. V.27. N.1. P. 176–201. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.27.1.176>
22. Ohlsson S. Deep Learning. How the mind overrides experience. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2011. 540 p.
23. Ohlsson S. Information-processing explanations of insight and related phenomena // Advances in the psychology of thinking / Eds. M. T. Keane, K. J. Gilhooly. New York: Harvester-Wheatsheaf, 1992. P. 1–44.
24. Öllinger M., Jones G., Faber A.H., Knoblich G. Cognitive mechanisms of insight: The role of heuristics and representational change in solving the eight-coin problem // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition, 2013. V.39. N.3. P. 931–939. <https://doi.org/10.1037/a0029194>
25. Ormerod T. C., MacGregor J. N., Chronicle E. P. Dynamics and Constraints in Insight Problem Solving // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition, 2002. V.28. N.4. P. 791–799. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.28.4.791>
26. Reverberi C., Toraldo A., D'Agostini S., Skrap M. Better without (lateral) frontal cortex? Insight problems solved by frontal patients // Brain, 2005. V.128. N.12. P. 2882–2890. <https://doi.org/10.1093/brain/awh577>
27. Rumelhart D. E., Ortony A. The representation of knowledge in memory // Schooling and the acquisition of knowledge / Eds. R. C. Anderson, R. J. Spiro, W. E. Montague. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1977. P. 99–135.
28. Schank R. C., Abelson R. P. Scripts, plans, goals and understanding: An inquiry into human knowledge structures. Oxford, England: Lawrence Erlbaum. 1977. 248 p.
29. Simon H. A. Scientific discovery and the psychology of problem solving // Models of discovery – and other topics in the methods of science. Dordrecht, Netherlands: D. Reidel, 1977. P. 286–303. https://doi.org/10.1007/978-94-010-9521-1_16

УДК 159.9

Социально-психологические особенности дезадаптации несовершеннолетних как процесс нарушения социальной адаптации

Ю. А. Латушкина, Н. В. Прокопенкова, П. А. Побокин,
г. Смоленск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены социально-психологические особенности дезадаптации несовершеннолетних как процесс нарушения социальной адаптации. Выявлены нарушения психоэмоциональной сферы у несовершеннолетних из социально неблагополучных семей, лежащих в основе дезадаптации. Разработанная психокоррекционная программа, может быть использована в работе психологической службы с целью преодоления трудностей адаптации несовершеннолетних.

Ключевые слова: адаптация, социальная адаптация, дезадаптация, несовершеннолетние, психологический тренинг, социально-психологическая программа.

Социальная дезадаптация в современном обществе связана с рядом серьезных перемены в экономике, политике и социальной сфере в России, что негативно отразилось не только на материальной стороне семьи, но и на взаимоотношениях между ее членами и прежде всего между родителями и детьми.

«Понятие «социальная адаптация» трактуется учеными достаточно неоднозначно. Изначально понятие «адаптация, по мнению И. С. Зайцева, использовалось биологической наукой и понималось как фундаментальное свойство организма, которое отражает уровень его организации и изменчивости как биологической системы. Термин «адаптация» происходит от лат. «adaptation» – приспособление, прилаживание. Под этим термином понимают приспособление организма, его функций, органов и клеток к условиям среды. Адаптация направлена на сохранение сбалансированной деятельности систем, органов и психической организации индивида при изменившихся условиях жизни» [5].

В дальнейшем понятие «адаптация» находит свое применение в более широких сферах: психологии, педагогике, социологии и других гуманитарных науках. В этих науках данное понятие включает в себя взаимодействие личности с окружающей средой (социальным окружением). Что же касается психологического аспекта, то социальная адаптация понимается как выработка индивидом образа жизни при утверждении в новой среде. Процесс адаптации заключается в усвоении или неприятии норм, ценностей, традиций среды, предъявлений серьезных требований к культуре личности, сформированности ее мировоззрения, жизненной позиции. В этом аспекте социальная адаптация рассматривается как вхождение человека в систему внутригрупповых отношений и приспособление к этим отношениям, выработку образцов мышления и поведения, которые отражают систему ценностей и норм данного коллектива [5].

Результат социальной адаптации – развитие самосознания личности, формирование поведенческих навыков, способность самореализоваться. В процессе адаптации происходит обучение человека созданию гармоничных взаимоотношений с другими людьми, природой, социумом. На протяжении всей жизни индивида происходит не просто освоение и принятие социально значимых норм и установок, но и их передача другим членам социума.

От того, насколько быстро и легко пройдет адаптация, будет прямо зависеть возможность человека самореализоваться, выявить и раскрыть свой творческий потенциал. Данный процесс подразумевает создание совершенно новых социальных связей. Если они будут крепкими в достаточной мере, то и поставленные цели будут достигнуты. Но под адаптацией следует понимать не только общение и привыкание, данный процесс намного глубже. Приспосабливаясь к новым условиям, индивид будет оценивать свои способности, соотносить возможности для удовлетворения своих потребностей с ресурсами общества.

Опыт адаптации способствует формированию качеств личности, которые помогают быстро вживаться в новые условия. Чем больше у человека опыт приспособления к новым условиям, тем быстрее

происходит адаптация. Что же касается структуры социальной адаптации, то, исходя из теоретического анализа различных подходов к процессу адаптации, В. Н. Литовченко выделяет три аспекта:

1. Психическая адаптация – связана с особенностями личности, ее актуальным психическим состоянием, логической переработкой внешней и внутренней информации.

2. Социально-психологическая адаптация – направлена на установление взаимоотношений с окружающим.

3. Психофизиологическая адаптация – предполагает формирование адекватного соответствия между психическими и физиологическими характеристиками человека. Все эти три аспекта взаимосвязаны и в совокупности являются показателями успешности или неуспешности адаптационного процесса [2].

Известно, что своеобразным микроколлективом, играющим существенную роль в адаптации личности, является, в первую очередь, семья. Одной из особенностей семейного воспитания является постоянное присутствие перед глазами детей образца поведения своих родителей.

Понятия «дезадаптация», «дезадаптированный ребенок» вошли в научную литературу сравнительно недавно. В 1920-е гг., когда остро стояла проблема детской беспризорности, асоциального поведения детей, их именовали детьми «выбитыми из жизненной колеи», «оказавшимися непригодными для жизни в семье и школе». «Под склонностью к дезадаптации понимается существование паттернов поведения, не способствующих полноценной адаптации человека в обществе, в виде конфликтности, неудовлетворенности взаимодействиями с окружающими людьми, противостояния или сопротивления реальности, социально- психологической изоляции...» (цит по [7]).

В наше время под дезадаптацией понимается совокупность признаков, свидетельствующих о несоответствии взаимодействия человека с окружающей средой [5].

Дезадаптированный ребенок – это несовершеннолетний, который в силу своих особенностей или недостатков в индивидуальном развитии не может выработать адекватные новым условиям формы поведения и деятельности.

Дезадаптивное поведение – это дисгармония характера, в разных вариациях проявляющаяся как отсутствие твердой жизненной позиции, неумение строить отношения, контролировать свои поступки и, соответственно, соотносить их с основными жизненными ценностями, некритичность к себе, безразличие, грубость, жесткость по отношению к окружающим, антисоциальная направленность.

Процесс дезадаптации разветвляется соответственно основным направлениям человеческой деятельности, среди которых можно выделить: познавательное, преобразовательное, ценностно-ориентированное, коммуникативное. Иными словами, социально-психологическая дезадаптация охватывает познание, труд, общение, разрушает их и отрывает от мира. Нарушается процесс социализации детей, ее функциональной и содержательной сторон [9].

Социальная дезадаптация – многогранное явление, в основе которого лежат следующие факторы, выделенные Г. Ф. Кумариной:

1. Индивидуальные – действующие на уровне психофизиологических предпосылок, затрудняющие социальную адаптацию индивида: тяжелые или хронические соматические заболевания двигательной сферы, нарушение и (или) снижение функций сенсорных систем, несформированность высших психических функций, резидуально-органические поражения центральной нервной системы и т.д.;

2. Психолого-педагогические - проявляющиеся в дефектах семейного, школьного воспитания, которые выражаются в отсутствии индивидуального подхода к ребенку в воспитывающей среде, неадекватности предпринимаемых воспитательных мер, несправедливом, грубом, оскорбительном отношении воспитателя (учителя), занижении оценок, отказе от своевременной помощи при пропусках занятия, в непонимании душевного состояния ребенка;

3. Личностные – проявляющиеся в активно избирательном отношении индивида к предпочитаемой среде общения, к нормам и ценностям своего окружения;

4. Социальные – неблагоприятные материально-бытовые условия жизни, определяющиеся социальными и социально-экономическими условиями общества.

«Основу социальной дезадаптации составляет эмоциональная неустойчивость, слабая мотивационная направленность; своеобразные поведенческие реакции, которые проявляются в низком уровне самоконтроля поведения, наличии реакций ухода от конфликта» [6].

Таким образом, на сегодняшний день проблема дезадаптации несовершеннолетних является крайне важной для современного общества.

Основным институтом социализации является семья. Полноценное и благоприятное формирование психики ребенка – важная задача семьи. Она выполняется, когда ребенок воспитывается в любви и за-

боте близких людей. Однако не все родители стремятся оказать должное внимание своим детям. Если внутрисемейная обстановка сопровождается драками, ссорами, конфликтами и ложью, то это является источником потрясений, дезадаптации ребенка и в дальнейшем не лучшим образом может отразиться на его судьбе [4].

Трудности во взаимоотношениях с окружающими нередко являются результатом нарушений в развитии эмоциональной сферы детей. В последние годы появляется все больше детей с нарушением эмоционального развития, к которым относятся эмоциональная неустойчивость, враждебность, агрессивность, тревожность. В первую очередь источником нарушения психоэмоционального фона является неблагополучная среда, в которой воспитывается ребенок.

Проблема социально неблагополучных семей является достаточно актуальной. Причины появления данного феномена разнообразны, и какими бы они не были, основная проблема заключается в том, что это явление отрицательно воздействует на состоянии общества в целом. В неблагополучных семьях дети предоставлены сами себе, что порождает массу проблем в их поведении, развитии, образе жизни; приводит к нарушению ценностных ориентаций; ведет к психической травматизации, агрессивности, дисбалансу в сфере общения и т. д. [1].

К наиболее распространенным проблемам из социально неблагополучных семей можно отнести такие как: алкогольные семьи, конфликтные, семьи с наркотической зависимостью, криминальные, социально-аморальные семьи, неблагополучные и педагогически-несостоятельные семьи.

Все дети из вышеперечисленных неблагополучных семей отличаются нестабильностью психического состояния. У дошкольников и младших школьников более выражена задержка психического развития; у подростков преобладают остаточные явления раннего органического поражения мозга, которые выражаются в разнообразных психопатоподобных нарушениях поведения [3]. Для них характерны невротические реакции, неврозы, различные фобии, тревожность, нарушение сна, замкнутость, агрессивность, низкая самооценка, недоверие к окружающим.

Таким образом, возникает необходимость более раннего выявления неблагополучных семей, постановка их на учет, помещение несовершеннолетних в реабилитационные центры. Важна грамотная работа специалистов (психолога, социального работника, социального педагога, участкового терапевта, инспектора полиции, инспектора комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав и др.) [7].

Из-за нестабильного психического состояния детей из неблагополучных семей невозможно говорить о формировании у них социально одобряемого поведения и нравственных ценностей. Таким детям свойственно чувство тревоги, неуверенности, заниженная самооценка, у них отсутствует доверие к людям, что приводит в последующем к развитию дефектных личностей, склонных к противоправным деяниям. Прежде чем укрепить мотивацию ребенка к нормальной жизнедеятельности, следует добиться того, чтобы он мог себя ощутить в эмоциональной безопасности. Понимание своих эмоций и чувств также является важным моментом в становлении личности растущего человека. При нарушении психоэмоциональной сферы, развитие алекситимии, затруднено социальное развитие ребенка, его личностное становление – формирование самосознания, самооценки.

Учитывая все выше сказанные обстоятельства, в которых могут находиться несовершеннолетние дети и проблемы, с которыми они могут столкнуться, мы предлагаем следующую программу.

Коррекционно-развивающая программа рассчитана для работы с детьми в возрасте 10-12 лет и разработана в форме психологического тренинга.

В настоящее время выделяют два направления разработки игровых видов деятельности со специальной ролью обучения детей коррекции социальной дезадаптации – психотехнические игры, представляющие собой процедуры группового разучивания упражнений на развитие разнообразных психических функций и связанные с измененным состоянием сознания, а также социально-психологический ролевой тренинг.

Игры, включенные в тренинг, могут выступать в нескольких функциях, которые выделил В. В. Петрушинский со своими коллегами:

- 1) обучающая – развитие памяти, внимания, воспроизведения информации различной модальности; развитие навыков владения иностранными языками;
- 2) развлекательная – создание благоприятной атмосферы на занятиях, превращающей обучение из скучного мероприятия в увлекательное приключение;
- 3) коммуникативная – объединение коллективов учащихся, установление эмоциональных контактов;
- 4) релаксационная – снятие эмоционального напряжения;
- 5) психотехническая – формирование навыков подготовки своего физиологического состояния для более эффективной информации, перестройка психики для усвоения большего объема информации;

6) профилактическая – предупреждение нежелательных форм поведения;

7) развивающая – развитие различных сторон личности, черт характера, через проигрывание различных ситуаций.

Выполняя в воображаемой ситуации те или иные функции взрослого человека и сопоставляя их особенности с собственным реальным опытом, подросток, начинает различать внешние и внутренние стороны жизни взрослого и своей собственной жизни. Он открывает у себя наличие переживаний и начинает осмысленно ориентироваться в них, благодаря чему у него возникает новое отношение к самому себе. Эти переживания накапливаются, порождая эффекты общения, появляется своеобразная «логика чувств», неизбежно отражающаяся в логике поведения.

А. С. Прутченков называет XXI век эпохой коммуникативного «взрыва», интенсификации общения. Следовательно, нужны активные формы работы с подростками, такие, как творческие мастерские, дискуссионные клубы и социально-психологический тренинг [8].

Социально-психологический тренинг – психологическое воздействие, основанное на активных методах групповой работы. Это интенсивная подготовка личности к более активной и полноценной жизни. Это форма специально организованного общения, в ходе которого решаются вопросы развития личности, формирования коммуникативных навыков, оказания психологической помощи и поддержки, позволяющая снимать стереотипы и решать личностные проблемы участников, происходит смена внутренних установок, расширяются знания, появляется опыт позитивного отношения к себе и окружающим людям

По сути, тренинг – это форма специально организованного обучения для самосовершенствования личности, в ходе которого решаются следующие задачи:

- овладение социально-педагогическими знаниями;
- развитие способности познания себя и других;
- повышение представлений о собственной значимости;
- развитие различных способностей, навыков и умений.

Тренинг представляет собой ряд последовательных занятий с определенной группой. Специально для каждой группы ставятся задачи и подбираются упражнения. В тренинге можно использовать психологические игры на знакомство, на сплочение группы, упражнения-разминки, игры-разбивки, коммуникативные игры, традиции завершения групповой работы. К методам групповой работы относятся также дискуссия, «мозговой штурм», ролевые игры, групповые упражнения.

Групповая работа с учащимися имеет ряд преимуществ:

- дает возможность получения обратной связи и поддержки от людей, имеющих общие проблемы,
- в процессе взаимодействия члены группы могут облегчить разрешение межличностных конфликтов вне группы,
- в поддерживающей и контролирующей обстановке участники тренинга могут обучать новым умениям, экспериментировать с различными стилями отношений, среди равных партнеров.

Решение этих задач осуществляется в форме следующих этапов.

1 этап программы – набор группы и проведение диагностического обследования.

Карта наблюдения Стотта направлена на выявление степени и характера дезадаптации. Карта включает 16 симптомокомплексов – образцов поведения:

1. Недостаток доверия к новым вещам, людям, ситуациям;
2. Ослабленность (астения);
3. Уход в себя;
4. Тревога за «принятие» взрослыми и интерес с их стороны;
5. Неприятие взрослых;
6. Тревога за «принятие» детьми;
7. Асоциальность;
8. Конфликтность с детьми;
9. Неусидчивость или неугомонность;
10. Эмоциональное напряжение;
11. Невротические симптомы;
12. Неблагоприятные условия среды;
13. Умственное развитие;

14. Сексуальное развитие;
15. Болезни;
16. Физическое развитие.

Рисуночный тест Дж. Бука «Дом. Дерево. Человек». Эта методика позволяет выявить степень выраженности незащищенности, тревожности, недоверия к себе, чувства неполноценности, враждебности, конфликтности, трудности в общении, депрессивности, что может привести зависимому поведению.

2 этап – проведение тренинговых занятий. Тренинг рассматривается как способ формирования поддерживающей контролирующей среды, в которой возможна коррекция неверно сложившихся навыков, а также формирование новых навыков.

3 этап – заключительная диагностика и контроль полученных результатов. Перенос навыков учебной деятельности на реальную ситуацию ребенка производится за счет формирования у него мотива развития его личности, а затем подключения к нему цели успешной учебной деятельности.

Групповая работа с детьми может, сопровождаться параллельной работой с их родителями и учителями.

Программа состоит из 20 занятий, продолжительность занятий 1 час. Программа включает в себя: эмоционально-мотивационный и социально-нормативный блок. Каждый, из которого включает 10 занятий.

Эмоционально-мотивационный блок – задачи, которого заключаются в создании ситуации успешной деятельности, формировании условий для сплочения группы, обеспечении атмосферы эмоционального приятия, формировании адекватной, гибкой самооценки, развитии рефлексии, чувства ответственности.

Социально-нормативный блок – включает задачи направленные на формирование правил и норм поведения в группе, адекватное понимание социальных ролей в значимых ситуациях, повышение стрессоустойчивости при взаимодействии, развитие навык успешной коммуникации, а также развитие способности критически воспринимать внешнюю оценку.

Важно подчеркнуть, что значение тренингов в психотерапевтической и психокоррекционной работе неуклонно возрастает, поскольку он является наиболее удобной формой работы с дезадаптированными детьми. Социально-психологический тренинг оказывает положительное влияние на снижение уровня социальной дезадаптации.

Литература

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. Москва: Аспект Пресс, 2001. 290с.
2. Варламова А. Я. Школьная адаптация. Волгоград, 2005. – С.23-24.
3. Горева С. В., Бочарова Ю. Ю. Стратегия интенсивной реабилитации дезадаптированных подростков на базе социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы, 2004. № 3. 156 с.
4. Делейчук Л. Э., Берняева И. О. Неблагополучные семьи как источник социального сиротства и девиантного поведения детей (на примере Приморского края) // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2017/01/77046>
5. Журавлев Д. Адаптация учащихся при переходе из начальной в среднюю школу // Народное образование, 2002. № 8. С. 22–23.
6. Кумарина Г. Ф. Школьная дезадаптация // Психологическая наука и образование. 2001. № 4. С.18–24.
7. Менделевич В. Ю. Психология девиантного поведения: учебное пособие. Санкт-Петербург: Речь, 2005. С. 13.
8. Прутченков А. С. Социально- психологический тренинг в школе. Москва: ЭКСМО-Пресс, 2001. 638 с.
9. <https://psihomed.com/sotsialnaya-dezadaptatsiya/>

УДК 159.9

Манифестация синдрома зависимости от психоактивных веществ как кризисное состояние

М. М. Темиргалиева, Е. В. Конева, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению манифестации синдрома зависимости с точки зрения различных подходов, в том числе с позиций психологии жизненного кризиса. Сформулированы личностные факторы, включающие в себя смысложизненные ориентации, и дифференцирующие людей с различным уровнем выраженности аддиктивного поведения на их основании. Представленные результаты позволяют сделать выводы о том, что в группах людей с разными уровнем выраженности аддиктивного поведения можно выделить личностные типы, чья количественная представленность в группах и описание основаны на выделенных факторах «управляемость жизнью» и «использование других людей».

Ключевые слова: зависимость, аддиктивное поведения, аддиктивная личность, кризис, ценностные ориентации, типология

Современные исследования рассматривают проблему зависимости от психоактивных веществ в контексте разных областей гуманитарного знания: медицины, социологии, экономики, психологии, криминологии и т. д. В психологической науке активно изучаются такие понятия, как зависимая личность [1, 5], механизмы и структура аддиктивного поведения [12, 14], причины аддиктивного поведения [15], корреляты аддикций и различных психологических феноменов [3, 13], динамика личностных черт в структуре формирования зависимости [7].

На наш взгляд особый интерес представляет рассмотрение феномена зависимости от психоактивных веществ с разных сторон. Многие авторы рассматривают зависимость от психоактивных веществ как проявление аддиктивного поведения в контексте девиации [12]. Оно определяется как система поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе нормам и проявляющиеся в несбалансированности психических процессов, неадаптивности, нарушении процесса самоактуализации и уклонении от нравственного и эстетического контроля над собственным поведением.

Вместе с тем, аддиктивное поведение нередко рассматривают как симптоматическое проявление личностных особенностей или нарушений. Представители психодинамического направления отмечают, что для аддиктивной личности характерен специфический уровень личностной организации – пограничный, а так же выражены нарциссические особенности [15]. Другие исследования фокусируются на таких свойствах, как выбор ухода от проблем как ведущей жизненной стратегии, дисгармонию в системе социальных ролей [5], гедонистической направленности личности [1, 14].

Некоторые авторы пытаются рассматривать проблему аддиктивного поведения в экзистенциальном ключе [4]. Ю. А. Киселев пишет, что «Пространство психического неравновесия является наиболее подходящей средой для возникновения психических новообразований в структуре личности и несет в себе потенциальную возможность позитивной психологической трансформации личности» [11]. Отдельно следует отметить значимость работы с личностной проблематикой в контексте жизненного пути – например, Л. А. Длужневская (Коновалова) пишет о том, что «представление о жизненном пути является определяющим... в выработке ценностных и смысловых структур, определяющих направленность личности...» [8].

Необходимо отметить, что значимой частью жизненного пути является личностный кризис или определенное состояние, переживаемое как кризисной. Л. Г. Жедунова [9] выделяет такие признаки кризиса как прерывание текущей жизнедеятельности, проявляющееся в трудностях функционирования целостного психического образа реальности; сукцессивный характер этого образа в противовес симультанному; необходимость решать задачи, связанные с творческим приспособлением к изменившимся условиям существования. В то же время, необходимо отметить, что кризисное состояние, связанное с манифестацией синдрома зависимости от ПАВ, вероятно, носит отличный от нормативного или конструктивного личностного кризиса [12]

Соответственно, ввиду того, что зависимость от ПАВ поражает все подструктуры личности и ее жизнедеятельности, рассмотрение ее на различных уровнях – в том числе и на уровне глубинных смысловых структур – является необходимым для целостного осмысления данной проблематики.

Таким образом, является актуальным рассмотрение проблемы зависимости как кризисного состояния с целью повышения уровня разработанности конструкта и создания практических рекомендаций на этой основе.

Целью нашего исследования является описания различий в ценностно-мотивационной сфере личности в группах с различным уровнем употребления психоактивных веществ.

Предметом исследования является различная представленность определенных психологических характеристик ценностно-мотивационной сферы в группах людей, обладающих различным уровнем употребления психоактивных веществ

Объектом исследования является ценностно-мотивационная сфера людей с различным уровнем употребления психоактивных веществ. В исследовании приняли участие 201 человек (118 женщин и 83 мужчины) в возрасте от 18 до 52 лет. Все испытуемые были разделены на 3 группы:

1. Группа «Практически не употребляют ПАВ» – 74 человека, 47 женщин и 27 мужчин, в возрасте от 19 до 41 года (критерий отбора – употребление ПАВ 1 раз в месяц и реже, отсутствие диагноза «Синдром зависимости»);
2. Группа «Регулярно употребляют ПАВ» – 52 человека, 30 женщин и 22 мужчины, в возрасте от 22 до 52 лет (критерий отбора – употребление ПАВ 2 раза в месяц и чаще, отсутствие диагноза «Синдром зависимости»)
3. Группа «Синдром зависимости» – 41 человек, 24 женщины и 17 мужчин, в возрасте от 22 до 52 лет (критерий отбора – регулярное употребление ПАВ от 1 раза в неделю и чаще, наличие диагноза «Синдром зависимости», до прохождения реабилитации). ПАВ не дифференцировались (алкоголь и различные наркотические вещества).
4. Группа «Ремиссия» – 34 человека, 20 женщин и 14 мужчин, в возрасте от 25 до 43 лет (критерий отбора – полный отказ от ПАВ, наличие диагноза «Синдром зависимости», подтвержденная трезвость после прохождения реабилитации от 1 года). ПАВ не дифференцировались (алкоголь и различные наркотические вещества).

Анализ литературы по данной проблеме и практических аспектов работы с зависимыми от ПАВ пациентами позволил нам выделить следующие предполагаемые психологические детерминанты аддиктивного поведения, связанные с ценностной позицией человека по отношению к миру и другим людям:

1. Тип личностной идентичности («Методика изучения личностной идентичности» (Л. Б. Шнайдер)).
2. Ценности («Ценностные ориентации» (М. Рокич)).
3. Смыслжизненные ориентации («Тест смыслжизненных ориентаций» (Д. А. Леонтьев)).
4. Способ реагирования на ситуацию фрустрации («Методика изучения фрустрационных реакций Розенцвейга»).
5. Копинг-стратегии («Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус)).
6. Нарциссические черты личности («Опросник патологического нарциссизма» (PNI)).
7. Особенности ментализации. (эмоциональная восприимчивость и когнитивная способность представлять психическое состояние самого себя и других людей, «Опросник ментализации» (MZQ)).

Основная гипотеза исследования: существует система личностных характеристик, основывающаяся на ценностной позиции человека по отношению к миру и другим людям, которая является связанной с уровнем выраженности аддиктивного поведения.

Обработка результатов. Полученные нами результаты были обработаны при помощи методов математической статистики: факторный анализ данных методом главных компонент с последующим ортогональным вращением по методу Варимакс, кластерный анализ.

Нами была предпринята попытка выделения системы личностных характеристик, которые связаны друг с другом и с изменением уровня выраженности проявлений аддикции, с применением факторного анализа методом главных компонент. Описываемые ниже факторы были выделены на основании данных, полученных во всей выборке.

Далее были выделены 2 фактора. Первый фактор включает в себя с положительной нагрузкой все аспекты смыслжизненных ориентаций («Локус контроля Я», «Локус контроля Жизнь», «Цели, «Результат», «Процесс»), общий уровень нарциссизма и самодостаточность, потребность в поддержании авторитета, демонстративность, ощущение превосходства над другими, необходимо упорствующие реакции

(NP), интрапунитивные в целом (I), интрапунитивные (i) и импунитивные (m), необходимо-упорствующие, такие копинг-стратегии, как позитивная переоценка, планирование решения проблемы, уровень личностной идентичности; с отрицательной нагрузкой – уровень базового недоверия, уровень нерегуляции аффекта, неспособность распознавать эмоции, трудности самоосознания, такие копинг-стратегии, как принятие ответственности, бегство-избегание, экстрапунитивные реакции на фрустрацию (E) в целом и самозащитные (ED), возраст. На основании показателей и их факторной нагрузки можно говорить о том, что данный фактор характеризует то, насколько субъект адаптируется к жизни, его активную позицию, ориентацию на действия, ощущение управляемости жизнью, оптимистичность, самоуверенность, готовность к преодолению трудностей. В рамках данной работы мы решили назвать его «Управляемость жизнью».

Описание второго фактора имеет свою специфику ввиду того, что в его состав входят обратные шкалы (шкалы ценностей), поэтому мы решили привести названия этих шкал с приставкой «не», которая будет обозначать обратное значение. Второй фактор включает в себя с положительной нагрузкой «неальтруистические» ценности, ценности нонконформизма, ценности неприятия других, ценности «необщения», экстрапунитивные самозащитные (E) и экстрапунитивные в целом (E) реакции на фрустрацию, общий уровень нарциссизма, потребность в поддержании авторитета, ощущение избранности, манипулятивность; с отрицательной нагрузкой «неиндивидуалистические» ценности, ценности «не-самоутверждения», ценности «не-дела», интропунитивные и импунитивные реакции на фрустрацию в целом, импунитивные необходимо-упорствующие (m) и интропунитивные самозащитные (I). Таким образом, можно говорить о том, что данный фактор характеризует черствость по отношению к другим людям и безразличие, тенденцию к отреагированию эмоционального напряжения вовне и внешнеобвиняющим реакциям вообще, ориентацию на самозащиту и самоутверждение, потребность в контроле и власти над другими, манипулирование и желание не зависеть от других. В рамках исследования мы решили назвать его «Использование других людей».

Как мы можем увидеть, некоторые показатели включены в структуру как первого, так и второго фактора. Соответственно, у них имеются определенные области пересечения содержания, но с разными смысловыми оттенками и взаимосвязями. Это касается нарциссических тенденций, которые входят в поле обоих факторов, и реакций на фрустрацию, но с разными полюсами – «Управляемость жизни» положительно связана с реакциями, ориентированными на решение ситуации и принятие ответственности, а «Поддержание жизнедеятельности за счет других» положительно связано с реакциями, направленными на самозащиту и отреагирование напряжения вовне.

Далее при помощи процедуры кластерного анализа нами были выделены типы, которые дифференцируются на основании выраженности обоих факторов. Значимость полученных результатов обеспечивается значениями критерия хи-квадрат.

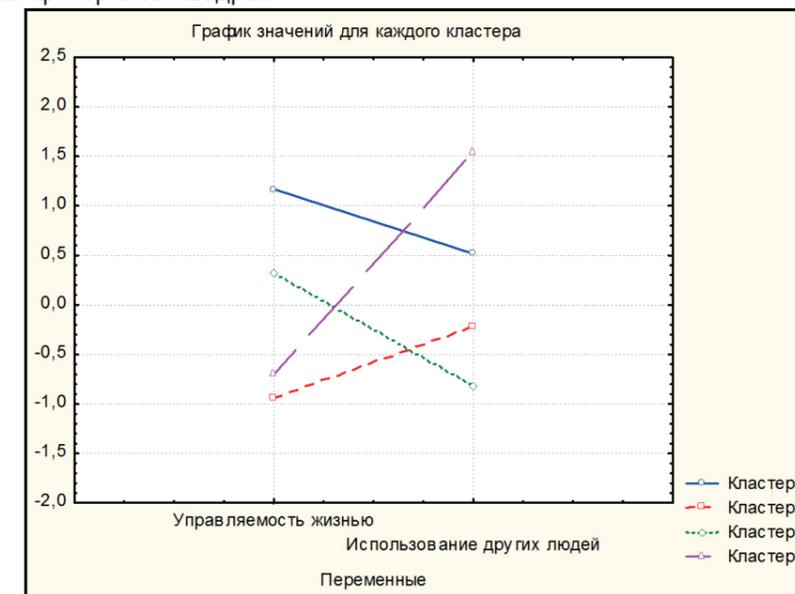

Рис. 1. Графическое отображение результатов кластерного анализа»

Таблица 1

Значения критерия хи-квадрат для результатов кластерного анализа

	Хи-вадрат	df	p
Хи-квадрат Пирсона	47,99701	df=9	p=,00000
Хи-квадрат M-L	46,96486	df=9	p=,00000

Нами были получены 4 типа на основании выделенных факторов, к которым относятся представители внутри групп нашей выборки.

- 1 тип. Высокий уровень фактора «Управляемость жизнью» и выше среднего «Использование других людей». Данному типу можно присвоить условное название «Адаптивность за счет других».
- 2 тип. Очень низкий уровень фактора «Управляемость жизнью» и ниже среднего «Использование других людей». Данному типу можно присвоить условное название «Пассивность».
- 3 тип. Выше среднего уровень фактора «Управляемость жизнью» и очень низкий уровень фактора «Использование других людей». Данному типу можно присвоить название «Умеренная адаптивность».
- 4 тип. Очень низкий уровень фактора «Управляемость жизнью» и очень высокий уровень фактора «Использование других людей». Данному типу можно присвоить название «Негативистичная неадаптивность».

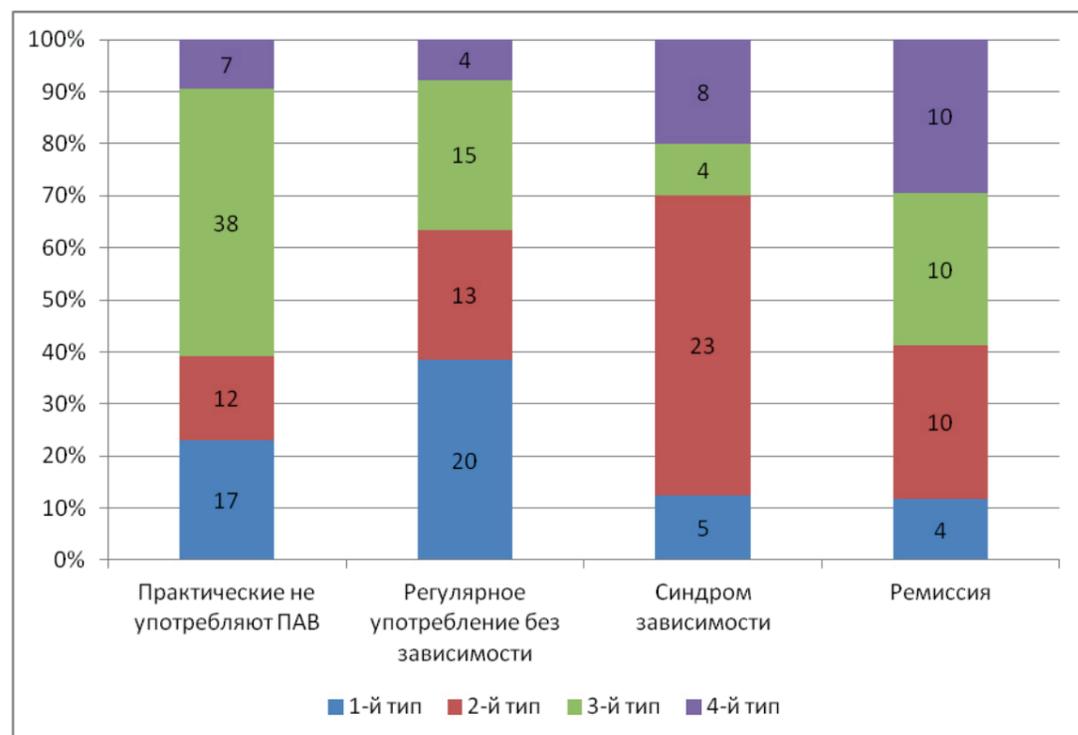

Рис. 2. Распределение типов внутри групп выборки

Мы можем увидеть, что 50% группы с низкой выраженностью аддиктивного поведения («Практически не употребляют ПАВ») составляют люди типа «Адаптивность за счет других», «Умеренная адаптивность» и «Пассивность» – по 20%, а «Негативистичная неадаптивность» – около 10%. В группе «Регулярно употребляют ПАВ», по сравнению с группой «Практически не употребляют ПАВ», увеличивается процентная выраженность представителей типа «Адаптивность за счет других» в 2 раза (40% вместо 20%), а процент представителей типа «Умеренная адаптивность» уменьшается в 2 раза (25% вместо 50%). В группе «Синдром зависимости» более 50% составляют представители типа «Пассивность», 20% – представители типа «Негативистичная неадаптивность», остальное распределяется между типами «Адаптивность за счет других» и «Умеренная адаптивность». В группе «Ремиссия» около 30% за-

нимают представители типов «Негативистичная неадаптивность», «Умеренная адаптивность» и «Пассивность», примерно 10% – «Адаптивность за счет других».

Интерпретация полученных результатов. Таким образом, можно увидеть, что в группе «Практически не употребляют ПАВ» отмечается наиболее высокий уровень адаптивности – ощущение уверенности в своих силах и способностях к преодолению жизненных трудностей. При этом в круг людей с данным уровнем адаптивности входят как люди, которых устраивает удовлетворенность жизнью выше среднего, при этом они не прибегают к использованию других людей, так и те, для кого значим высокий уровень адаптации к жизни без разборчивости в средствах ее достижения.

В группе «Регулярно употребляют ПАВ» с увеличением выраженности аддиктивного поведения мы видим иные результаты по сравнению с группой «Практически не употребляют ПАВ»: некоторый процент от числа «умеренно адаптивных» замещается теми, кто «экспансивно адаптируется за счет других». Вызывает затруднение однозначная интерпретация характера этой связи: погоня за успехом и безразличие к другим вызывают увеличение выраженности аддиктивности, или имеет место обратный процесс, когда увеличение выраженности аддиктивности обуславливает усиление погони за успехом и степень безразличия к другим людям. Однозначно мы не можем описывать полученные данные как динамический процесс, поскольку они не являются результатами лонгитюдного наблюдения за развивающимися тенденциями в одной и той же выборке. В то же время, результаты нашего исследования могут давать некоторое представление о тех тенденциях, которые актуальны и связаны с увеличением выраженности аддиктивного поведения.

В группе «Синдром зависимости» мала доля людей с адаптивным поведением любого вида и высока доля людей, чей уровень жизнедеятельности и активности находится в «потухшем» состоянии, что может быть связано с кульминацией кризиса зависимости от ПАВ. Причем он имеет все перечисленные выше признаки кризиса, такие как, изменение сложившегося образа и стиля жизнедеятельности, расщепленный образ себя в мире и расщепленность линии жизни, необходимость приспособливаться к внезапным изменениям (в том числе и невозможность контролируемого употребления ПАВ в сочетании с конструктивной жизнедеятельности).

Далее в группе «Ремиссия» мы можем увидеть возможное отражение результатов прохождения данного кризиса. По сравнению с группами «Регулярно употребляют ПАВ» и «Практически не употребляют ПАВ» то есть с людьми, которые не сталкивались с описываемым кризисом, в группах «Синдром зависимости от ПАВ» и «Ремиссия» в несколько раз (в 2 и в 3 раза) меньше доля самоуверенных людей, культивирующих успешность любой ценой. Эта особенность в других исследованиях [2] описана как определенный личностный симптомокомплекс (нарциссические черты, ценность индивидуальности, потребность в самоутверждении, экстрапунитивные реакции). Вероятно, прожитый кризис способствует редукции этой тенденции, и отличается (по сравнению с группами «до кризиса») типологическая принадлежность (в соответствии с описываемой системой личностных характеристик) людей, обладающих данной тенденцией. Определенный процент зависимых сохраняет направленность «против людей», но она перестает быть адаптивной и приводит к удовлетворенности жизнью, часть зависимых, как в кризисе, связанном с манифестацией зависимости от ПАВ, остается в состоянии пассивности, часть зависимых вырабатывают стратегии конструктивной и умеренной адаптации с новыми для них ценностями. Возможно, при исследовании в дальнейшем данной группы испытуемых имеет смысл делить ее на подгруппы в соответствии с выраженным типом.

Выводы по результатам проведенного исследования.

1. В группах людей с разным уровнем выраженности аддиктивного поведения преобладают различные личностные типы на основании выделенных факторов «Управляемость жизни» и «Использование других людей».

2. Увеличение выраженности аддиктивного поведения связано с замещением определенной части «умеренно адаптивных» теми, кто «настойчиво адаптируется за счет других». Редукция аддиктивного поведения связана с редукцией тенденции к «адаптации за счет других людей» и переходу представителей данного типа к другим типологическим принадлежностям. Часть субъектов сохраняет ориентацию «против людей», но она перестает быть адаптивной и приносит удовлетворенность жизнью, часть субъектов остается в состоянии пассивности, как в кризисе, связанном с манифестацией зависимости от ПАВ, часть субъектов вырабатывают стратегии умеренной адаптации с новыми для них ценностями.

3. Наличие выраженных различий в смысловых личностных структурах позволяет предположить трансформационный механизм наступления изменений в данных структурах, связанных как с увеличением уровня выраженности аддиктивных тенденций, так и с их редукцией на фоне реабилитационных мероприятий.

Полученные нами результаты могут учитываться как при построении психокоррекционной работы в амбулаторных и стационарных условиях, при прохождении реабилитации [6]. А так же при консультативной работе при наличии как активной зависимости в настоящем времени, так и соответствующего состояния прошлом – ввиду значимости предъявляемого личностного контекста в консультировании [10].

Литература

1. Айвазова А.Е. Психологические аспекты зависимости. Санкт-Петербург: Речь, 2003. 120 с.
2. Балабанова Е. С. Теории «зависимой личности»: возможности социологической интерпретации // Личность. Культура. Общество, 2005. Т. 7. Вып. 4 (28). С. 94–103.
3. Березин С. В., Лисецкий К. С., Назаров Е. А. Психология наркотической зависимости и созависимости. Москва: МПА, 2001. 192 с.
4. Братусь Б. С. Аномалии личности. Москва: Мысль, 1988. 301 с.
5. Валентик Ю. В. Психогенетическая модель личности пациента с зависимостью от ПАВ // Наркология, 2002, № 9.
6. Волков А. В., Шмелев А. Г., Комаров А. А., Темиргалиева М. М., Зеркалина Е. И. Интегративный подход как основа стационарной реабилитации в наркологии: опыт Ярославской области // Вопросы наркологии, 2017. №10 (158). С. 32–52.
7. Даулинг С. Психология и лечение зависимого поведения. Москва: Класс, 2000. 240 с.
8. Длужневская (Коновалова) Л. А., Длужневский И. Г. Трансформация репрезентации жизненного пути личности в интерсубъективном поле сказкотерапии // Педагогика и психология современного образования: теория и практика. Материалы научно-практической конференции. Ярославль, 2020. С. 180–185.
9. Жедунова Л. Г. Психология личностного кризиса ... дисс. д. пс. н. Ярославль, 2010. 335 с.
10. Коновалова Л. А. Перцептивные механизмы затрудненного взаимодействия в психологическом консультировании ... автореферат дисс. к. пс. н. Кострома, 2006. 26 с.
11. Киселев Ю. А. Психодуховный кризис личности как психосоциальное явление ... автореферат дисс. к. пс. н. Ярославль, 2005. 14 с.
12. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения: учебное пособие. Санкт-Петербург: Речь, 2005. 445 с.
13. Мехтиханова Н. Н. Психология зависимого поведения: учеб. пособие. Москва: Флинта, 2014. 180 с.
14. Четвериков Д. В. Психологические механизмы и структура аддиктивного поведения ... автореферат дисс. д. пс. н. Новосибирск, 2002. 24 с.
15. Volcan K. Dancing among the Maenads. Switzerland: Peter Lang Press, 1994.

УДК 159.99

Влияние когнитивной нагрузки на бессознательные процессы в принятии решений

Н. Ю. Акатова, С. Ю. Коровкин, г. Ярославль, Российская Федерация

Исследование выполнено в рамках Программы развития ЯрГУ, номер проекта P2-GL2-2022

Аннотация. Большинство работ, посвященных проблеме соотношения работы сознательных и бессознательных процессов в принятии решений и решении задач, строят свои выводы на основе результатов нагрузки или подавления осознаваемых процессов. Для более обоснованного доказательства влияния неосознаваемых процессов на принятие решений необходима также и блокировка или нагрузка неосознаваемых процессов. В рамках данной работы была предложена и проверена возможная методика подавления работы бессознательных процессов принятия решения путем их нагрузки. Проведено теоретическое и экспериментальное исследование, направленное на изучение влияния степени когнитивной нагрузки неосознаваемых процессов на принятие решений. Проведенные исследования, к сожалению, не позволяют говорить об успешности разработки такой методики. Однако на основании проведенных в данной работе экспериментов, мы можем предположить дальнейшие пути развития данной проблемы.

Ключевые слова: принятие решений, когнитивная нагрузка, мышление, бессознательные процессы.

Введение. Важность неосознаваемых процессов в принятии решений и решении задач была замечена достаточно давно. На данный момент не существует общей единой модели бессознательной переработки информации при принятии решений и решении задач. На основе теоретического анализа мы выделили три основные теории, которые описывают возможное функционирование бессознательных процессов в принятии решения: теория когнитивного бессознательного В. М. Аллахвердова [2], теория бессознательного мышления А. Дейкстерхейса [10] и теория двух систем мышления Д. Канемана [4, 11].

Первые из названных теорий исходят из того, что сознание имеет ограниченный ресурс, в то время как бессознательное практически ничем не ограничено. Теория В. М. Аллахвердова [2] заключается в том, что безошибочные решения принимаются благодаря неограниченным возможностям бессознательных когнитивных процессов, а ошибки всегда являются следствием вмешательства сознания. По мнению А. Дейкстерхейса [10], две системы, сознательная и бессознательная работают вместе, и рациональность принятия решений зависит от обеих систем, а в некоторых задачах даже превалирует рациональность бессознательных процессов. В то же время обе теории имеют слабую экспериментальную доказанность и малую воспроизводимость [8, 14].

Для нашего исследования мы выбрали теорию Д. Канемана [4] как наиболее популярную и подтвержденную модель, согласно которой две системы конкурируют за ограниченный когнитивный ресурс. Согласно данной теории, человек обладает ограниченным ресурсом внимания, который он тратит на решение разнообразных задач. При условии одновременного воздействия нескольких задач, данный ресурс может распределяться между разнообразными заданиями, с которыми человек сталкивается. Развивая данную теорию, мы предполагаем, что работа сознательных и бессознательных процессов построена по схожему принципу, а именно, при нагрузке бессознательных процессов, эффективность сознательных (рациональных) процессов будет выше. Данная модель предполагает, что при нагрузке одной из систем, в нашем случае при нагрузке бессознательных когнитивных процессов (Системы 1 по Д. Канеману), вторая система получит больший объем ресурсов.

Несмотря на то, что существуют методики, осуществляющие нагрузку на сознательные процессы переработки информации [3, 5, 6, 12, 16-17], до сих пор существует крайне мало исследований, которые осуществляют нагрузку на бессознательные процессы и показывают наличие конкуренции внутри бессознательных процессов за единый ресурс. Идея данного исследования состоит в том, что при принятии решения существует выбор между решениями бессознательной и сознательной систем переработки информации. В случае если доступ к бессознательной системе усложнен в связи с её перегрузкой, решение должно приниматься на основе доступной сознательной системы.

Оперируя терминами, предложенными Д. Канеманом, при принятии решения существует выбор между решениями Системы 1 и Системы 2. В случае если доступ к Системе 1 усложнен в связи с ее перегрузкой, решение должно приниматься на основе доступной Системы 2.

Методика. Для исследования степени когнитивной нагрузки на принятие решений нами были выбраны эвристические задачи, так как каждая из них, согласно Д. Канеману [11], имеет автоматическое (Система 1) и рациональное (Система 2) решение, что позволяет нам определить с помощью каких процессов (бессознательных или сознательных) была решена данная задача.

Для управления степенью когнитивной нагрузки нами были использованы три условия, в которых были представлены выбранные нами задачи.

– Условие нагрузки бессознательных процессов, а, конкретнее, семантических процессов, осуществлялось с помощью подпорогового предъявления слов. Предполагалось, что бессознательное прочтение слов будет активировать семантическую сеть, что нагрузит бессознательные семантические процессы.

– Условие нагрузки внимания являлось одним из контрольных условий. Оно заключалось в подпороговом предъявлении неслов. Данное условие было необходимо для проверки эффективности нагрузки бессознательных процессов.

– Контрольное условие. Данное условие не содержало в себе никаких других дополнительных заданий кроме решения самой задачи на принятие решения в условиях риска и неопределенности.

Таким образом, целью данной работы является исследование влияния степени когнитивной нагрузки бессознательных процессов на принятие решений.

Общая гипотеза исследования: когнитивная нагрузка бессознательных процессов повышает эффективность работы процессов сознания.

Исследовательские гипотезы:

1. При нагрузке на бессознательные процессы, задания на принятие решения в условиях риска и неопределенности решаются рациональнее по сравнению с контрольным условием.

2. При нагрузке внимания решение заданий на принятие решения в условиях риска и неопределенности происходит менее рационально по сравнению с контрольным условием.

Общая организация исследования. В рамках нашего экспериментального исследования было проведено 3 эксперимента, посвященных исследованию нагрузке бессознательных семантических процессов и влиянию этой нагрузки на принятие решений. Для этого нами были выбраны задания на принятие решения в условиях риска и неопределенности. Задачи были представлены в трех условиях: в условии нагрузки бессознательных семантических процессов, в условии нагрузки внимания и в контрольном условии без нагрузки.

Эксперимент проводился с использованием скриптов, написанных в PsychoPy3 v. 2022.1.2 [15], на компьютере с диагональю экрана 14».

Эксперимент 1

Выборка

В первой серии экспериментального исследования приняли участие 40 человек в возрасте от 18 до 22 лет ($M=19,58$; $SD=1,3$), из которых 7 юношей и 33 девушки. Каждому испытуемому предлагалось решить 15 эвристических задач. Из выборки были исключены нерешенные задачи, а также нестандартные решения задач, которые нельзя однозначно определить как решения с помощью Системы 1 или Системы 2. В итоге, у каждого испытуемого анализировались 80–100% задач.

Стимульный материал

В качестве материала для изучения принятия решений нами были выбраны 15 задач на принятие решений в условиях риска и неопределенности (приложение 1) из предложенных Д. Канеманом [11]. Их особенность заключается в том, что у них условно есть два решения, одно из которых является автоматическим, то есть принятие решения происходит с помощью Системы 1, а второе – рациональное, за которое отвечает Система 2.

Для контроля эффективности сублиминального предъявления в конце эксперимента испытуемым задавался вопрос «Видели ли Вы эти слова?» и был предложен ряд из 14 слов [1], половина из которых предъявлялась испытуемому сублиминально в ходе эксперимента, а половина – филлеры (слова, не предъявлявшиеся в ходе эксперимента).

Процедура

Испытуемым необходимо было решить 15 эвристических задач, предъявленных в трех условиях:

– в контрольном. В этом условии испытуемые решали задачи без подпорогового предъявления слов или неслов.

– в условии нагрузки бессознательных семантических процессов. Это условие представляло собой подпороговое предъявление слов, которые предъявлялись поочередно со скоростью раз в примерно 2 секунды на 100 мс в случайном порядке на периферии экрана.

– в условии нагрузки внимания. В данном условии подпороговое предъявление представляло собой аналогичное предъявление неслов.

Для контроля подпорогового предъявления каждому испытуемому в конце эксперимента в случайном порядке предлагались 14 слов (половина которых предъявлялись подпорогово на протяжении эксперимента, половина являлась контрольными словами, то есть филлерами) [подробнее см. 1].

Результаты эксперимента 1

Задачи, используемые нами как основное задание, согласно Д. Канеману, имеют два решения, одно из которых является автоматическим бессознательным решением, которое обнаруживается с помощью Системы 1, а другое решение, рациональное, сознательное, обнаруживается с помощью Системы 2. Исходя из этого, нами учитывались какой Системе принадлежат ответы испытуемых. Оценка отношения шансов (Odds ratio) между условием предъявления слов и контрольным условием по четырем группам задач, в которых результатом являлся тип решения, характерный одной из систем не показала значимых отличий ($OR=1.0294$, $p=.918$).

Отношение шансов принять решение на основе систем 1 и 2 значительно не изменялось ни при сравнении условий предъявления слов и неслов ($OR=0.9453$, $p=.844$), ни при сравнении условий с предъявлением неслов и контрольном условии ($OR=1.0890$, $p=.763$).

В одной из групп задач (второй группе (см. приложение 1)), использовалось значение отклонения от исходного числа, указанного в задаче. Для анализа использовался однофакторный дисперсионный анализ, который не показал значимых отклонений от исходных чисел задач между задачами, представленными в разных условиях, $F(2, 99)=2.380$, $p=.098$, $\eta^2=.046$.

Правильность выполнения задания на контроль сублиминального предъявления ($t=-1.079$, $p=.284$, $\eta^2=-.32$) не показывает отличий между словами, которые подпорогово предъявлялись во время эксперимента, и словами филлерами, которые являлись контрольными, что говорит о том, что слова не осознавались.

Обсуждение результатов эксперимента 1

Мы не получили значимых результатов при сравнении полученных данных в разных условиях: в условии предъявления слов (семантической нагрузки бессознательных процессов), в условии предъявления неслов (нагрузке внимания) и условии без предъявления (контрольном). Поэтому для дальнейших экспериментов мы проанализировали каждую конкретную задачу в процентном соотношении типов решений в трех экспериментальных условиях. Обнаружив в результате схожий с ожидаемым нами паттерн, мы предположили, что данную задачу (Если 5 машин за пять минут делают 5 деталей, то, за какое время 100 машин сделают 100 деталей?) выделяет из всех остальных меньшее количество шагов решения. Нами было принято решение для следующего экспериментального материала использовать новый набор задач, который будет состоять из заданий, с меньшим количеством шагов, необходимых для выполнения для нахождения решения.

Эксперимент 2

Выборка

Во втором эксперименте приняли участие 19 человек в возрасте от 20 до 22 лет ($M=20,58$; $SD=0,7$), из которых 1 юноша и 18 девушек. Каждому испытуемому предлагалось решить 12 новых измененных заданий на принятие решения в условиях риска и неопределенности. Из выборки были исключены нерешенные задачи, а также нестандартные решения задач, которые нельзя однозначно определить как решения с помощью Системы 1 или Системы 2. В итоге, у каждого испытуемого анализировались 90–100% задач.

Стимульный материал

В качестве материала для изучения принятия решений мы изменили материал прошлой серии, изменили некоторые задачи и сформулировали новые. В итоге у нас получился новый стимульный материал, состоящий из 12 задач (Приложение 2), сформированных по принципу задач, предложенных Д. Канеманом [4] для описания работы его теории о двух системах. Особенность новых задач также заключалась в том, что у них условно есть два решения, одно из которых является автоматическим,

то есть принятие решения происходит с помощью Системы 1, а второе – рациональное, за которое отвечает Система 2, но при этом задачи данной серии были легче, так как, проанализировав результаты прошлой серии, мы пришли к выводу, что задачи должны содержать меньше шагов решения.

Процедура

Испытуемым предлагалось решить 12 новых задач, некоторые из которых были модифицированными задачами из первой серии. Цель данной серии состояла в проверке новых задач. Задачи так же, как и в прошлой серии, были предъявлены в трех условиях:

– в контрольном. В этом условии испытуемые решали задачи без подпорогового предъявления слов или не слов

– в условии нагрузки бессознательных семантических процессов. Это условие представляло собой подпороговое предъявление слов, которые предъявлялись поочередно со скоростью раз в примерно 2 секунды на 100 мс в случайном порядке на периферии экрана.

– в условии нагрузки внимания. В данном условии подпороговое предъявление представляло собой аналогичное с предъявлением слов, предъявление несуществующих слов.

Результаты эксперимента 2

В данном эксперименте анализировались результаты выбранного типа решения, соответствующего одной из систем, а также анализировалось время решения задач. Из-за особенностей задач, составляющих группы 3 и 4, мы анализировали только время их решения. Проанализированные с помощью однофакторного дисперсионного анализа результаты времени решения 1 группы задач (Приложение 2) ($F(2, 36)=3.212, p=.052, \eta^2=.151$), 2 группы ($F(2, 36)=0.631, p=.538, \eta^2=.034$), группы 3 ($F(2, 36)=1.740, p=.190, \eta^2=.088$) и 4 ($F(2, 36)=0.046, p=.955, \eta^2=.003$) не показали значимых отличий во времени решения задач в разных экспериментальных условиях.

Отношение шансов принять решение на основе систем 1 и 2 в 1 группе задач значимо не изменялось ни при сравнении условий предъявления слов и неслов ($OR=1.25, p=.755$), ни при сравнении условий с предъявлением неслов и контрольном условии ($OR=1.1429, p=.849$), ни при сравнении между условием предъявления слов и контрольным условием ($OR=1.4286, p=.601$).

Отношение шансов принять решение на основе систем 1 и 2 во 2 группе задач значимо не изменялось ни при сравнении условий предъявления слов и неслов ($OR=1.9048, p=.33$), ни при сравнении условий с предъявлением неслов и контрольном условии ($OR=0.6545, p=.517$), ни при сравнении между условием предъявления слов и контрольным условием ($OR=1.2468, p=.740$).

Обсуждение результатов эксперимента 2

Цель данного эксперимента состояла в проверке нового, разработанного нами набора задач. Анализируя результаты, мы можем говорить, что мы не получили значимых различий ни в типе решения новых задач, ни во времени решения, между разными условиями предъявления: условием предъявления слов (семантической нагрузки бессознательных процессов), условием предъявления не слов (нагрузке внимания) и условием без предъявления (контрольном). Проанализировав полученные результаты, мы предположили, что, увеличив скорость предъявления, эффект нагрузки сможет усилиться и он будет в большей степени заметен в результатах. Также мы предположили, что для проверки бессознательной семантической переработки слов мы можем использовать задание с лексическим выбором.

Эксперимент 3

Выборка

В первой серии экспериментального исследования приняли участие 34 человека в возрасте от 18 до 21 года ($M=19,15; SD=1,02$), из которых 2 юноши и 32 девушки. Каждому испытуемому предлагалось решить 12 новых измененных заданий на принятие решения в условиях риска и неопределенности. Из выборки были исключены нерешенные задачи, а также нестандартные решения задач, которые нельзя однозначно определить как решения с помощью Системы 1 или Системы 2. В итоге, у каждого испытуемого анализировались 85–100% задач.

Стимульный материал

В качестве материала для изучения принятия решений мы использовали набор задач из эксперимента 2.

Для проверки бессознательной семантической переработки подпорогового предъявленных слов использовалось контрольное задание лексического выбора в конце каждого эксперимента. Каждому испытуемому предлагались 60 слов и неслов, сформированных из 4 групп [1]:

– Слова, которые предъявлялись в ходе эксперимента;

– Слова, которые не предъявлялись в ходе эксперимента (контрольные);

– Неслова, которые предъявлялись в ходе эксперимента;

– Неслова, которые не предъявлялись в ходе эксперимента (контрольные).

Здесь анализировалась скорость принятия решения относительно того, слово изображено на экране или нет. Предполагалось, что скорость выбора зависит от знакомости слова. Если слово (или не слово) являлось бессознательно переработанным, значит, скорость его обработки должна быть ниже, чем у слова (или не слова), с которым человек не встречался в ближайшем прошлом [7,9,13].

Процедура

Испытуемым предлагалось решить 12 новых задач (Приложение 2), некоторые из которых были модифицированными задачами из первой серии. Задачи были предъявлены в трех условиях:

– в контрольном. В этом условии испытуемые решали задачи без подпорогового предъявления слов или не слов

– в условии нагрузки бессознательных семантических процессов. Это условие представляло собой подпороговое предъявление слов, которые предъявлялись поочередно со скоростью раз в примерно 1 секунду на 6 фреймов в случайном порядке на периферии экрана.

– в условии нагрузки внимания. В данном условии подпороговое предъявление представляло собой аналогичное с предъявлением слов, предъявление несуществующих слов.

В конце эксперимента каждому испытуемому вместо проверки сублиминального предъявления предлагалось задание на лексический выбор. Испытуемым было необходимо выбрать представлено ли на экране слово или не слово, нажимая стрелку влево, если на экране появлялось не слово и вправо, если на экране было слово. Материалом являлись ранее подпорогово предъявляемые слова, ранее подпорогово предъявляемые не слова, контрольные слова и контрольные не слова. Время на принятие решения было ограничено тремя секундами.

Результаты эксперимента 3

В данном эксперименте мы сравнивали время решения задач в каждой из групп между тремя условиями. Для оценки значимости результатов использовался t-критерий Стьюдента для связанных выборок. Анализ результатов не показал значимых различий во времени решения задач между экспериментальными условиями в каждой из групп.

Для статистического анализа результатов контроля неосознаваемой семантической переработки информации с помощью лексического выбора использовался дисперсионный анализ для связанных выборок с post hoc сравнениями по методу Холма–Бонферрони между предъявляемыми и не предъявляемыми в ходе эксперимента словами ($F(1, 33)=2.145, p=.153, \eta^2=.061$), ($t=0.560, p_{holm}=1.000$) и несловами ($F(1, 33)=0.225, p=.638, \eta^2=.007$), ($t=-0.400, p_{holm}=1.000$). Результаты анализа не указывают на присутствие процесса неосознанной переработки слов в ходе эксперимента.

Обсуждение результатов эксперимента 3

В третьем эксперименте мы не получили значимых различий во времени решения задач между тремя экспериментальными условиями, в которых задачи предъявлялись. Также мы не получили подтверждений бессознательной семантической переработки предъявляемых нами слов, что может говорить о неэффективности нашей методики нагрузки бессознательных семантических процессов переработки информации.

Общая интерпретация результатов. Полученные результаты во всех трех экспериментах не подтверждают нашу гипотезу о влиянии сублиминального семантического стимула на рациональность решения заданий на принятие решений в условиях риска и неопределенности. В ходе нашего исследования мы изменяли части методики, такие как количество шагов решения задач, скорость предъявления подпороговых стимулов. Даже учитывая данные изменения, разработанная нами сублиминальная нагрузка на бессознательные семантические процессы переработки информации не оказала ожидаемого влияния на рациональность принятия решений.

Данные результаты могут иметь несколько объяснений:

Во-первых, осуществляемые нами воздействия в виде подпорогового предъявления семантических стимулов оказалось слишком слабым, чтобы повлиять на бессознательные процессы переработки информации. Возможно, на эффективность нагрузки может повлиять изменение частоты или скорости предъявления сублиминальных стимулов.

Во-вторых, воздействие подпороговой семантической стимуляции не оказывает достаточной нагрузки на бессознательные процессы, чтобы значимо повлиять на принятие решений в условиях риска

и неопределенности. Возможно, на эффективность нагрузки может повлиять изменение материала или модальности сублиминального предъявления.

В-третьих, ресурс бессознательных процессов переработки информации, возможно, может быть обширнее, что не позволило нашей методике в достаточной мере их нагрузить.

Общие выводы. Нами было проведено исследование, направленное на исследование влияния когнитивной нагрузки бессознательных процессов на принятие решений. Полученные результаты не подтвердили нашу гипотезу о влиянии сублиминального семантического стимула на рациональность решения заданий на принятие решений в условиях риска и неопределенности.

Вероятно, полученные результаты можно объяснить следующим образом. Согласно Д. Канеману [4], при условии одновременного выполнения нескольких заданий, ресурс распределяется между ними в зависимости от субъективной важности. То есть если наиболее значимое или основное задание в какой-то момент времени потребует больше ресурса для своего осуществления, то необходимый объем будет взят из ресурса, используемого для выполнения менее значимого или второстепенного задания. Эффективность второстепенного задания при этом может ухудшиться. Следовательно, если внимание было направлено на решение основной задачи (в нашем случае, заданий на принятие решения в условиях риска и неопределенности в центре экрана), то, согласно теории Д. Канемана о конкуренции за единый ресурс [4], второй, нерелевантной для человека задаче (прочтению подпорогово предъявляемых слов), оставалось меньше ресурса, следовательно и бессознательная переработка второго задания была малоэффективна или отсутствовала вовсе.

Для последующих исследований влияния нагрузки бессознательных процессов переработки информации на принятие решений и решения задач разумно внесение изменений в методику. Изменение материала, предъявляемого сублиминально, изменение механизма предъявления: от скорости, частоты до модальности.

Литература

- Акатова Н. Ю. Влияние степени когнитивной нагрузки на принятие решений: дипломная работа (диссертация магистра психологии). Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2022.
- Аллахвердов В. М. Когнитивная психология сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, 2012. № 2. С. 50–59.
- Владимиров И. Ю. Загруженность рабочей памяти как индикатор динамики мыслительного процесса // Теоретические и прикладные проблемы психологии мышления: Материалы Третьей конференции молодых ученых памяти К. Дункера / под ред. В. Ф. Спиридонова. Москва: РГГУ, 2012. С. 5–12.
- Канеман, Д. Внимание и усилие. М.: Смысл, 2006. 288 с.
- Коровкин С. Ю., Владимиров И. Ю., Савинова А. Д. Динамика загрузки рабочей памяти при решении инсайтных задач // Российский журнал когнитивной науки, 2014. Т. 1. № 4, С. 74–81.
- Коровкин С. Ю., Савинова А. Д., Владимиров И. Ю. Мониторинг динамики загрузки рабочей памяти на этапе инкубации инсайтного решения // Вопросы психологии, 2016. № 2. С. 148–162.
- Cattell J. M. K. The time it takes – see and name objects // Mind, 1886. Т. 11. № 41. P. 63–65.
- Čavoјová V., Mikušková E. B. Failure – Replicate the Unconscious Thought Advantages // International Journal of Industrial and Manufacturing Engineering, 2014. V. 8. № 7. P. 2079-2084.
- Coltheart M. et al. DRC: a dual route cascaded model of visual word recognition and reading aloud // Psychological review, 2001. V. 108. № 1. P. 204.
- Dijksterhuis A., Nordgren L. F. A theory of unconscious thought // Perspectives on Psychological science, 2006. V. 1. № 2. P. 95–109.
- Kahneman D. Thinking, fast and slow. Macmillan, 2011.
- Lavie N., Hirst A., de Fockert J. W., Viding E. Load theory of selective attention and cognitive control // Journal of Experimental Psychology, 2004. Vol. 133(3). P. 339–354.
- Levelt W. J. M., Roelofs A., Meyer A. S. A theory of lexical access in speech production // Behavioral and brain sciences, 1999. V. 22. № 1. P. 1–38.
- Newell B. R., Shanks D. R. Unconscious influences on decision making: A critical review // Behavioral and brain sciences, 2014. V. 37. № 1. P. 1–19.
- Peirce J. W. Generating stimuli for neuroscience using PsychoPy // Frontiers in Neuroinformatics, 2008. Vol. 2. P. 10.
- Ricks T. R., Turley-Ames K., Wiley J. Effects of working memory capacity on mental set due – domain knowledge // Memory & Cognition, 2007. Vol. 35(1). P. 1456–1462.
- Stuyck H., Cleeremans A., Van den Bussche E. Aha! under pressure: The Aha! experience is not constrained by cognitive load // Cognition, 2022. V. 219.
- Unsworth N., Brewer G. A., Spillers G. J. Working memory capacity and retrieval from long-term memory: The role of controlled search // Psychonomic Society, 2012. P. 13–25.

Приложение 1

1 группа

1. Линде 31 год, она не замужем, она искренняя и яркая личность. Она изучала философию. Когда она была студенткой, ее глубоко интересовали вопросы дискриминации и социальной справедливости, она участвовала также в демонстрациях против ядерного оружия. Скажите, какое описание Линды более вероятно:

- Линда – кассир в банке;
- Линда – кассир в банке и активная феминистка.

2. На вузовском теннисном турнире Макс побеждал уже три года подряд. В этом году он тоже участвует. Расположите четыре возможных исхода теннисного турнира, от наименее до наиболее вероятного.

- Макс выиграет матч.
- Макс проиграет первый сет.
- Макс проиграет первый сет, но выиграет матч.
- Макс выиграет первый сет, но проиграет матч.

3. В одном из родовых в один день появилось на свет 6 детей. Скажите какая из последовательностей появления мальчиков и девочек наиболее вероятна?

- МММДДД
- ДДДДДД
- МДММДМ

2 группа

4. Самая высокая секвойя выше или ниже 365 метров?

Как вы думаете, какой высоты самая высокая секвойя?

5. Когда Ганди умер, было ли ему больше или меньше 144 лет?

Сколько лет было Ганди в момент смерти?

6. Может ли длина Великой Китайской стены составлять 54 670 км?

Как вы думаете, какой длины Великая Китайская стена?

3 группа

7. Сколько животных каждого вида взял в ковчег Моисей?

8. Первооткрывателем какого материка был Джордж Вашингтон?

9. В каком городе Франции находится Пизанская башня?

4 группа

10. Если 5 машин за пять минут делают 5 деталей, то за какое время 100 машин сделают 100 деталей?

11. Мячик и бейсбольная бита вместе стоят 1 доллар и 10 центов. Бита стоит на доллар дороже мячика. Сколько стоит мячик?

12. Три курицы за три дня несут три яйца. Сколько яиц несут 12 таких же куриц за 12 дней?

5 группа

13. На озере растут кувшинки. Покрытая ими площадь каждый день удваивается. Если кувшинки полностью покрывают озеро за 48 дней, то сколько дней потребуются для того, чтобы они заняли его наполовину?

14. Улитка ползет по столбу высотой 20 метров. Каждый день она поднимается на 2 метра, и каждую ночь опускается на 1 метр. Через сколько дней она достигнет вершины?

15. Полина хочет испечь маме на день рождения 17 пирожков. В день она может выпекать только 5 пирожков, один она съедает на ужин, за сколько дней до дня рождения мамы ей стоит начать печь пирожки?

Приложение 2

1 группа

1. Если 5 машин за 5 минут делают 5 деталей, то за какое время 100 машин сделают 100 деталей?

2. 10 платьев 10 швей могут сшить за 10 дней. Сколько потребуются времени на пошив 4 платьев 4-м из этих швей?

3. 3 курицы за 3 дня несут 3 яйца. Сколько времени понадобится 12-ти таким же курицам чтобы снести 12 яиц?

2 группа

4. На озере растут кувшинки. Покрытая ими площадь каждый день удваивается. Если кувшинки полностью покрывают озеро за 48 дней, то сколько дней потребуется для того, чтобы они заняли его наполовину?

1. 24.
2. 47.

5. Улитка ползет по столбу высотой 20 метров. Каждый день она поднимается на 2 метра, и каждую ночь опускается на 1 метр. Через сколько дней она достигнет вершины?

1. 20.
2. 19.

6. Полина хочет испечь маме на день рождения 17 пирожков. В день она может выпекать только 5 пирожков, один она съедает на ужин, за сколько дней до дня рождения мамы ей стоит начать печь пирожки?

1. 4
2. 5

3 группа

7. $1+9+29-9=$
8. $24+6-24-4=$
9. $73-3+3+7=$

4 группа

10. В 9-этажном доме на 1 этаже живет 2 человека, на каждом последующем число жителей удваивается. Какая кнопка в лифте нажимается чаще других?

11. Летчик летает из Великобритании на рейсах туда и обратно в разные страны. За месяц он слетал в Китай 3 раза, в Швейцарию 6 раз и в Болгарию 9 раз. В какую страну он чаще всего летал за этот месяц?

12. На столе стоят 12 емкостей. 4 из них вмещают 4 литра воды, 5 из них вмещает 3 литра, 3 – вмещают 5 литров. Во сколько емкостей мы сможем налить 3 литра воды?

Исследование взаимосвязи уровня эгоизма с межличностными отношениями

Е. Ю. Чичук, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается влияния эгоизма на межличностные отношения. Работ, касающихся данной проблемы, крайне мало, поэтому исследование связи эгоизма с характером отношений представляет, как теоретический интерес, так и имеет практическую значимость для направлений, разрабатывающих коммуникативную проблематику.

Ключевые слова: эгоизм и его уровень, межличностные отношения, коммуникативность.

Межличностные отношения могут приобретать очень разные формы и представляют собой сложный динамический процесс, в котором возникают различные эмоции и переживания, достигаются определенные цели. Все это делает проблему межличностного общения интересной для исследователей на протяжении многих лет. На наш взгляд, крайне актуальным является направление исследований влияния эгоизма на характер межличностных отношений. Выступает ли данный феномен как коммуникативный барьер? Или, наоборот, способствует увеличению понимания в процессе общения?

Однако работ, касающихся данной проблемы, крайне мало, даже сам феномен эгоизма не имеет однозначного толкования, поэтому исследование его связи с характером межличностных отношений является весьма актуальным и имеет высокую практическую значимость для направлений, разрабатывающих коммуникативную проблематику [1, 3].

Изучению межличностного общения посвящено множество видных научных работ и изысканий. Феномен эгоизма исследован менее обширно, кроме того, на данный момент существуют различные подходы к его пониманию. Проанализировав три различные теории «эгоизма», в нашей работе мы придерживались трактовки Т. И. Пашуковой [6].

Таким образом, под эгоизмом мы понимаем отражение эгоцентризма в речи. Проявляется эгоизм в стремлении человека говорить о себе, навязать свое мнение, неумении учитывать другие точки зрения.

Феномен имеет множество оттенков проявления от нормы до патологии [7]. В нашем исследовании мы, конечно же, изучаем нормальные проявления нарциссизма, которые близки по своей сути к феномену эгоцентризма. Поскольку под эгоизмом мы понимаем проявление эгоцентризма в речи, то можно сказать, что эгоизм отражает и нарциссические наклонности личности [2].

Подобное понимание нарциссизма подводит нас к проблеме дифференциации нарциссических проявлений личности – между личностной проблемой осознания «собственной уникальности и самооценности» и грандиозным чувством самозначимости. Критерием для дифференциации нарциссических проявлений личности в данном случае служит степень выраженности ее нарциссических черт и направленность личности [7]. Направленность – является качеством, определяющим психологический склад личности, но в общепсихологических теориях личности этот феномен раскрывается по-разному.

При анализе современных теоретических представлений о нарциссизме отделить его «злокачественные» разновидности от всех остальных форм весьма затруднительно. Впрочем, данные (внешние) проявления нарциссизма имеют защитный, компенсаторный, иллюзорный, преувеличенный или даже грандиозный характер, призванный всего лишь произвести впечатление на других и получить их восхищение, что абсолютно не характерно при эгоизме [5].

Зарубежные исследователи ставят своей целью валидизацию многочисленных моделей, в основе которых лежит представление о личности, демонстрирующей имидж грандиозности, маскирующий чувство слабости и уязвимости представления личности о себе. «Подрывая» защитный «нарциссический фасад», экспериментаторы анализируют соотношение грандиозности и уязвимости в представлении о себе у испытуемых с разной выраженностью различных аспектов нарциссизма.

Нарциссизм – это склонность личности гипертрофировано ощущать свою значимость, важность. Этот феномен имеет множество оттенков проявления от нормы до патологии [3].

В нашем исследовании мы изучаем нормальные проявления нарциссизма, которые близки по своей сути к феномену эгоцентризма. Эгоизм отражает и нарциссические наклонности личности.

Категория «взаимодействие» является одной из фундаментальных в современном научном знании. Это относится не только к гуманитарным наукам, таким как, например, философия, психология, социология, политология, педагогика, но и к естественнонаучным отраслям знаний – физике, химии, биологии, астрономии и др. В самом широком виде взаимодействие понимается как «...процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимная обусловленность и порождение одним объектом другого» [1].

Взаимодействие представляет собой объективную и универсальную форму движения и развития, которая определяет существование и структурную организацию любой системы. Межличностное взаимодействие относится к одной из интенсивно разрабатываемых в современной психологии проблем, особенно такая его форма, как общение. Анализ социально-психологической литературы по рассматриваемой проблематике показал, что уже сформировалось определенное понятийное поле, в рамках которого может быть описано данное социально-психологическое явление.

В качестве *объекта* нашего исследования был выбран феномен межличностных отношений, а методом исследования выступила связь уровня эгоизма и характера межличностных отношений у молодежи.

Целью исследования является изучение связи уровня эгоизма и характера межличностных отношений у молодежи.

В соответствии с этим *гипотеза* звучит следующим образом: можно предположить, что будут обнаружены статистически значимые связи между уровнем эгоизма, нарциссизма и типом межличностных отношений у молодежи.

Разрабатывая данную гипотезу, мы выдвинули еще ряд *частных гипотез*:

- можно предположить, что будет выявлена связь между уровнем эгоизма и эгоистичным типом межличностных отношений;
- можно предположить, что будет выявлена связь между уровнем эгоизма и общим уровнем нарциссизма;
- можно предположить, что будет выявлена связь между общим уровнем нарциссизма и таким типом межличностных отношений, как авторитарный.

Выдвинутые гипотезы проверялись в ходе решения следующих эмпирических задач:

- определить ведущий тип межличностных отношений с помощью методики диагностики межличностных отношений Т. Лири;
- измерить уровень эгоизма с помощью методики исследования эгоизма Т. И. Пашуковой;
- измерить уровень нарциссизма с помощью опросника NPI-40;
- провести корреляционный анализ с целью установления значимых связей между уровнем эгоизма, нарциссизма и типом межличностных отношений у молодежи;
- описать результаты статистического анализа данных.

Эмпирическое исследование состояло из нескольких этапов. Обработка эмпирических данных: на этом этапе создается протокол данных в MS Excel, рассчитываются показатели в соответствии с ключами методик, описательные статистики и проводится корреляционный анализ данных.

Интерпретация и описание полученных результатов: на основании проведенных расчетов производится интерпретация результатов и описываются выводы о проделанной работе.

Выборку исследования составили 80 студентов (40 юношей и 40 девушек) в возрасте от 18 до 24 лет.

Сбор эмпирических данных осуществлялся за счет рассылки электронных форм и звонков в Skype (для сбора эмпирического материала для анализа уровня эгоизма).

На начальном этапе анализа полученных данных мы составили психологический портрет респондентов относительно темы нашего исследования. Было выявлено, что в межличностном общении они проявляют себя, как альтруистичных и дружелюбных. Это значит, что они готовы помогать, сочувствовать окружающим, стремиться наладить с ними контакт. Для опрошенной молодежи свойственно искать компромиссы в спорных ситуациях, они чаще проявляют скромность, застенчивость и покорность. Молодые люди спокойно воспринимают критику, им не свойственно обижаться, вести себя раздражительно, проявлять недовольство. Важной ценностью для них является индивидуальность, поэтому в межличностных отношениях они не проявляют конформизм, не следуют слепо чьему-то мнению, совету.

Респонденты любят говорить о себе и своих интересах, однако они также способны эмпатично выслушать своего собеседника, не перебивать его и не навязывать ему свою позицию. Для молодых людей характерен конструктивный нарциссизм. Это значит, что они уверены в себе, своих способностях,

принимают себя, свое тело, положительно оценивают результаты своей деятельности. Респондентам очень важно сохранять свою целостность и индивидуальность, поэтому они отстаивают свои личные границы и не растворяются в своем партнере в межличностных отношениях. Молодые люди осознают личную ответственность за свою жизнь и свои действия и охотно берут ее на себя, не боятся высказывать свое мнение, даже если оно противоречит мнению общественности.

Эгоизм положительно коррелирует с такими параметрами нарциссизма, как авторитет, самодостаточность, превосходство и демонстративность. Выявленные связи вполне закономерны. Легко представить, что человек, убежденный в своем большом влиянии на окружающих, в том, что ему никто больше не нужен, склонный привлекать к себе внимание, смотрящий на других свысока, постоянно говорит о себе.

В ходе корреляционного анализа мы выяснили, что респонденты с высоким уровнем эгоизма предпочитают такие типы межличностных отношений, как эгоистичный и агрессивный. На наш взгляд, описанные типы межличностных отношений нельзя назвать благоприятными, экологичными. Поэтому мы можем подтвердить тот факт, что высокий эгоизм препятствует выстраиванию межличностных отношений.

Отрицательно эгоизм коррелирует с подчиняемым типом межличностных отношений, то есть, чем более человек склонен говорить о себе, тем менее он проявляет конформизм и подчиняемость в межличностных отношениях. По нашему мнению, данная связь тоже логична, поскольку человек, зависимый от мнения окружающих, склонный подстраиваться под других, выполнять чужие поручения, вряд ли будет говорить о себе, ведь фокус его внимания направлен на других.

Отрицательные связи были выявлены между подчиняемым типом межличностных отношений, самодостаточностью, превосходством тщеславием. Это значит, что, чем выше склонность респондентов проявлять покорность, скромность, чувство вины в межличностном общении, тем ниже их убежденность в своей абсолютной независимости, превосходстве над другими людьми и в идеальности своего тела.

Было установлено, что личности с высоким уровнем нарциссизма чаще предпочитают авторитарный тип межличностных отношений. Это значит, что такие люди чувствуют свою власть над другими, они склонны руководить, указывать окружающим, что делать, они упрямы и убеждены в абсолютной верности своей позиции, склонны навязывать ее всем остальным. Конечно, в таких отношениях не идет речи о равных позициях партнеров. Между общим уровнем нарциссизма и такими типами межличностных отношений, как подчиняемый и подозрительный, были выявлены обратные связи [4].

Таким образом, мы можем говорить, что чем более восприятие человека зациклено на нем самом и его потребностях, чем выше человек оценивает себя и свои возможности, тем меньше он склонен подчиняться чужим указам и слепо принимать сторону другого человека в межличностных отношениях, а также к неуверенности в себе, подозрительности, боязни плохого отношения со стороны окружающих. Нарциссичной личности не нужны советы и одобрение окружающих, поскольку такой человек убежден в своем превосходстве над другими людьми [5].

Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, можно обобщить следующим образом. Составлен психологический портрет респондентов в контексте рассматриваемой проблематики: они проявляют себя как альтруистичных и дружелюбных в межличностном общении, спокойно воспринимают критику, ценят собственную индивидуальность, любят говорить о себе, но при этом способны к эмпатии, уверены в себе и обладают конструктивным нарциссизмом.

Чем выше уверенность респондентов в своей авторитетности, умении влиять на других людей, тем меньше они проявляют в межличностных отношениях конформизм, застенчивость, недоверчивость, скептицизм, подозрительность. Человек, считающий себя авторитетом для всех окружающих, вряд ли будет склонен подстраиваться под окружающих, слепо следовать их правилам, проявлять неуверенность, закрываться от других людей и бояться, что они не станут считаться с его мнением.

Выявлены прямые связи эгоизма респондентов с общим показателем нарциссизма и с его отдельными параметрами: чем более молодые люди склонны говорить о себе, тем выше общий уровень их нарциссизма и такие его параметры, как авторитет, самодостаточность, превосходство и демонстративность. Это подтверждает описанное ранее другими авторами предположение, что эгоизм – это проявление нарциссизма в речи.

Выявлены связи уровня эгоизма респондентов с различными типами их межличностных отношений. С одной стороны, респонденты с высоким уровнем эгоизма предпочитают такие типы межличностных отношений, как эгоистичный и агрессивный. С другой стороны, было выявлено, что эгоизм отрицательно коррелирует с подчиняемым типом межличностных отношений, т.е. чем более человек

склонен говорить о себе, тем менее он проявляет конформизм и подчиняемость в отношениях. Такие результаты подтверждают выдвинутое ранее предположение о том, что эгоизм препятствует выстраиванию качественных, теплых межличностных отношений.

Полученные результаты имеют высокую практическую значимость в сфере организации, контроля и развития межличностных, межгрупповых и межкультурных отношений. Они могут послужить в качестве теоретико-методологической базы дальнейших исследований в данной области, а также могут быть применены в работе психологов, конфликтологов и медиаторов.

Литература

1. Абдуллина А. Ф. Коммуникативные барьеры и их преодоление // Инновационная наука, 2016. № 3–4 (15). С. 154–155.
2. Геворкян С. Р. Некоторые аспекты категории взаимодействия в современной социальной психологии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион, 2006. № 1. С. 92–102.
3. Зубкова И. В. Коммуникативные барьеры как фактор повышения риска непонимания в межличностных отношениях // Известия Саратовского ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития, 2011. № 2. С. 72–77.
4. Ломов Б. Ф. Общение как проблема общей психологии. Москва: Наука, 1975. 280 с.
5. Мустафаев Ф. М. Микроструктура межличностного общения в пространстве общественных, социальных и межличностных отношений // Гуманитарные и социальные науки, 2013. №2. С. 70–81.
6. Пашукова Т. И., Допира А. И., Дьяконов Г. В. Психологические исследования: Практикум по общей психологии для студентов педагогических вузов. Москва: 1996. 177 с.
7. Шамшикова, Е. О. Детерминация нарциссизма в организации психологического пространства личности / Е. О. Шамшикова // Вестник НГПУ. – 2013. – №3 (13). – С. 23–35.

УДК 159.9

Сценарий отложенной жизни и способы его замещения

В. Н. Алексеева, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятия «Сценарий отложенной жизни» и способам его замещения. Данное понятие, введенное доктором психологических наук профессором Владимиром Петровичем Серкиным в 1997 году, обозначает определенный жизненный сценарий, сообразно которому человек выстраивает свою модель поведения, пренебрегая решением важных проблем дня сегодняшнего. В статье рассматриваются способы замещения СОЖ: позитивное мышление, снижение гиперответственности, критическое переосмысление ценностей.

Ключевые слова: сценарий отложенной жизни, позитивное мышление, саногенное мышление, снижение гиперответственности, критическое переосмысление ценностей.

Жизнью нужно наслаждаться,
Пить глоточек за глотком.
Жизнью нужно упиваться
И лелеять день за днем.
В. Н. Алексеева

Каждый человек рисует в своем воображении идеальную картину счастья. Жизнь превращается либо в погоню за ним, либо ожидание того, когда закончится тяжелый период, и наступит счастливое завтра. Люди будто пишут черновой вариант жизни, надеясь, что день грядущий предоставит возможность переписать все набело. Получается, что у нас есть прошлое, часто нами романтизированное, и будущее, представляемое в радужных цветах. А что есть в настоящем? Абстрагированность от происходящих событий, стремление «перетерпеть», переждать во имя наступления белой полосы, реализации некоего иллюзорного сценария жизни.

Впервые термин «жизненный сценарий» выдвигается Эриком Берном. Под ним он подразумевал «бессознательный жизненный план» [1], программируемый родителями в детстве. Таким образом, человек обрывает определенными жизненными устремлениями, не применяя к ним критического мышления, поскольку априори воспринимает их правильными.

Подготовка к так называемой «написанной набело» жизни именуется сценарием отложенной жизни (СОЖ). Это понятие введено В. П. Серкиным в 1997 для обозначения специфической группы жизненных сценариев. Этот термин генерализировал описания специфики жизненных сценариев северян. Основой данного сценария является восприятие северянином некой эфемерности окружающей действительности, в которой он создает условия для жизни будущей, обещающей большие блага и радости. Он думает, что жизнь начинается после переезда в регион с более благоприятными климатическими условиями и более развитой инфраструктурой («северная мечта», «северный миф»). К сценариям достижения цели будущего относятся, например, успешное окончание школы, института, защита диссертации, покупка автомобиля, квартиры, т.п. [3]. Жизнь человека подразделяется на несколько частей: первая часть – это подготовка, вторая, короткая – достижение, и третья – как бы настоящая жизнь. Получается, что актуальные для человека проблемы остаются без решения. Например, ремонт в квартире, построение дружеских или семейных отношений. Ведь, по его мнению, все это будет потом, когда у него начнется настоящая жизнь [4]. Все это влияет и на общество в целом, снижается рождаемость, возрастает уровень вынужденной трудовой миграции.

Для того чтобы не попасть в ловушку собственноручно созданного жизненного сценария, нужно научиться ценить то, что тебя окружает. Рассмотрим способы замещения СОЖ:

1. Позитивное мышление.

Дейл Карнеги в своей книге «Как перестать беспокоиться и начать жить» выразил суть позитивного мышления, которую можно обобщить следующим образом: наши мысли формируют происходящие в нашей жизни события. Выделение из окружающей действительности только негативных событий и последующая на них концентрация, страхи и опасения с ними связанные, скорее всего, способствуют

их появлению. Если вы мыслите позитивно, цените то, чем обладаете здесь и сейчас, то это отражается на здоровье, внешнем виде и происходящих в жизни событиях. Одной из разновидностей позитивного мышления является саногенное мышление, которое разработано Юрием Михайловичем Орловым. Оно помогает осознать всю последовательность актов мышления, вызывающих ту или иную отрицательную эмоцию, управлять ею и устранять ее [2]. Иными словами, данный тип мышления учит через рефлексию контролю над своими эмоциями.

2. Снижение гиперответственности.

Очень часто СОЖ вызван страхом не оправдать ожидания окружающих людей, не вписаться к идеальную картину общества, в стереотипный шаблон, к достижению которого мы все так стремимся: достичь определенного карьерного роста, завести семью, детей, купить квартиру, дом и т. д. Каждый из этих этапов связан с выверенным возрастом, если же реализация их не представляется возможным, то человек чувствует вину за это, так как возложенная на него ответственность за их свершение давит и не позволяет расправить плечи и жить здесь и сейчас. Поэтому, необходимо концентрироваться на краткосрочных целях, абстрагируясь от ожиданий других.

3. Критическое переосмысление ценностей.

Необходимо правильно расставить приоритеты, проработать свои жизненные ориентиры, критически анализируя то, почему для вас это важно.

Существует ряд факторов, влияющих наше ментальное состояние и способствующие тому, что человек прячется за иллюзорными картинками СОЖ. К ним причисляют следующее: ежедневность, контрфактическое мышление, конфликт, лень, прокрастинация, раздражение, усталость личности. Рассмотрим подробнее каждый из них, воспользовавшись трудом современного клинического психолога Михаила Анатольевича Хорса «Ментальное здоровье от А до Я» [5] и попытаемся понять, как нивелировать их негативное влияние на жизнь человека и укрепить его решимость жить в настоящем и не строить замков на песке.

1. Ежедневность. 99 % рутинных действий, совершаемых каждый день, производятся автоматически, приводя к заостренности мышления человека. В монотонной выверенной в деталях жизни человеку трудно найти способ видеть в своей жизни что-то привлекательное, развиваться в реальном времени, а не в мечтах. Существует понятие «Хоторнский эффект» [6]. Ученые провели исследование с целью определения того, как влияют на эффективность рабочих условия их труда на одном из американских заводов в начале XX века. Выяснилось, что, например, повышение или приглушение освещенности рабочего места приводило к кратковременному повышению эффективности труда, что доказало значимость самого факта изменений условий труда, а не самих изменений. Рутинность действий демотивирует, приводит к безразличному отношению к аспектам настоящей жизни. Как выйти из этого положения? Стараться в каждый день привносить что-то новое: идти на работу другим маршрутом, приготовить на завтрак новое блюдо, чистить зубы другой рукой. Тогда мышление станет гибким и более восприимчивым к новому.

2. Контрфактическое мышление. Бывают ситуации, когда испытывая некий диссонанс между реальностью и ожиданиями, человек мысленно возвращается в прошлое, моделируя картину «лучшего» прошлого. Подобное возвращение в прошлое и попытка изменить совершенные поступки называется «контрфактическим любопытством» [5]. Порой эти мысли становятся навязчивыми, растет недовольство собой или окружающими, и, как следствие, происходит отторжение настоящего, поскольку это не тот результат, которого хотелось бы тогда достичь. Человек вынужден терпеть, а не жить, думая, что через некий период лишений и страданий, в будущем, он наверстает своё. Однако контрфактическое любопытство может быть и полезным для личности, если это элемент критического мышления [5]. Когда мы извлекаем из опыта пользу, когда правильно понимаем смысл уроков, которые преподала нам жизнь. Необходимо понять, что нельзя изменить прошлое, что мы поступили так, как нам позволили или не позволили внешние и внутренние ограничения, и продолжить жить дальше.

3. Конфликт. Конфликты, к сожалению, являются частью нашей объективной реальности, что, несомненно, отравляет жизнь, будь то межличностный или внутриличностный конфликт. Конфликт – это столкновение интересов и отсутствие согласия [6, 7]. Важно понимать, что каждый конфликт должен быть рационален по своей сути и иметь свой результат. Если в основе конфликта находятся эмоции, это приведет к удручающим последствиям. Если же – здравый смысл и рассудок, то он может привести к определенному здоровому исходу, что существенно может повлиять на настоящее, улучшить его.

4. Лень. Многие люди думают, что лень – это врожденная личностная характеристика, с которой рождаются некоторые люди, и с этим никак нельзя бороться, а просто необходимо принять. Однако, это в корне неправильное утверждение. Клинический психолог Михаил Хорс совершенно справедливо

отмечает, что лень – это набор сценариев поведения, чаще всего избегания этого поведения [5]. Лень как отдых может быть осознанным выбором весьма талантливых и деятельных личностей, которая подразумевает временный отказ от взаимодействия с внешним миром для восполнения энергии, перезарядки, снятия усталости. В этом случае она идет на пользу человеку и помогает после некоторого перерыва продолжать путь к новым достижениям. Лень может быть связана и с внутренними преградами человека, которые не позволяют ему двигаться. Объяснением этому служат страх, гнев, раздражение, злоба, испытываемые человеком. Ответ на вопрос «нужно ли бороться с ленью?» по мнению автора этой статьи однозначен: да. Позволять себе лениться – не лучший выход из положения, необходим так называемый деятельностный подход, переключение с одной активности на другую. Если больно, одолевает страх, не нужно замирать на месте, а сначала через силу, заняться чем-то для себя приятным, творчеством, кулинарией, получить новый навык, обучиться чему-то новому, таким образом, меняя вектор отношения к действительности с отрицательного на положительный.

5. Прокрастинация. Что называется прокрастинацией? Это постоянное стремление откладывать решение важных дел, объясняя это своей занятостью другими менее важными причинами, что подчас является лишь тривиальной отговоркой. Прокрастинация является деструктивной, она ухудшает качество жизни человека, влияя на его ментальное состояние. Человек испытывает недовольство собой, своей неспособностью совершить то, что от него ожидается. Для того, чтобы не омрачать настоящее и не строить пустых надежд на будущее, где вы видите себя идеальным человеком с шашкой наголо победжающим всех и вся, нужно отступить от притязаний все сделать идеально. Об этом важно помнить, так как многие люди, в особенности прокрастинаторы, являются перфекционистами [5]. Если предстоит совершить какое-то сложное, новое дело, то необходимо позволить себе быть неидеальным, позволить себе ошибаться, ведь именно из-за страха ошибки и общественного порицания мы откладываем на потом то, что можно сделать сейчас. Ошибайтесь, делайте это с удовольствием, извлекайте из этого опыт и стройте настоящее, а не пишите СОЖ.

6. Раздражение. Очень часто мы считаем раздражение, злость и гнев тождественными понятиями. Однако, раздражение является начальной стадией злости и гнева. Со временем раздражение накапливается и прорывается в гнев и неадекватном поведении [5]. Сдерживая негативные эмоции, мы наносим вред своему организму, что приводит к различного рода психосоматическим расстройствам. Для того чтобы этого избежать, необходимо выпускать раздражение, а не зажимать его. Лучше всего вымещать его не на других людях, а путем спорта, возможности прокричать эмоции в каком-то безлюдном месте, но нужно избегать агрессивных действий, таких как, к примеру, побить боксерскую грушу, так как это может вызвать в дальнейшем агрессивную привычку каждый раз снимать раздражение таким способом, а ведь в следующий раз груши под рукой может и не оказаться, и, как следствие, придется искать другой объект высвобождения негативной энергии, результатом чего может стать драка. Вместо того, чтобы раздражаться по поводу того, что находится вне зоны вашей ответственности, необходимо внимательно проанализировать, что подвластно вам и делать шаги в этом направлении. Важно помнить, что раздражение живет внутри, а не снаружи, испытывать негативные эмоции – это осознанный выбор человека. Поняв это, вам легче будет выстраивать свою жизнь, а не строить сценарии идеальной отложенной жизни.

7. Усталость личности. Люди устают не только физически, но и душевно, что называется личностной усталостью. Нас изматывают отрицательные, а часто и положительные эмоции. Из-за усталости человек не может найти в себе силы для активной жизнедеятельности, что сопровождается и злостью на себя, недовольством, апатией. Что делать в таком случае? Для начала необходимо разрешить себе испытывать подобные эмоции, но не погружаться в них, настраиваться на то, что даже из такого состояния можно извлечь для себя выгоду и постараться увидеть свет в настоящем. Этого поможет достичь эффект замещения энергии. К примеру, когда вы погружены в апатию, необходимо уметь переключаться на другой вид деятельности, заставляя себя работать, заниматься спортом, видеть других людей, ходить на выставки. Именно так, преодолевая себя, вы избавитесь от этого состояния, постепенно, ведь «Москва не сразу строилась».

Таким образом, если вы хотите заместить СОЖ жизнью настоящей, необходимо проанализировать, как положительные, так и отрицательные стороны своего бытия и начать ценить настоящее здесь и сейчас, а не мечтать о призрачном счастье.

Литература

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Москва: Прамеб, 1992. 384 с.
2. Бисерова Г. К., Шагивалеева Г. Р. Психология стресса и методы его профилактики: учебно-методическое пособие. Елабуга: Издательство ЕИ КФУ, 2015. 142 с.
3. Серкин В. П. Жизненные сценарии северян и их влияние на принятие решений // Колыма. 1997. № 4. С. 20–23.
4. Серкин В. П. Влияние сезонной работы на образы жизни и образы мира членов семьи // Образ мира и образ жизни. Магадан: Изд-во СМУ, 2005. С. 140–149.
5. Хорс М. А. Ментальное здоровье от А до Я. Психологические приемы самопомощи. Москва: Издательство АСТ: Кладезь, 2022. 288 с.
6. Шупейко И. Г., Борбот А. Ю., Доморацкая Е. М., Пархоменко Д. А. Основы психологии и педагогики: практикум для студентов всех специальностей и всех форм обучения. Минск: БГУ-ИР, 2008, 91 с.
7. Morin C. M., Espie C. A. *Insomnia: A Clinical Guide to Assessment and Treatment*. Published by Springer US, 1994.

УДК 159.9

Влияние социальных сетей на личностный рост человека

*А. С. Афанасьева, О. В. Кустова, г. Домодедово,
г. Астрахань, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос влияния социальных сетей на личностный рост человека, в частности, как использование социальной сети «ВКонтакте», способствует развитию и повышению личностных качеств личности.

Ключевые слова: развитие, личностный рост, самооценка, личность, социальная сеть «ВКонтакте».

Практически каждый человек на определенном этапе развития личности сталкивается с внутренним препятствием возможности рассказать о себе. Аналогично, эта проблема переносится при открытии своей личной страницы в социальных сетях, например, в «ВКонтакте», чтобы начать транслировать миру о себе и своей жизни. И кто бы, что бы, сегодня не говорил о пагубном влиянии социальных сетей на жизнь человека, и как бы, не ругали социальные сети, не согласиться с тем, что это мощный инструмент, чтобы представить миру себя, нельзя. Так почему же не использовать этот замечательный инструмент для личностного роста и развития своей личности?

В пространстве Интернета, социальные сети стали появляться сравнительно недавно, примерно в середине 1990-х гг. прошлого века, и довольно быстрыми темпами превзошли ту функцию, для которой они изначально создавались, а именно из инструмента обмена информацией они сформировались в отдельную и глобальную систему массмедиа. Влияние социальных сетей на человека и его жизнь огромное, многие даже не осознают до конца масштабы этого явления, а ведь социальные сети – это уже самое популярное занятие в Интернете. На сегодняшний день, в социальные сети вовлекаются практически все социальные и возрастные слои населения. Из-за повсеместного использования Интернета и технологий у людей возникает потребность быть представленным в информационном пространстве, в результате чего личность, переносится в виртуальное пространство. Более 80% компаний по всему миру используют социальные сети в своей работе. Около 78% людей доверяют информации из социальных сетей. Социальные сети стали центром современного Интернета [1]. Так что же такое социальная сеть?

По определению из открытых Интернет-ресурсов, социальная сеть – это онлайн-платформа, которая используется для общения, знакомств, создания социальных отношений между людьми, которые имеют схожие интересы или офлайн-связи, а также для развлечения (музыка, фильмы) и работы [2]. В настоящее время существует множество социальных сетей, перечислять их все нет смысла, но уделим внимание нашей российской популярной сети для общения «ВКонтакте» («Контакт» или «ВК»). Используя данную платформу, пользователи, создавая свою страничку, могут взаимодействовать с друзьями, публиковать видео- и аудио-записи, фотографии, оценивать материалы, которыми делятся другие пользователи, создавать группы и сообщества. Платформа постоянно совершенствуется, подключаются новые инструменты для продвижения, чтобы каждый мог комфортно и с пользой проводить досуг. Сайт доступен на 90 языках и занимает шестое место по популярности в мире [2].

Личностный рост – понятие, знакомое каждому, кто хоть раз добивался успехов на своем пути. Без данного процесса не выйдет полноценной активной жизни, а получится только бесцельное существование. Мало кто из людей захочет потратить целую жизнь на то, чтобы осесть в трясине своего болота, никак не двигаясь дальше в направлении поставленных целей.

Люди обладают глубинным потенциалом для развития собственных умений, заложенных в них с самого рождения. Они созданы для великих свершений, небывалых открытий, для покорения новых вершин и воспитания последующего поколения. Каждый человек сам решает, какую дорогу он выберет. Либо на протяжении всей жизни постоянно совершенствовать себя и расти дальше, либо беззаботно плыть по течению, никак не развиваясь. Личностный рост наступит лишь тогда, когда сам человек этого захочет, приложив свою долю усилий. Поэтому всегда важно помнить, что данный процесс требует к себе особого внимания, а также больших трудов.

А. Маслоу, создавая свою знаменитую теорию личностного роста и пирамиду потребностей, выдвинул потребность в признании, как одну из базовых [3]. Выражаясь простым языком, это одобрение и уважение в обществе. Человеку просто необходима популярность, а те, кто говорят, что ему она не нужна, обманывают сами себя. Есть те, кому нравится получать одобрение от своих друзей и потому они выкладывают фотографии из различных поездок, видео значимых личных событий, рассказывают о фильмах, клипах, новостях, которые им понравились. Они помогают своим знакомым узнать, что важного или интересного (по их мнению) происходит в мире. Другие наслаждаются лайками, комментариями и вниманием со стороны окружающих незнакомых людей, и чем их больше, тем сильнее удовольствие.

Выбирая другого для сравнения, люди ориентируются обычно на тех, чей уровень они надеются достичь. Когда же их собственный уровень повысится, то повышается и стандарт сравнения, но выбирают в качестве образца тех, кто одинаков с ними в существенных признаках. Люди целеустремленные или просто с повышенным чувством соперничества предпочитают сравнивать себя с теми, чьи способности развиты лучше в какой-то одной, определенной сфере: интеллектуальной, спортивной, творческой и т.д. А во всех остальных отношениях они примерно на одном уровне. Сравнение себя с тем, чьи способности в определенной области развиты лучше, чем наши, дает нам возможность улучшить собственные способности.

Несмотря на рост количества зарубежных исследований, посвященных изучению социальных сетей, психологических исследований, направленных на изучение русскоязычных пользователей социальных сетей, достаточно мало. В тематике статьи, нам хотелось бы раскрыть другую сторону социальной сети, а именно, как развитие страницы в «ВКонтакте» влияет на личностный рост человека. Правильное и целенаправленное использование своей страницы в «ВКонтакте», может дать сильный толчок в личностном развитии, и в осознании своей личности, а также способствовать развитию самых различных областей жизни человека. Некоторые люди годами развиваются, ходят на различные курсы и тренинги, но со стороны складывается ощущение, что человек стоит на месте. Личная страница «ВКонтакте» помогает раскрыть новые грани личности, воспитать волю, справиться со страхами осуждения, непринятия себя, страхом критики, учит принимать похвалу и дарить ее в ответ, и многое другое [4].

В силу специфики профессии (тренер по личностному росту), на консультациях активно внедряю и пропагандирую работу с социальными сетями, в частности со страницей в ВК, и вот что можно отметить – у тех, кто активно начинает развивать свою страницу и выполнять рекомендации, буквально на глазах, начинает меняться жизнь. Заходят на страницу новые интересные люди, поступают приглашения от различных сообществ принять участие в мероприятиях. Люди получают многочисленные «поглаживания» и похвалу в свой адрес, растет самооценка, и человек заряжается на новые действия. Многие боятся представить реакцию знакомых, что скажут или подумают о них родственники, друзья, коллеги, одноклассники и вообще все люди в мире. А потом, можно заметить, как на глазах меняется человек. Сначала он начинает улыбаться, его лицо становится открытым, глаза распахиваются, и в них начинает светиться огонек, тот самый огонек, который называют «горящие глаза», появляется интерес к жизни.

Приведем несколько примеров описания чувств и эмоций, которые испытывали люди, которые начали осваивать свою страницу в «ВКонтакте».

Наталья, 47 лет, клинический психолог, сексолог, руководитель магазина и тренингового центра для взрослых, г. Ростов-на-Дону:

«Мой личностный рост и социальные сети. А можно ли отделить одно от другого? В моем случае думаю, что нет. У меня нет личных страниц. Мои аккаунты – это моя жизнь и работа. Там все обо мне.»

«Я начала вести страницу в ВКонтакте, тогда, когда стала руководить магазином 18+. Моя степень открытости, с которой я проявляла себя в мир, колебалась. Я сделала свои первые тренинги и стала приглашать на них клиентов и освещать эту информацию в ВК. Тогда я и обрела “Лицо” и “Публичность”. Сейчас продолжаю развиваться и размещаю на своей странице в ВК свои короткие видео, которые мне хорошо удаются. Стыд проиграл и был повержен. Планирую пойти в театральную студию. Уверена, что у меня получится.»

Павел, 43 года, специалист по натяжным потолкам, г. Ростов-на-Дону:

«Завел личную страницу в ВКонтакте около полугода назад, но страницу не оформлял, никак. Больше месяца назад, я начал активно её развивать. Реакция людей меня удивила. Меня поддерживали комментариями и лайками. Сначала у меня было внутренне напряжение, и я считал, что это формальная поддержка, но мне все-таки было приятно ощущать эту поддержку.»

«Я стал заходить на страницы тех людей, которые меня поддерживают, и смотрел их историю. Оказалось, что эти люди ежедневно работают над собой, выкладывают посты в ВК, в которых рассказывают о своих стремлениях, профессиональных работах, поют и танцуют, читают профессиональные лекции. Там врачи, бизнесмены, учителя, психологи, актеры и юристы, люди занимающиеся искусством танца, инженеры. Когда меня хвалили, я сначала воспринимал эту похвалу и лайки, как формальную вежливость. Теперь я понимаю, что похвалу мне дают искренне. Ведь те, кто меня хвалят, тоже работают над собой. Да и другого, кто мимо будет проходить, это и не тронет, потому что ему это не интересно будет, а если интересно будет, то он не будет критиковать, а поинтересуется у меня, как я этого добился. Социальные сети необходимы для развития общества. Они дают возможность найти единомышленников, способствует профессиональному развитию, а также развитию в сфере увлечений и хобби.»

Даниил, 32 года, предприниматель, владелец интернет – магазинов «Электронного оборудования», г. Москва:

«Когда я начал выкладывать информацию о себе на своей личной странице в ВКонтакте, я описывал, чем я занимаюсь, какие у меня увлечения, рассказывал о своей семье. Вначале чувствовал, страх, мне казалось, что люди не так меня поймут и осудят. Друзья могут не понять, подчиненные подумать, что я начал совсем сходить с ума, близкие и родственники тоже начнут задавать много вопросов. Но по факту, без моих выдумок, когда я, преодолев страх, просто нажал на кнопку опубликовать, увидел либо никакую, либо положительную реакцию поддержки. Я увидел, желание понравится всем, и оно, скорее всего, вызывало у меня страх, не понравится кому-то. Понравится, нужно самому себе и мне помогают в этом социальные сети. Делаю через страх, пишу, фотографирую и нажимаю кнопку опубликовать, и тогда страх уходит. Сейчас волнения практически нет, но иногда, ещё бывает. Буду продолжать работать над собой.»

Екатерина Яранова, руководитель йога-студии «Янтра», г. Пермь.

«Раньше я пользовалась социальными сетями для общения с людьми категории «хлам» и читала ненужные мне “текстички”. Со временем во мне произошли изменения. И я стала использовать социальные сети, в частности, страницу в “ВКонтакте”, для переписки с нужными мне людьми и привлечения клиентов. Моя личная страница в “ВКонтакте” превратилась практически в дневниковые записи.»

«Когда-то давно, еще в детстве и подростковом возрасте, я чувствовала потребность писать. Я писала на обрывках бумаги, в альбоме, в тетради. Попыталась вести дневник. Но множество раз мои записи находили (мама и даже бывший муж). Либо поднимали на смех, либо стыдили, либо ужасались. У меня какой-то страх перед ведением дневника. Я даже сейчас покупаю себе тетрадь/блокнот для дневника и делаю что угодно, но не дневник. Страх есть до сих пор.»

«Зато я стала проявляться в социальных сетях, в “ВКонтакте”. Пишу «лепехи» уже давно, так называются мои посты. Последнее время многие люди, которые никаких следов своего прочтения не оставляют, потом при личной встрече говорят, что читают меня. Многие говорят, что мои тексты вдохновляют. Некоторые косятся странно, но до них мне нет дела.»

«Читают бывшие коллеги, клиенты, настоящие коллеги, родственники, знакомые, хлам и не хлам... Из последнего: я пошла за овощами в наш магазинчик у дома. Продавец Азад: “Вы тренер, оказываетесь?” Я: “Как вы узнали?” Он: “Я вас читаю”».

«Я беру мысль, самую яркую, самую актуальную на сейчас, и описываю ее. В процессе мне кажется, что ерунда какая-то. Но читаю через месяц / год текст, и думаю: неужели это я написала??? Ого!»

«Люблю свою страницу в “ВКонтакте”! Больше не закрываю комментарии, не меняю фамилию, не убираю фото. И почти не боюсь.»

Прогресс не стоит на месте. Социальные сети основаны на связях, и на них сейчас держится весь современный мир. Социальные сети удовлетворяют потребности человека, особенно самую главную – это потребность в признании, и потребность в общении. Пространство сетевого взаимодействия является важным фактором социализации современного человека. Сетевое общение носит полифункциональный характер, позволяющий удовлетворить широкий круг потребностей в соответствии с гендерными и возрастными особенностями.

Невозможно точно оценить собственные знания в любой области, не общаясь с другими людьми. Успех в карьере и бизнесе зависит от обмена мыслями и идеями. Раньше с этим возникали проблемы, но социальные сети создали идеальные условия для этого. Полагаем, рост, следует правильно пользоваться преимуществами социальных сетей, и направлять их на развитие и раскрытие новых граней своей личности. Ведь только тогда человек становится счастливым и свободным.

Литература

1. Абдуллаева Р. А. Анализ влияния социальных сетей на современную жизнь современного общества // Международный научный журнал прикладных и фундаментальных исследований, 2015. №9 (часть 3). С. 542–546.
2. Дзен // Что такое социальная сеть «ВКонтакте». Режим доступа: <https://dzen.ru/help/monetization/native-ads>.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2019. 400 с. (Серия «Мастера психологии»)
4. Социальные сети и их влияние на общество // Вики-портал образовательных ресурсов Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Режим доступа: http://wiki.vspu.ru/users/demidok/social_networking_service_index.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ В 2022 ГОДУ

Уважаемые коллеги, дорогие читатели! Так случилось, что текущий год выдался богатым на различные юбилейные дни рождения представителей ярославской психологии. Особую роль в этом приятном стечении обстоятельств играет, безусловно, первый выпуск факультета психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова, чьи студенты в прошлом, а ныне известные и заслуженные специалисты в различных психологических направлениях отмечают юбилеи. Вместе с тем, в этой же – специальной рубрике, разумеется, нельзя не вспомнить и о наших ушедших коллегах. Материалы о них представлены во второй части раздела.

К Юбилею Светланы Николаевны Батраковой

Человек не может по-настоящему совершенствоваться, если не помогает совершенствоваться другим.

Ч. Диккенс

В этих словах Ч. Диккенса четко сформулирована миссия нашей кафедры, имеющей более, чем сорокалетнюю историю, значительная часть которой неразрывно связана с творческой деятельностью Светланы Николаевны Батраковой.

Первоначально С. Н. Батракова работала на кафедре общей психологии. Здесь работали высокопрофессиональные психологи М. С. Роговин, Л. П. Урванцев, Ю. К. Корнилов, Н. М. Крюков, С. И. Ерина, а также выпускники факультета психологии А. А. Смирнов, А. В. Панкратов, С. Б. Боброва, В. А. Мазилев. Заведующим кафедрой был Н. П. Ерастов.

Именно Николаем Павловичем Ерастовым – известным российским психологом, талантливым педагогом, профессором, доктором психологических наук была создана кафедра педагогики и педагогической психологии 9 сентября 1977 года. В короткий срок ему удалось собрать коллектив

целеустремленных, добросовестных и ответственных преподавателей и, что немаловажно, создать на кафедре традицию дружески-деловых отношений доверия, взаимоуважения и взаимопомощи, которую все преподаватели кафедры высоко ценят и сохраняют на протяжении многих лет. Профессором Н. П. Ерастовым был определен и, это главное, – вектор творческого развития кафедры в целом и каждого ее сотрудника. Творческое развитие выражалось в стремлении повышать свой научно-теоретический уровень, совершенствовать педагогическое мастерство и одновременно систематически и плодотворно заниматься научно-исследовательской работой.

Личность Николая Павловича определяла атмосферу на кафедре и стиль взаимоотношений в коллективе. Он являлся самобытным и продуктивным ученым, превосходным лектором, а также прекрасным организатором. Николай Павлович был замечательным человеком: скромным, внимательным, доброжелательным, ценящим других людей. Его советы, мягкие замечания и рекомендации всегда были удивительно точны, своевременны и эффективны. Н. П. Ерастову удалось создать сплоченный и работоспособный коллектив. На кафедре в то время работали Н. П. Фетискин, Н. И. Курочкин, А. А. Смирнов, В. А. Мазилев, А. А. Яшина. В мае 1978 года в аспирантуру поступила Т. Б. Венцова (Климина), которая влилась в коллектив кафедры на условиях почасовой оплаты. Лаборантом кафедры была И. Л. Дмитриева.

Жизнь кафедры была насыщена яркими и запоминающимися событиями: научные конференции и многочисленные научные дискуссии, работа по хоздоговорам, научные кружки, поездки в инструктивный лагерь и незабываемые дни Летней психологической школы в университетском спортлагере на Улейме.

Проблематика, которую внес в ярославскую психологию Н. П. Ерастов (исследования мышления в деятельности, психология общения, психологический анализ деятельности в целях ее рационализации), безусловно, продолжает оставаться предметом исследований современных психологов.

В 1980 году профессор Н. П. Ерастов был приглашен на работу в Москву, в Академию общественных наук при ЦК КПСС, и в качестве заведующей кафедрой была избрана Ученым советом университета доцент, кандидат педагогических наук Светлана Николаевна Батракова, которая в последующее время переизбиралась на эту должность в течение 25 лет.

За годы своей работы на кафедре Светлана Николаевна была награждена медалью за трудовое отличие, получила звания Почётного преподавателя ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации. Главные научные интересы Светланы Николаевны были сконцентрированы в очень важной области: культурологические основания и эстетические аспекты образовательного процесса. Светлана Николаевна была организатором трех областных межвузовских конференций 1985, 1987, 1989 гг. Под ее руководством были изданы много-

численные межвузовские тематические сборники. Она – автор более 70 научных публикаций, в том числе имеет 8 публикаций в центральных журналах: «Педагогика» (3 публикации), «Alma Mater (Вестник Высшей школы)» (1 публикация), «Высшее образование в России» (3 публикации), «Мир психологии» (1 публикация). Светлана Николаевна до сих пор является примером очень отзывчивого и доброго человека. Она всегда пользовалась заслуженным уважением, как сотрудников кафедры, так и всего факультета в целом.

Первые пять лет своей работы кафедра выполняла, главным образом, учебную нагрузку, связанную с психолого-педагогической подготовкой студентов на четырех факультетах (физическом, историческом, биологическом и математическом), и в этом смысле у нее был статус межфакультетской. Одновременно в учебный план кафедры входили несколько дисциплин факультета психологии (педагогическая психология, возрастная психология, методы исследования личности школьника и классного коллектива, психология общения, педагогика и логика), а также руководство дипломными и курсовыми работами и практикой студентов.

В качестве межфакультетской кафедра выполняла объемную нагрузку, включающую дисциплины психолого-педагогического цикла, разрабатывала и вела спецкурсы («Педагогические основы общения», «Методика воспитательной работы», «Педагогическое мастерство») и методические рекомендации по ним в помощь студентам. Большое место в указанной работе занимало руководство летней педагогической практикой, организованной непосредственно в учебное время.

Оценивая высокий профессиональный уровень учебно-воспитательной работы со студентами, руководство университета (в рамках популярных в то время соревнований) неоднократно выделяло кафедру и присуждало ей первое место среди межфакультетских кафедр.

В 1983 году кафедра педагогики и педагогической психологии была введена в состав факультета психологии с сохранением ее основной направленности на психолого-педагогическую подготовку студентов, и в то время, пока еще не имеющей статуса специализирующей. В 1987 году по инициативе кафедры и по согласованию с областным отделом народного образования была открыта новая специализация – педагогическая психология, практична одна из первых в то время в стране, инициатором которой выступил Н. И. Курочкин. Затем аналогичная специализация была открыта в МГУ им. М. В. Ломоносова и Ленинградском государственном университете.

Высокий научно-методический потенциал преподавателей факультета нашел свое отражение в эффективной организации учебного процесса, использовании нетрадиционных форм обучения, совершенствовании межсессионного и сессионного контроля знаний. Реальной оценкой этого потенциала факультета явилось то, что Научно-методический Совет университета возглавил профессор факультета Леонид Петрович Урванцев. Кроме него в состав Совета вошли доцент кафедры педагогической психологии С. Н. Батракова и доцент кафедры социальной психологии С. И. Ерина. Это, безусловно, свидетельствует о значимом статусе преподавателей факультета в масштабе учебной деятельности всего университета.

Факультет психологии, по существу, являлся своеобразным «поставщиком» новейшего методического опыта, который обобщался в УМК других факультетов и внедрялся в учебный процесс. Однако демократические традиции факультета, высокая личная ответственность Л. П. Урванцева обеспечивали и активные обратные связи. Поэтому факультет всегда был открыт и для новаторских предложений со стороны других факультетов и структур университета. Этот период отличался активной и единой методической политикой университета в целом, в чем, разумеется, немалая заслуга факультета и Л. П. Урванцева лично.

Активная жизнь факультета проявлялась в постоянных новациях, как в области науки, так и учебной практики. К 1990-м годам на факультете психологии была создана сильная и авторитетная научная школа, у истоков которой стояли профессора В. С. Филатов и Н. П. Ерастов. Важную роль в дальнейшем развитии Ярославской психологической школы сыграла научная деятельность В. Д. Шадрикова, М. С. Роговина, В. В. Новикова, Ю. К. Корнилова, А. В. Карпова, И. Ю. Мышкина, С. Н. Батраковой, Л. П. Урванцева и др.

Светлана Николаевна уделяла пристальное внимание научному анализу целостному педагогическому процессу, который представляет, по ее мнению, сложную дифференцированную систему, функционирующую в общественной жизни на всех уровнях ее существования и развития. Это система разнокачественного, разнонаправленного и различного образом организованного взаимодействия людей, групп, общностей различного типа. Сущность целостного педагогического процесса – не его институциональная оформленность (она всегда различна), не его организационные принципы (они различны в зависимости от сферы осуществления) и не специально подготовленные люди и программы этого процесса (они тоже различны и зависят от сущностного проявления социума) и т.п. Сущностью этого

процесса является образование личности. Образование личности является одновременно сущностью, содержанием и «целью» целостного педагогического процесса. Поэтому, говоря о педагогическом процессе как предмете педагогики, Светлана Николаевна особо подчеркивает его сущность и содержание, а не те или иные формы его осуществления (меняющиеся в зависимости от условия проявления сущности) образования личности. Под образованием личности понимается становление человека личностью, процесс формирования личности, совершенствование, процесс, который никогда не завершается. Процесс образования личности является и может являться, подчеркивает Светлана Николаевна только самоцелью, и только в этом случае он будет иметь общественное значение и смысл.

В своих научных исследованиях Светлана Николаевна стремилась обосновать, каким образом содержание учебного процесса и учебной деятельности в том числе, должно быть полностью подчинено формированию личности. И процесс воспитания и образования – это процесс воспитания и образования личности. В связи с этим она предлагает говорить лишь об образовании личности, понимая под образованием и воспитание, и обучение и, в целом, формирование личности. Все это вместе взятое и есть образование личности.

Сама Светлана Николаевна рассказывает о себе так: «Свою молодость я провела в Барнауле, работала в Барнаульском педагогическом институте. Пришло время защищать кандидатскую диссертацию, а для защиты диссертации необходимо, чтобы на автореферат написали несколько положительных отзывов. Мне посоветовали обратиться к заведующему кафедрой педагогики психологического факультета Ярославского государственного университета Ерастову Николаю Павловичу. Тогда я позвонила в Ярославль. Николай Павлович согласился написать рецензию. Ему понравилась моя работа, и он пригласил меня работать преподавателем педагогики. В 1978 году я переехала в Ярославль. Я благодарна Николаю Павловичу не только за то, что он пригласил меня, но и помог освоиться в новом городе. На собеседовании он попросил показать характеристику с прошлого места работы. В Барнауле отпускать меня не хотели, поэтому характеристику написали более чем скромную. Он сразу это заметил и сказал, что это и есть лучшая характеристика. Через два года его пригласили работать в Москву, а я заняла его должность, стала заведующей кафедрой и проработала на этом посту 25 лет. Это было поистине большое событие в моей жизни, за которое я хочу сказать Ерастову Николаю Павловичу спасибо!»

Светлана Николаевна Батракова невероятно щедрый, мудрый и светлый человек. Совсем недавно она подарила кафедре педагогики и педагогической психологии и преподавателям и студентам факультета психологии свою многогранную коллекцию настоящих сокровищ – это ее книги. Произведения совершенно разных жанров, стилей, писателей и поэтов, что подчеркивает ее глубину интересов. Начиная от фундаментальной научной литературы, заканчивая известными классиками поэзии. Можно найти книгу по душе, и тем самым ощутить родство с ней. Мы крайне благодарны за такой подарок для нас. Она всегда думает о кафедре и хорошо заботится о ней.

Научно-педагогические взгляды Светланы Николаевны сохранили актуальность. В настоящее время на кафедре осуществляется активная научно-педагогическая деятельность, в существенной мере основанная на аксиологических положениях, описанных в её работах. Традиции, заложенные ею в жизнедеятельности кафедры, соблюдаются, приумножаются и воплощаются как в педагогической деятельности, так и в монографиях, учебных пособиях, учебниках, изданных в центральных российских издательствах.

*Доктор психологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
педагогики и педагогической психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

М. М. Кашапов

*Стажер кафедры
педагогики и педагогической психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

Е. В. Соловьева

К Юбилею Татьяны Борисовны Венцовой

Венцова (Климина) Татьяна Борисовна связала свою жизнь с нашим факультетом, поступив в аспирантуру к Ерастову Николаю Павловичу сорок пять лет назад. После работы в других вузах страны и защиты кандидатской диссертации вернулась на факультет, на кафедру педагогики и педагогической психологии и успешно проработала с нами четверть века. Татьяна Борисовна стала одним из ведущих преподавателей кафедры, успешно занималась практической работой как психолог, руководила аспирантами. Коллеги ценили ее за доброжелательность, скромность, компетентность и множество других достоинств.

Предлагаем Вашему вниманию интервью, которое она дала Елизавете Соловьевой.

Ты понял жизни цель: счастливый человек... Для жизни ты живешь!
А. С. Пушкин

Просим Вас познакомиться с глубоким интервью, связанным с жизнью кафедры, а также с интересным и уникальным творческим самобытным путем Психолога, Преподавателя, Педагога, стаж работы которого по специальности более сорока лет! Важно иметь ориентиры в своем профессиональном выборе, и понимать, можно ли отдать своему делу всю жизнь и не пожалеть об этом. Сегодня Вы убедитесь, что Психология и Педагогика того стоят! Благодаря душевности, пронзительности и благодарности своим коллегам Татьяны Борисовны Венцовой! Она не просто прекрасный психолог, но и математик! (Так что мифы про психологов-гуманитариев – ложь). Она не просто мечтала в школе быть преподавателем психологии, но и осуществила мечту с блеском. Защитила кандидатскую диссертацию в МГУ, причем единогласно. И многое другое. Читайте, и найдите вдохновение для себя!

Татьяна Борисовна Венцова, кандидат психологических наук, доцент, заведующая Лабораторией профессионального и личностного развития. Автор 102 публикаций. Стаж работы на кафедре ЯрГУ – 25 лет и 15 лет на кафедре психологии в других вузах.

1. Начнем с легкого вопроса: В чем смысл жизни?

Смысл жизни в самой жизни, если правильно понимать ее полноту, возвышенность, цель.

2. Когда Вы вспоминаете кафедру: какие слова приходят в голову в первую очередь?

Поддержка, опора, благополучие.

3. Расскажите: почему именно кафедра педагогики и педагогической психологии? Помните, как совершили этот выбор?

Почему эта кафедра? В студенческие годы все курсовые и выпускную дипломную работу я писала под руководством Н.П. Ерастова. Он стал позднее первым заведующим кафедрой педагогики и педагогической психологии ЯрГУ и, потупив в аспирантуру, я продолжила работать под его руководством. Это был незаурядный ученый, блестящий лектор, педагог. Лекции Николая Павловича по психологии не могли не увлечь студентов. Это образец психологического воздействия на слушателей: безупречная логика, эмоциональная насыщенность, увлеченность. Более всего восхищала психологическая пронзительность Николая Павловича в жизни, в общении. Он необыкновенно тонко чувствовал и понимал собеседника.

4. *Вы имеете фундаментальное, базовое образование по математике. Помогла ли Вам математика познать психологию? Или, может, даже психология математику?*

Здесь надо пояснить. Я планировала после школы поступать на факультет психологии МГУ, где для медалистов основной экзамен – математика, которой я усиленно занималась, готовясь к поступлению в МГУ. Но произошло непредвиденное. В год моего выпуска впервые медали утверждали в области. Я оказалась в числе неутвержденных.

Поступать в МГУ и сдавать еще историю и биологию не решилась, тогда там был высокий конкурс. Пришлось с моей математической подготовкой поступать на физмат пединститута. Кстати, уже тогда ходили слухи, что пединститут преобразуют в Ярославский университет, и там будем факультет психологии. Это и определило мой выбор вуза. Но интерес к психологии не исчез. Первые мои работы, первые еще студенческие публикации посвящены психолого-педагогическим проблемам обучения решению алгебраических задач. При выпуске вместо госэкзамена я защищала дипломную работу по этой проблематике под руководством Н. П. Ерастова и кафедра психологии пединститута дала мне рекомендацию в аспирантуру. Н. П. Ерастов вскоре перешел работать в ЯрГУ и я поступила к нему в аспирантуру.

5. *Как Вы решили стать преподавателем? Всегда хотели им быть или какое-то событие в жизни стало путеводным для Вас?*

Еще в школьные годы, я мечтала стать преподавателем психологии.

6. *Если бы Вам можно было вернуться в прошлое, и сказать себе в юности только один совет – какой бы он был?*

Возможно, надо было попробовать поступать на факультет психологии.

7. *Вы когда-нибудь пожалели, что оказались на кафедре педагогики и педагогической психологии?*

Нет, никогда. Я после аспирантуры по распределению работала на кафедре психологии Ивановского университета и позднее в филиале Московского университета в Ульяновске. Но через 15 лет работы в двух очень хороших вузах вернулась на свою кафедру!

8. *Вы помните своего первого, и, возможно, не только по времени, но и по значимости, научного руководителя?*

Я уже отмечала, что в студенческие годы у меня был руководителем Н. П. Ерастов, который так и остался в аспирантуре. Только через год моего аспирантского срока он перешел на работу в другой вуз, в Москве (АОН при ЦК КПСС), поэтому выпускала меня кафедра психологии труда, возглавляемая В. Д. Шадриковым. И защищала я кандидатскую диссертацию по психологии труда 19.00.03 в Московском университете. Как научный руководитель работу подписал все же Н. П. Ерастов. Но это необходимые формальности, фактически я работала самостоятельно. По просьбе Н. П. Ерастова меня заслушали на кафедре психологии труда факультета психологии МГУ, и я очень благодарна Е. А. Климову, который тогда заведовал кафедрой за внимание к моей работе. После первого обсуждения работу внимательно прочитала Е. М. Иванова, преподаватель кафедры. Ее доброжелательность и ценные замечания дали мне силы для окончания работы и повторного обсуждения через месяц.

В результате в феврале 1984 года я защитилась (единогласно!).

И это в МГУ. Вот эти люди, фамилии которых здесь отмечены, значимы для меня и в научном, профессиональном, и в человеческом плане. Моя глубокая благодарность им!

9. *Чтобы Вы хотели пожелать студентам нашего факультета, нашей кафедры?*

Студентам пожелаю: дерзать, думать, хотеть, смель и достигать!

10. *И крайний, шуточный вопрос. Если бы был выбор между вечной жизнью, богатствами всего мира и психологией: почему бы Вы выбрали психологию?*

Психология как наука о душе – это и душа, и богатство, потому что интереснее человека, богатства его внутреннего мира нет ничего.

Мы полностью согласны с Татьяной Борисовной, и благодарим ее за столь вдохновляющее интервью, которое наполняет верой в то, что все возможно!

Желаем Татьяне Борисовне благополучия, взаимной признательности, любви.

*Кандидат психологических наук,
доцент кафедры педагогики
и педагогической психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

А. А. Смирнов

*Стажер кафедры педагогики
и педагогической психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

Е. В. Соловьева

К Юбилею Елены Васильевны Драпак

О Елене Васильевне Драпак можно говорить только с Любовью, испытывая чувство глубокого уважения. Мы вместе поступили в университет, не очень понимая, что такое психология, какое профессиональное будущее нас ждет. Вместе с огромным интересом слушали лекции М. С. Роговина, Г. Е. Сабурова, Л. П. Урванцева, Ю. К. Корнилова. С уважением и некоторой дерзостью слушали и вступали в полемику с молодыми преподавателями: В. Л. Шкаликовым, А. Л. Журавлевым, С. Б. Корниловой, Н. И Курочкиным, А. А. Смирновым. И конечно, жили настоящей студенческой жизнью: ездили в колхоз, организовывали интересные мероприятия (спектакли, посиделки на квартирах – съемных и родительских, обсуждая фильмы и книги, читали стихи, слушали музыку, мечтали...).

Елена Васильевна закончила университет в 1980 году. Более 40 лет она работает на факультете психологии.

После окончания вуза и обязательной 3-х летней отработки вернулась в Ярославль и начала работать

в университете – сначала на кафедре общей психологии, затем на кафедре педагогики и педагогической психологии. После создания кафедры консультационной психологии начала на ней работать, что и делает по настоящее время. Как говорит Елена Васильевна – с большим удовольствием!

Диссертацию защитила по проблеме проявления направленности личности при решении практических задач. Путь в науку у Елены Васильевны начался с сотрудничества с Леонидом Петровичем Урванцевым. Он, будучи руководителем курсовых работ и дипломной работы, на длительный период определил интерес к исследовательской деятельности. Елена Васильевна говорит о сохранившемся по сей день чувстве благодарности за совместную работу, в которой поддерживались и парадоксальная, и тривиальная, и наивная идея.

Большой отрезок профессионального пути пройден с Юрием Константиновичем Корниловым. Он для Елены Васильевны не просто учитель, он – человек, который задал вектор жизни, пригласив на работу в университет, поддержав при написании диссертации, помогая сохранить веру в себя, интерес к теме «Мышление в практике» и в целом к психологии. Этот интерес «в целом к психологии» у Елены Васильевны в разные годы конкретизировался в изучение проблемы детской агрессивности, управления конфликтом, психологического благополучия.

Студенты с большим интересом участвуют в занятиях, которые она ведет. Выпускники вспоминают ее пылкий ум, умение увидеть неочевидное в очевидном, способность ярко и увлеченно вести дискуссию.

Большое значение для преподавательской деятельности имела практика, которой за эти годы было немало – предприятия (после окончания университета трудилась на заводе в г. Александрове, где встретились выпускники ЯрГУ и МГУ). Огромный опыт был получен во время работы на Угличском часовом заводе, с которым у университета был по хоздоговор. Там разрабатывались и реализовывались методики управления персоналом – отбор, обучение, продвижение, сопровождение руководителей разного уровня управления.

Благодаря Драпак Е.В. магистральным направлением научной работы кафедры консультационной психологии стали темы психологического благополучия и позитивной психологии.

Елена Васильевна руководит научно-методическим Советом факультета и входит в состав методического Совета университета. Сколько значимых вопросов было инициировано для обсуждения с ее подачи: качество и методы подготовки психологов, критерии оценки выпускных квалификационных работ, роль преподавателя в образовательном процессе, дистантное обучение и его преимущества и др.

В настоящее время Е. В. Драпак является членом Региональной Ассоциации психологов консультантов, участвует в проектах, обеспечивает методическую поддержку реализуемых проектов.

И еще, Е. В. Драпак – любящая дочь и мать! Прекрасный сын Степан, крупный специалист в IT-технологиях, преданный семье. Мама, которая не устает благодарить дочь за душевность, доброту и доверительные отношения. А как поет Елена Васильевна... Заслушаешься!

Знаю, что коллеги с факультета с глубоким почтением относятся к Елене Васильевне.

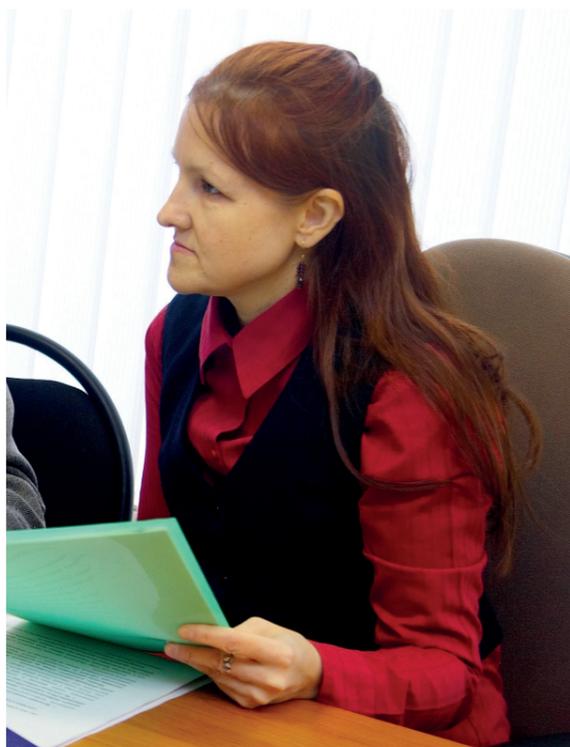
Для нас, преподавателей кафедры консультационной психологии, большая удача находиться в одном пространстве с Еленой Васильевной, которая полна новых научных идей, готова делиться с начинающими преподавателями своим педагогическими находками, при этом всегда с улыбкой, поддержкой и добротой!

Здоровья, профессиональных успехов и на долгие годы оставаться в дружной семье факультета психологии Демидовского университета.

*Доктор психологических наук, профессор,
заведующая кафедрой консультационной психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

Н. В. Клюева

О Раисе Артуровне Зубаировой

Вот уже более 30 лет Раиса Артуровна является бессменным ведущим документоведом кафедры педагогики и педагогической психологии нашего факультета. На ее активную деятельность пришлось разные годы, в том числе трудные годы реформирования системы высшего образования. Несмотря на все трудности, Раиса Артуровна всегда работает четко и качественно. Благодаря этому, преподаватели и студенты ощущают упорядоченность и ясность, как в рабочих, так и в учебных вопросах.

Раиса Артуровна добросовестно выполняет большой объем работы с различными документами, эффективно поддерживает связи с другими факультетами, на которых преподаватели кафедры выполняют свою межфакультетскую нагрузку, а также обеспечивает продуктивное взаимодействие с сотрудниками различных отделов и подразделений университета.

Раиса Артуровна – удивительный и очень разносторонний человек. Очень широк круг ее интересов и увлечений. Любопытная, чувствительная ко всему новому, она с удовольствием погружается в различные вопросы психологии, увлекается астрологией, любит путешествовать, придерживается системы здорового питания и даже сама выпекает хлеб.

Раиса Артуровна – очень добрый и душевно щедрый человек, преданный факультету. Она пользуется заслуженной любовью и симпатией коллег и студентов. Благодаря Раисе Артуровне, на кафедре всегда тепло и уютно. Она вырастила на кафедре настоящий зеленый парк, в котором много красивых растений. У неё всегда можно получить профессиональную деловую помощь и душевную поддержку. С Раисой Артуровной можно поделиться и своими личными проблемами. Она внимательно выслушает, поймет, даст мудрый совет.

Мы гордимся Раисой Артуровной и желаем ей крепкого здоровья, оптимизма, новых жизненных ресурсов! Желаем всегда оставаться такой же душевной, отзывчивой и внимательной, какой мы Вас знаем.

*Доцент кафедры педагогики и педагогической психологии,
заместитель декана факультета психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова
по профориентационной и внеучебной работе*

М. В. Башкин

Ко Дню рождения Светланы Ивановны Ериной

Сегодня от лица факультета психологии и кафедры социальной и политической психологии мы искренне поздравляем нашу коллегу Светлану Ивановну Ерину – кандидата психологических наук, доцента кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова, члена Российского психологического общества, члена-корреспондента Международной Академии психологических наук, с днем рождения.

Нам несказанно повезло, что в нашем коллективе на факультете психологии ЯрГУ еще с 1974 года начала работу замечательный педагог, прекрасный психолог, методист и талантливый ученый. Более 30 лет Светлана Ивановна занималась научно-педагогической деятельностью. С 1986 года Светлана Ивановна – доцент кафедры общей психологии, а с 1995 года – доцент кафедры социальной и политической психологии.

Круг научных интересов С. И. Ериной – это социальная психология, социальная психология управления, конфликтология, психология конфликтного взаимодействия,

ролевые конфликты, психология семейных отношений, политическая психология, социальная психология личности, малых групп, больших общностей. В 1982 г. защитила диссертацию по теме «Ролевой конфликт в деятельности руководителя первичного производственного коллектива» в диссертационном совете при Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова. Светлана Ивановна является автором более 200 публикаций, в том числе известных учебных пособий, таких как «Изучение руководителя на производстве» (1984), «Ролевой конфликт в деятельности сержантов курсантских подразделений ВВУЗов» (2000), «Ролевой конфликт и его диагностика в деятельности руководителя» (2000), «Общение в организациях» (2001), «Психология работы с населением в ситуации конфликта» (2005, гриф УМО), и соавтором пяти коллективных монографий по проблемам предпринимательства, а также политического и социально-экономического поведения молодежи Ярославского региона. Была руководителем гранта с Кассельским университетом (Германия) по проблемам молодежи. Светлана Ивановна руководила научным направлением по разработке проблемы ролевых конфликтов в профессиональной деятельности и социальном поведении человека. Была постоянным участником семинаров по конфликтам и их регулированию в деятельности руководителей и специалистов государственных и муниципальных образований г. Ярославля и Ярославской области. Ею разработана и внедрена образовательная технология по разрешению конфликтов в работе с государственными и муниципальными служащими. С. И. Ерина награждена Почетной грамотой губернатора Ярославской области за большой вклад в реализацию государственной политики в области высшего и послевузовского профессионального образования, подготовку кадров для органов государственной власти и органов местного самоуправления области. Стоит отдельно отметить заслуги С. И. Ериной и в деле развития отечественной психологической науки, подготовки и воспитания молодых научных кадров. Под научным руководством С. И. Ериной было защищено 15 диссертаций. Ее ученики, кандидаты психологических наук, в настоящее время работают в различных вузах России и ближнего зарубежья. В течение 15 лет являлась сначала секретарем, а затем председателем научно-методической комиссии факультета психологии. Участвовала в организации и проведении научно-методических конференций факультета и университета, в организации конкурсов на звание «Лучший методист факультета».

Ее богатый психологический опыт, обширные знания, замечательные деловые и человеческие качества снискали заслуженный авторитет и уважение как среди преподавателей факультета, так и среди аспирантов и студентов. Она всегда много работала со студентами в научном и воспитательном планах, курировала работу со студентами, помогая им в профессиональном самоопределении.

Светлана Ивановна всегда вела большую просветительскую работу с населением, систематически читала лекции перед администрацией города и области. Участвовала в образовательных программах для различных организаций. Являлась внештатным сотрудником института сравнительных социальных

исследований (ЦЕССИ) г. Москва, входила в исследовательскую региональную группу при Аналитическом центре администрации Ярославской области.

Светлана Ивановна Ерина, по сути, была правой рукой и помощником профессора В. В. Новикова и выполняла обязанности заместителя заведующего кафедрой, а в 2010 возглавила кафедру социальной и политической психологии.

Мы, ее коллеги, искренне поздравляем Светлану Ивановну с юбилеем, и желаем ей здоровья, мира и добра, творческого вдохновения, теплых слов, внимания коллег, друзей, заботы родных и близких!

С глубоким уважением, коллеги,
сотрудники факультета психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова, ученики

Президент МАПН,
доктор психологических наук,
профессор кафедры социальной
и политической психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова

В. В. Козлов

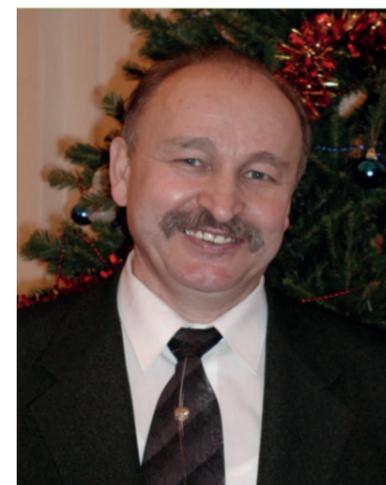
Кандидат психологических наук,
доцент кафедры социальной
и политической психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова

С. А. Трифонова

К Юбилею Сергея Михайловича Кашапова

Если бы мудрость имела свойство перетекать, как только мы прикоснемся друг к другу, из того, кто полон ею, к тому, кто пуст, как перетекает вода по шерстяной нитке из полного сосуда в пустой, если и с мудростью дело обстоит так же, я очень высоко ценю соседство с тобой: я думаю, что ты до краев наполнишь меня.

Платон. Пир.

Сергей Михайлович Кашапов вызывает неподдельное восхищение не только у коллег: других ученых, состоявшихся психологов, профессионалов, – но и у студентов. Чувства благоговения, уважения и особого трепета к его поступкам возникают по причине понятной для тех, кто знает Сергея Михайловича. Чем больше узнаешь его, тем больше убеждаешься в этом неоспоримом факте: Сергей Михайлович сам обладает теми качествами, о которых он говорит на своих занятиях.

Понятие «абнотивность» как принятие одаренного ученика, как способность раскрыть его творческий потенциал – многогранно представлена в личности именинника. Каждый ученик Сергея Михайловича чувствовал к себе доброжелательное отношение, которое помогает развиваться в профессиональной и личной сферах. Иногда достаточно одной меткой фразы наставника, чтобы мир ученика перевернулся, точка зрения изменилась, и появилось желание менять себя в лучшую сторону. «Все зависит от кочки зрения» (М. Горький) – говорит Сергей Михайлович, и сам не раз подтверждал истинность данной реплики. «Истина всегда конкретна, абстрактных истин нет» (Э. В. Ильенков) – продолжает он, и как в разговоре с Сократом, слушатель понимает, что обязательно найдет ответ на волнующий его вопрос. Он владеет умением вдохновлять, направлять, поддерживать очень многих людей, быть для них наставником, Учителем. Сергей Михайлович в своем интервью рассказал, что его Учитель М. С. Роговин открыл ему истину, что можно смотреть, но *не видеть*, слушать, но *не слышать*... Поэтому теперь от взгляда Сергея Михайловича невозможно утаить истину, кажется, что он видит человека насквозь, видит самую суть – его душу. Кажется, что он видит даже то, что сам человек в себе еще не раскрыл, и это умение как раз раскрывает новые возможности, грани таланта студента. А главное, заключается в том, что эта черта в Сергее Михайловиче неиссякаема в своем проявлении, он абнотивен как педагог совершенно бескорыстно. Девизом кафедры он считает высказывание: «Человек не может по-настоящему совершенствоваться, если не помогает совершенствоваться другим» (Ч. Диккенс). Мы понимаем, что это не в меньшей степени девиз самого Сергея Михайловича.

Кроме абнотивности, Сергей Михайлович вводит в научный оборот понятие «надситуативность мышления». Для того, чтобы полнее эксплицировать данное понятие, лучшим примером личности с высокой, конструктивной надситуативностью мышления является сам Сергей Михайлович. «Мудрый человек – дальновидный» – произносит он, и мы понимаем, что автор высказывания тоже видит дальше и больше других. «Если я и видел дальше других, то только от того, что стоял на плечах гигантов» – Сергей Михайлович ссылается на глубокий афоризм, авторство которого трудно определить, скорее всего, принадлежит Бернару Шартрскому. В силу драгоценной скромности, искренней доброты и желания совершенствоваться непрестанно, Сергей Михайлович не признает в себе невероятную пронциательность. Но его ученики регулярно замечают его точные прогнозы, умение предвосхищать события, управлять неопределенностью. Он чутко чувствует изменения даже малейших элементов системы, и тем самым детали складываются в общую картину, которую с высоты его видения, можно обозревать целиком. «Из мелочей складывается Великое, а Великое – это не мелочь» – только человек, понимающий важность надситуативного мышления, знает ценность этой фразы Микеланджело. Часто ученики просят о помощи Сергея Михайловича, когда не справляются с трудными жизненными ситуациями. Но достаточно одной цепкой фразы Сергея Михайловича, которая как крючок вытаскивает детали события, и вот нить размышлений выводит из погружения в ситуацию, когда видно проблему как бы сна-

ружи. Со стороны, но на одной стороне с Сергеем Михайловичем, лучше видно способы разрешения конфликта и любой задачи.

Сергей Михайлович отличается высокой степенью развития еще одного психологического конструкта мышления, его Событийностью. Событийность мышления заключается в нахождении ценностных смыслов ситуации, и превращении ее из обыденного случая в событие, наделенным значимым эффектом – точкой бифуркации – перехода. Неоднократно Сергей Михайлович нас учил и показывал на своем примере важность событий в жизни. Даже негативные и трудные жизненные события, могут быть той духовной опорой, которая поможет вырасти, взлететь, идти вперед. Он формирует ценную убежденность, произнося философскую фразу: «Нужно опираться на то, что сопротивляется» – и мы видим, что даже сложные обстоятельства не смогут сломить человека. Внутренняя опора, которая чувствуется в нем, это духовность, которая направлена на позитивное созидание. Сергей Михайлович сам видит в мелочах – Великое, в людях – потенциал, в ситуациях – события, и это лучше всего обучает и воспитывает его учеников. Он демонстрирует это на своем многогранном опыте, в своих поступках, в своей судьбе. А секрет успеха простой, Сергей Михайлович не скрывает и говорит его: «Человек любит то, во что душу вкладывает».

Помогает справляться с жизненными трудностями качество, которое носит запоминающее название «отпористость». Сергей Михайлович объясняет это как умение постоять за себя, дать отпор. Часто можно услышать от него уместный принцип: «Правило номер семь – ссылка на авторитеты» – Сергей Михайлович придумал более 30 правил, как умело отвечать на сложные, даже неудобные вопросы. Он не просто сам владеет этими техниками в совершенстве, но и учит своих учеников. Организованные им в 1995 году (в это время он начал в качестве исполнительного директора активно заниматься созданием Ярославского регионального отделения Российского психологического общества, на что у него ушло 3 года вплоть до проведения в Ярославле II съезда РПО) кафедральные теоретические семинары в достаточной мере помогают сформировать важные компетенции. Именно на этих дополнительных открытых занятиях студенты развивают свою отпористость, чтобы выходить из тупика, находить оригинальные творческие ответы. На этих семинарах выступали выдающиеся ученые, такие как В. Д. Шадриков, Д. Б. Богоявленская, М. А. Холодная, В. И. Панов, В. В. Знаков, В. Н. Дружинин, А. А. Мелик-Пашаев, А. О. Прохоров, Е. А. Сергиенко, Л. В. Куликов, А. И. Савенков, А. Н. Гусев, В. П. Позняков и многие-многие другие. Благодаря подобным урокам, можно увидеть примеры глубоких, метких вопросов, которые заставляют задуматься. Но еще важнее увидеть техники ответов, и умение выйти с победой и защититься. «Чаще не благодаря, а вопреки обстоятельствам» – говорит Сергей Михайлович, и он подтверждает, что можно прийти к своей цели. Он достиг множества целей. Именно он способствовал появлению и созданию журнала «Ярославский психологический Вестник» и долгое время был его главным редактором (1998–2007 гг.). За этот период было издано 25 номеров Вестника. Сергей Михайлович является обладателем Медали «Ветеран труда» (2002), Медали Международной академии психологических наук (2002). Он награжден Орденом Международной академии психологических наук «За заслуги в психологии» (2012); Почетным Знаком Международной Академии Психологических наук за значимый вклад в развитие науки (2012); Памятной медалью «75 лет Санкт-Петербуржскому военному ордену Жукова институту войск национальной гвардии Российской Федерации» (2020) и Знаком особого отличия «За служение науке» III степени (UK Academy of Education, London, № 239 от 16 марта 2020). Эти награды и множество других – несомненно, не могут не восхищать его результативностью и целеустремленностью.

Отпористость, безусловно, связана с другим важным качеством Сергея Михайловича – креативностью, или как он иногда называет «творческойостью». «Сколько будет два плюс два?» – задает вопрос в аудитории он. На такой, казалось бы, банальный вопрос знают ответ все, поэтому кто-то отвечает. Сергей Михайлович переспрашивает: «Вы сказали, что четыре? Я беру пипетку, делаю из нее две капли на стол и еще две в одну точку. Сколько капель теперь на столе?». Задачи на творческое мышление, которые отличаются нестандартностью, умением посмотреть иначе, найти множество новых решений – любимые средства развития студентов у Сергея Михайловича. Его способность к дивергентному мышлению не может не восхищать. Когда студент просит привести примеры, он отвечает: «Какое твое любимое число?», предположим, что студент отвечает «13», на что Сергей Михайлович продолжит так: «Тогда я приведу 13 примеров». И на самом деле приводит! Сергея Михайловича можно слушать часами, его речь богата метафорами, притчами, рассказами и уместными шутками. Он умеет найти подход к собеседнику, будь это академик или первокурсник. И при этом не возникает впечатления, что он подстраивается, Сергей Михайлович остается собой.

Умение быть гибким, мудрым, и при этом сохранять свою позицию, Сергей Михайлович называет термином «конфликтная компетентность». «Мы посоветовались, и я решил» – неизменно шутит Сергей

Михайлович. Но на самом деле Сергей Михайлович как заведующий кафедрой с 2006 года принимает решения в совете со своими коллегами. «Один за всех, и все за одного» – мушкетерский принцип одобряют преподаватели его кафедры педагогики и педагогической психологии. Он создает атмосферу благожелательности, доброты, значимости каждого сотрудника. Сергей Михайлович не решает конфликты, он их предотвращает заранее. В этом симбиозе качеств рождается определенная одаренность, которая давно преобразовалась в талант Сергея Михайловича настоящего, цельного психолога и педагога.

Кроме психологии, Сергей Михайлович успешно развивает акмеологию. И снова является человеком, который наиболее ярко представляет развитие этого феномена, в данном случае «акме». Сергей Михайлович покорил множество вершин. Приведем лишь некоторые из них: им написано и опубликовано более 900 статей; он награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» за заслуги в области образования (2003); имеет почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (2011).

Сергей Михайлович ведет большую и разнообразную научно-организационную работу. Под его научным руководством защищено 34 кандидатских и 2 докторских диссертации. Им оппонировано более 90 кандидатских и более 20 докторских диссертаций. Руководил и руководит более 20 научными грантами РГНФ, РФФИ и РНФ. Мы уверены, что Сергея Михайловича ожидают и последующие акме-события.

Но самым важным качеством, которое дополняет предыдущие, это ресурсность мышления Сергея Михайловича. Ресурсность как свойство мышления способствует нахождению новых экономических способов решения мыслительных задач, сохранения своих резервов личности. Любой ученик, который знаком с Сергеем Михайловичем, знает о его впечатляющей работоспособности. Он справляется с огромным количеством задач, вызовов, трудностей с высокой эффективностью. Складывается впечатление, что нет задачи, которую бы не решил Сергей Михайлович. В развитии ресурсности для своих учеников он напоминает о принципе активности: чем больше вкладываешь своих ресурсов, тем больше получаешь взамен. Студенты знают, что как преподаватель, он требователен, но при этом делает упор на том, что вклад своих времени и сил мы делаем не для него, а для своего будущего. Именно с этих занятий начинается важные уроки для студентов в их становлении как зрелой личности, которая способна принимать решения и справляться с дефицитами. Ресурсность мышления, на наш взгляд, заключается и в умении Сергея Михайловича не тратить свои ресурсы на негативные размышления. В сложных ситуациях он размышляет над выводами, над решением, над нахождением более уместного пути, тем самым, грамотно распределяет свои ресурсы.

Если и можно научиться мыслить надситуативно, ресурсно, абнотивно и событийно, то точно находясь рядом с Сергеем Михайловичем. Мы благодарны ему за то, что делится своей безграничной мудростью с нами. Если мудрость имеет свойство перетекать, то мы точно наполняемся ей.

*Кандидат психологических наук,
доцент кафедры педагогики
и педагогической психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

А. А. Смирнов

*Стажер кафедры педагогики
и педагогической психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

Е. В. Соловьева

Комета по имени ЗУБР. К 65-летию В. В. Козлова

Забываясь о счастье других, мы находим свое собственное
Платон

29 ноября 2022 года исполняется 65 лет со дня рождения Владимира Васильевича Козлова. В. В. Козлов президент Международной академии психологических наук, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и политической психологии. Много лет был заведующим кафедрой социальной и политической психологии, созданной его учителем В. В. Новиковым. Бессменный директор и организатор Международных конгрессов, которые уже не одно десятилетие ежегодно проходят на Ярославской земле. В. В. Козлов один из лидеров Ярославской психологической школы, представляющий в ней вектор, направленный в будущее, так как разрабатывает бурно развивающиеся направления: трансперсональную психологию и собственную версию интегративной психологии, которая позиционируется как всеохватывающая и наиболее универсальная. И в сфере академической психологии В. В. Козлов является признанным ученым, имеющим на сегодня самый высокий индекс Хирша среди ярославских психологов

(между прочим, это 27-ая позиция среди всех советских и российских психологов, а если учитывать только ныне живущих, то и вообще 19-ая) и второе место по числу цитирований (среди ярославцев).

Однако это лишь одна ипостась многогранной деятельности Владимира Васильевича. Он не только академический психолог, автор монографий и научных статей, учебников по социальной, гендерной, политической психологии, психологии управления, трансперсональной психологии, не только создатель авторских методик. В. В. Козлов известный и чрезвычайно популярный практик, тренинги и семинары которого проходят почти непрерывно с некоторыми небольшими паузами, причем происходит это в разных странах и часто на различных континентах. Вряд ли стоит специально подчеркивать, что каждый семинар или тренинг неповторим и уникален. Во время этих тренингов ведущего посещают мысли, откровения, творческие озарения... Как отмечает сам В. В. Козлов, он «более 40 лет занимается практической психологией и консультированием. Провел около 1000 семинаров и тренингов в 55 странах мира с участием более 33000 участников» (Козлов, 2023).

Про Владимира Васильевича Козлова мне уже приходилось писать и не только в связи с его юбилеями (Мазилев, 2017, 2017а). Другим поводом являются предисловия к книгам В. В. Козлова (Мазилев, 2017б, 2023). Для его прошлого юбилея, к 60-летию я выбрал для характеристики его личности метафору вселенной, чтобы подчеркнуть многогранность талантов, дарований и увлечений юбиляра. Действительно, за несколько десятков лет дружбы и достаточно интенсивного общения создается впечатление, что знаешь человека достаточно хорошо. Однако что-то непременно происходит, в результате чего открываются новые грани. Конечно, неординарный человек это целая вселенная.

Только что прошло празднование 30-летия Международной академии психологических наук (МАПН), состоялся Международный конгресс, посвященный этой знаменательной дате. Естественно, было много воспоминаний о создании академии, о ее первом президенте В. В. Новикове. В связи с этим мне вспомнилось следующее. Почему я пишу здесь об этом? Да потому, что это имеет самое непосредственное отношение к Владимиру Васильевичу Козлову, самому преданному и близкому ученику В. В. Новикова.

В начале 2000-х гг. на Международных конгрессах, которые стали в Ярославле ежегодными, в выступлениях В. В. Новикова и В. В. Козлова неоднократно звучало, что психолог должен быть ЗУБРом. Сия аббревиатура означала, что психолог должен быть, если я правильно помню, Здоровым, Успешным, Богатым, Радостным... Хорошо помню, что меня это несколько озадачило. При случае спросил у Виктора Васильевича – почему? Сам В. В. Новиков любил приговаривать, что «от трудов праведных не нажил

палат каменных». Мое поколение сочувственно воспринимало стихи Маяковского про краснодеревщиков, что «не слали мебель на дом». И тут – богатство... Зачем, когда есть другие ценности... Грустно улыбнувшись, профессор Новиков ответил: «Володя, теперь время другое. Теперь деньги, богатство дают свободу». И завет учителя В. В. Козлов осуществил – стал не просто ЗУБРОМ, а СВЕРХЗУБРОМ. В те времена, когда зарплата профессора богатым не сделает, он все заработал своими бесконечными тренингами, семинарами, перемещаясь по городам и весям, странам и континентам. В. В. Козлов – человек, сделавший себя сам. Буддийские заповеди помогли дополнить «труды рук его» – пришла внутренняя свобода. Владимир – один из самых свободных людей, кого я знаю.

К сказанному необходимо дополнение. При такой насыщенности деятельности и общения – прямой путь к выгоранию. У Владимира Васильевича Козлова есть мощное противоядие – духовность. Его тренинги, семинары, ретриты и проч. – это служение. Вероятно, поэтому он воспринимается своими учениками и последователями не столько как психолог – руководитель, сколько как Учитель жизни. Потому что практическая психология от В. В. Козлова это не академическая психология, приспособленная к жизни, а скорее жизненная мудрость, поверенная психологией. Хочу подчеркнуть, что это тренинг, несущий позитив. Напомню читателю, что сам автор предупреждал в одной из последних работ: книга посвящена «правде» о личности, причем «это правда не теоретическая и философско-методологическая, но правда психологии жизни» (Козлов, 2022).

Обратим внимание на этот момент. Сейчас литературы по практической психологии так много, что она едва помещается на полках книжных магазинов, тесня книги по научной академической психологии. Книжки же В. В. Козлова – это описание накопленного опыта. В частности, в них можно прочесть, что, когда в 1990-е годы наблюдалось повальное увлечение тренингами, зачастую совершались серьезные ошибки. Ведущий тренинга мог быть искренне убежден в том, что он сеет «доброе и вечное», способствует «личностному росту», а это по определению благо. На деле выходило так, процитируем книгу В. В. Козлова: «выяснилось, что эти практики способствуют социальной дезадаптации личности. Многие люди, увлеченные самоисследованием и самораскрытием, потеряли работу, семьи, свое материальное благополучие» (Козлов, 2023). Опыт В. В. Козлова, обобщающий многолетнюю работу проведения позитивно-ориентированных тренингов несомненно полезен широкому кругу читателей, интересующихся практической психологией.

Все же, почему комета? Да потому, что жизнь В.В.Козлова стремительна. Столь стремительна, что сравнения могут быть только космические. Когда-то В.С.Высоцкий пел, что она «сегодня здесь, а завтра будет в Осло» - это казалось пределом динамичности. У Козлова все круче, поскольку это продолжается десятилетиями: Казахстан – Беларусь – Урал – Байкал – Алтай – Непал – Израиль – Индия и т. д. до бесконечности.

Комета – потому что он живет в разы быстрее, чем среднестатистический человек. Скажите, кто еще может написать 15 книг за пять лет? С прошедшего 60-летнего юбилея, который был пять лет тому назад, мой подсчет дал такое число. Оно наверняка занижено, так как В. В. Козлов умудряется издавать еще и такие книги, которые проходят мимо поля моего внимания. К тому же его труды постоянно переиздаются: книги Козлова не пылятся по магазинам, а моментально распродаются, затем переиздаются и снова исчезают, неизменно находя своего читателя.

Однако, интересно обратить внимание и на тематику. Среди книг, изданных за последние пять лет: монографии – «Методология интегративной психологии» (Козлов, 2021), «Вечная психология» (Козлов, 2021а), «Движение за развитие человеческого потенциала» (Козлов, 2017), «Психология пандемии» (Козлов, 2022б), «Психология сознания: интегративный подход» (Козлов, 2022а), «Основы психологии духовности: высшие состояния пробуждения» (Козлов, 2022), «Современная личность: самоактуализация и самореализация» (Козлов, 2023), «Психология успеха: жизнь с вершины» (Козлов, 2019б), «Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп» (Козлов, 2018а), «Психология внушения и внушаемости» (Козлов, 2018б).

Поражает как продуктивность, так и разнообразие тематики: здесь и вечные проблемы – сознание, духовность, личность, здесь и сверхактуальные – психология пандемии, здесь и методология психологии – куда без нее...

Вообще говоря, юбилей «65 лет» – юбилей промежуточный. Текст этих кратких заметок конечно не охватывает личности юбиляра. Описанию заслуг В. В. Козлова и его личности куда лучше соответствует масштаб книги. Думаю, что к следующему юбилею кто-то из учеников мэтра такую книгу напишет. Тем более, что в издательстве «Молодая гвардия», выпускающем знаменитую серию «Жизнь замечательных людей», теперь есть новая подсерия – «Биография продолжается» – о ныне живущих замечательных людях. Владимир Васильевич Козлов без сомнения человек замечательный.

Пожелаем сильному и успешному человеку – ЗУБРУ В. В. Козлову – много новых достижений и удач!

*Доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей
и социальной психологии
Института педагогики и психологии
ЯГПУ им. К. Д. Ушинского*

В. А. Мазиллов

Библиографический список

1. Козлов В. В. Движение за развитие человеческого потенциала. Ярославль: Издательство «Титул», 2017. 169 с.
2. Козлов В. В., Мазиллов В. А., Фетискин Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. Издание второе, переработанное и дополненное. Москва, 2018а. 756 с.
3. Козлов В. В. Психология дыхания, музыки и движения. Издание 3-е, дополненное и расширенное. Ярославль: РПФ «Титул», 2019. 196 с.
4. Козлов В. В. Методология интегративной психологии. Москва–Ярославль: Международная академия психологических наук, РПФ «Титул», 2021. – 180 с.
5. Козлов В. В. Вечная психология. Москва: Институт консультирования и системных решений, 2021а. 328 с.
6. Козлов В. Психология пандемии. Издание 2-ое, расширенное и дополненное. Ярославль: РПФ «Титул», 2022а. 126 с.
7. Козлов В. В. Психология сознания: интегративный подход. Москва: Психотерапия, 2022. 274 с.
8. Козлов В. В. Психология дзен-буддизма. Москва: МАПН, 2019. 328 с.
9. Козлов В. В. Основы психологии духовности: высшие состояния пробуждения. Москва: МАПН, 2018. 328 с.
10. Козлов В., Донченко И. Психология успеха: жизнь с вершины. Запорожье: Статус, 2019б. 144 с.
11. Козлов В. В., Власов Н. А. Психология внушения и внушаемости. Москва: МАПН, 2018б. 276 с.
12. Козлов В. В. Современная личность: самоактуализация и самореализация. Москва, 2023. 336 с.
13. Мазиллов В. А. Вселенная интегратора (зарисовка к юбилею В. В. Козлова) // Ярославский психологический вестник, 2017. № 3 (39). С. 101–111.
14. Мазиллов В. А. Великий интегратор: несколько штрихов к портрету В. В. Козлова // В.В.Козлов. Талантливый ученый. Гармоничный человек. Профессионал. Наставник. Юбилейный выпуск. Кострома, 2017а. С.14–29
15. Мазиллов В. А. Глоток свободы // Козлов В. В. Психология творчества. Москва: Институт консультирования и системных решений, 2017б. С. 5–15.
16. Мазиллов В. А. «Крепкая цитадель»: профессор В. В. Козлов и его новая книга о «центральной психологической тайне» // Козлов В. В. Психология сознания: интегративный подход. Москва, 2022. С. 5–20.
17. Мазиллов В. А. Феномен и загадка личности // В. В. Козлов. Современная личность: самоактуализация и самореализация. Москва, 2023. С. 6–18.

Надежда Викторовна Нижегородцева

В прошлом году юбилей отмечала известный ярославский ученый: доктор психологических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, глубокоуважаемый человек – Надежда Викторовна Нижегородцева. Научная деятельность Надежды Викторовны началась еще в годы обучения на факультете психологии и биологии Ярославского государственного университета: начиная с первого курса она участвовала в научных исследованиях кафедры психологии труда, посвященных психологическому анализу деятельности. В 1983 г. Надежда Викторовна пришла работать в Ярославский педагогический институт по приглашению В. Д. Шадрикова – в то время ректора ЯГПИ и заведующего кафедрой психологии. Перед ней были поставлены задачи, решение которых определило ее дальнейшую профессиональную судьбу и направление научной деятельности. С 1983 г. работает в Ярославском государственном педагогическом университете

им. К. Д. Ушинского: лаборант кафедры психологии, ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры дошкольной педагогики и психологии, профессор кафедры психологии. Ученый секретарь диссертационного совета по психологии.

В период с 1989 по 1992 г. Н. В. Нижегородцева обучалась в очной аспирантуре при кафедре психологии ЯГПУ, защитила кандидатскую диссертацию по психологии в 1994 г. На тему «Психологическая структура готовности детей к усвоению грамоты» в Исследовательском центре проблем качества подготовки специалистов (г. Москва). После окончания аспирантуры она продолжила работу на кафедре дошкольной педагогики и психологии в должности старшего преподавателя и доцента. С 1999 г. Н. В. Нижегородцева продолжила обучение в докторантуре при кафедре психологии младшего школьника в МПГУ (г. Москва), там же в 2001 г. защитила докторскую диссертацию по теме «Психологическая готовность детей к обучению в школе». С 2004 г. заведует кафедрой педагогической психологии ЯГПУ.

Надеждой Викторовной разработаны важнейшие методологические проблемы современных исследований психологии учебной деятельности: исследование психологической структуры учебной деятельности, ее компонентного состава и динамики в процессе обучения на разных уровнях образования (дошкольном, школьном, вузовском). Более пятнадцати лет является членом диссертационных советов по психологии, ведет активную научную деятельность, Надежда Викторовна – автор более 200 научных изданий, в том числе – 5 монографий и более 30 учебных и методических пособий. Является организатором ежегодной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии образования», Международной конференции по проблемам толерантности (2011 г.), традиционной конференции, ведущая круглых столов и панельных дискуссий по проблемам современной семьи (2016 г., 2022 г.), организатором научных конференций и методологических семинаров, членом организационных комитетов и руководителем секций на Международных и Российских психологических и педагогических конференциях. Надежда Викторовна – автор идеи и организатор первой конференции «Системогенез учебной и профессиональной деятельности» (2003 г.), которая стала традиционной для ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Под руководством Надежды Викторовны проходит традиционная международная олимпиада по психологии среди студентов вузов.

Научную деятельность Надежда Викторовна совмещает с большой организаторской работой. В Ярославском педагогическом университете им. К. Д. Ушинского она организовала работу новой кафедры – педагогической психологии, с 2004 г. является ее заведующей, провела лицензирование не-

скольких образовательных программ (для студентов бакалавриата и магистратуры), является членом редакционного совета журнала «Ярославский педагогический вестник». Она является инициатором и организатором открытия программ специалитета «Психология и педагогика»; бакалавриата – «Конфликтология», «Психология образования», а также трех программ магистратуры: «Психологическое сопровождение развития индивидуальности», «Конфликтология», «Психологическое сопровождение современной семьи».

Надежда Викторовна – автор методики комплексной диагностики готовности детей к обучению в школе «КДГд», которую используют более 100 образовательных учреждений г. Ярославля. Также под научным руководством были разработаны популярные комплексные методики диагностики студентов к обучению в вузе «КДГс» и комплексная методика диагностики готовности к обучению чтению «КДГч».

Круг научных интересов Надежды Викторовны составляет история и методология психологии образования, психология индивидуального развития, психология учебной деятельности и готовности к обучению.

Н. В. Нижегородцева более 35 лет ведет преподавательскую деятельность со студентами, аспирантами, докторантами. Она много внимания уделяет подготовке и воспитанию психологических кадров высшей квалификации. Под ее руководством защищено десять кандидатов наук. В 2006 г. Н. В. Нижегородцева избрана академиком Международной академии психологических наук. В 2009 г. награждена Почетной грамотой Министерства образования РФ. В 2013 г. ей присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Стоит отметить, что за этими достижениями и результатами стоит огромный труд, устойчивая и глубокая научная и профессиональная мотивация, ответственность и дисциплинированность. Все, кто знает Надежду Викторовну согласятся с тем, что ее отличает высокий профессионализм, инициативность, организационные способности, отзывчивость, целеустремленность, настойчивость и справедливость.

Надежда Викторовна полна сил, творческих планов и замыслов. Мы, коллеги, ученики, поздравляем Надежду Викторовну со знаменательной датой, желаем ей здоровья, дальнейших успехов в научной деятельности, новых интересных книг и статей по вопросам, волнующим научное сообщество. Дорогая Надежда Викторовна! Благодарим Вас за Ваш труд, за служение науке, верность принятым идеалам и научным ценностям. Коллеги желают Вам новых творческих свершений!

*Коллектив кафедры педагогической психологии
ЯГПУ им. К. Д. Ушинского*

К Юбилею Юрия Павловича Поваренкова

13 октября 2022 г. Ярославская психологическая школа отпраздновала 70-летний юбилей своего крупного и яркого представителя Юрия Павловича Поваренкова. Юрий Павлович является широко известным в России автором психологической концепции профессионального становления и реализации личности, занимается разработкой проблем психологии труда, организационной психологии, психологии профессионального развития, педагогической психологии, психологии развития и мн.др. Вся личная и профессиональная жизнь Ю. П. Поваренкова связана с Ярославлем, с факультетом психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова и кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

Ю. П. Поваренков родился в г. Ярославле (13.10.1952). Окончил среднюю школу № 44 г. Ярославля (1960–1970), после которой обучался в Ярославском технологическом институте (1970–1971), служил в рядах Советской армии (1971–1973). После военной службы обучался на подготовительном отделении Ярославского государственного университета (1973–1974), поступил на факультет психологии ЯрГУ; по окончании факультета ему была присвоена квалификация «Психолог. Преподаватель психологии» (1974–1979). По окончании университета работал в должности научного сотрудника кафедры инженерной психологии ЯрГУ (1979–1981), обучался в очной аспирантуре факультета психологии ЯрГУ (1981–1983), работал старшим психологом Ярославского завода топливной аппаратуры (1983–1984). В 1984 г. под научным руководством В. Д. Шадрикова защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата психологических наук на тему «Динамика формирования информационной основы деятельности в процессе производственного обучения (на примере освоения деятельности сварщика ручной электродуговой сварки)». После защиты кандидатской диссертации начал работу в Ярославском государственном педагогическом институте им. К. Д. Ушинского: старшим научным сотрудником кафедры психологии (1984), старшим преподавателем (1985), доцентом (1989) кафедры психологии, заведующим лабораторией педагогического образования ЯГПУ (1996), профессором кафедры психологии (1999). В 1999 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора психологических наук на тему «Профессиональное становление личности». После защиты диссертации работал заведующим кафедрой психологии (2000–2004), длительное время был председателем диссертационного совета по психологии при ЯГПУ (2001–2015). Является председателем организационного комитета научно-практических конференций по проблемам системогенеза учебной и профессиональной деятельности, организуемых на базе ЯГПУ (2005, 2007, 2009, 2011, 2013, 2015, 2018). В настоящее время работает профессором кафедры общей и социальной психологии ЯГПУ, является заместителем председателя диссертационного совета по психологии в объединенном совете на базе ЯрГУ им. П. Г. Демидова и ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

На всем протяжении научной и профессиональной деятельности Ю. П. Поваренков разрабатывает многочисленные вопросы и проблемы психологии труда, организационной психологии, общей, социальной и педагогической психологии. Однако красной линией, проходящей через всю научную жизнь, являются исследования, посвященные разработке проблем психологии профессионального становления и реализации личности.

Еще в кандидатской диссертации, посвященной проблеме формирования информационной основы деятельности в процессе производственного обучения (1984), им начали разрабатываться вопросы профессионального развития человека и анализа психологической структуры субъекта труда. Актуальность разработки проблемы информационной основы деятельности была связана с тем, что она яв-

ляется значимым психологическим фактором и условием постановки адекватных целей деятельности, разработки эффективных планов и принятия решений в деятельности. В кандидатской диссертации им была определена психологическая структура информационной основы деятельности, выделены ее разновидности и функции. Было установлено, что на высоких уровнях сформированности деятельности целостная информационная основа представляет собой не сумму, а качественную интеграцию информационных основ ее структурных компонентов [12].

Вся последующая научно-исследовательская работа была направлена на разработку Ю. П. Поваренковым системогенетической концепции профессионализации. Это нашло отражение в защите докторской диссертации по проблематике профессионального становления личности (1999).

В концепции были решены актуальные вопросы и проблемы психологического становления и реализации личности: соотношение аналитического и комплексного подходов к исследованию профессионализации, была дана психологическая характеристика личности профессионала, описаны уровни психологического анализа профессионализации. В концепции профессиональное становление личности рассматривается на стадиях профессионального обучения и самостоятельной профессиональной деятельности. Отдельным вопросом концепции стала разработка проблемы профессионального самосознания личности – изучения динамики самооценки реальных и потенциальных возможностей, оценки взаимосвязи профессиональных идеалов и профессиональной самооценки, изучения динамики удовлетворенности трудом в процессе профессионализации.

Обобщающие положения концепции нашли отражение в формулировке понятия профессионального становления личности, под которым понимается процесс структурно-динамического развития субъекта профессионального пути, в ходе которого формируются и развиваются профессионально ориентированные подструктуры и профессионально важные качества личности, адекватные формы ее профессиональной активности. В концепции были предложены основные показатели профессионального становления личности – профессиональная продуктивность, профессиональная идентичность и зрелость. Изучение динамики этих показателей позволило Ю. П. Поваренкову заключить, что процесс профессионального становления личности характеризуется конкретными стадиями, периодами и фазами, содержание которых определяется особенностями социальной ситуации профессионального развития, ведущей формой профессиональной активности, совокупностью профессиональных важных качеств и конкретными видами профессиональных новообразований [5].

Развивая идеи теории системогенеза деятельности, Ю. П. Поваренковым было определено, что профессиональное становление личности характеризуется неравномерностью и гетерохронностью. Неравномерность проявляется в наличии кризисов профессионального развития, которые происходят как на стадии профессионального обучения, так и на стадии самостоятельной профессиональной деятельности. Гетерохронность выражается в одновременности развития подструктур личности, в различной скорости и глубине их преобразования, в несовпадении динамики изменения критериев профессионализации.

Необходимо отметить, что разработанные Ю. П. Поваренковым в рамках концепции профессионализации идеи нашли свое практическое применение в многочисленных исследованиях различных аспектов профессионального развития личности в разных видах и типах деятельности человека. Его учениками были проанализированы проблемы развития профессиональной идентичности на этапе обучения в вузе [1], проблемы профессионального самоопределения обучающихся интернатов, школ [10] и студентов вузов [14], проблемы развития психологической структуры учебной деятельности школьников [13] и студентов [2], проблемы развития профессионально важных качеств учителя [8] и мн.др.

Сегодня Ю. П. Поваренков продолжает активно развивать основные положения и многочисленные аспекты концепции психологии профессионального становления личности. Им исследуются вопросы определения и видов возраста профессионала, профессионально и деятельностно важных качеств, вопросы периодизации профессионального становления личности; разрабатывается структурно-уровневый подход к анализу профессионализации. Отдельным направлением исследований является использование системогенетического подхода к анализу карьерного развития личности, карьерного целеобразования и др.

Плодотворная научно-исследовательская работа нашла отражение в высокой публикационной активности. Ю. П. Поваренков является автором более 600 научных публикаций по самым разным проблемам психологии – психологии труда, организационной психологии, психологии развития и педагогической психологии, психологии личности и др. Им опубликовано около 50 монографий, учебников и учебных пособий по педагогической психологии, психологии труда, психологии профессионального и карьерного развития человека. В последние годы Ю. П. Поваренков активно публикует обобщающие труды по проблемам психологии профессионального становления личности [4, 7, 9], периодизации про-

фессионального развития [6], структурно-уровневому подходу к анализу профессионализации [3], саморегуляции профессиональной деятельности [11] и др.

Особенно необходимо отметить, что Ю. П. Поваренков внес существенный вклад в подготовку кадров высшей квалификации и развитие кадрового потенциала ярославской психологической школы. Под его руководством защищено несколько десятков кандидатских и докторских диссертаций по проблемам психологии личности, психологии развития, психологии труда, педагогической психологии. Сегодня многие ученики Ю. П. Поваренкова, защитившие под его руководством диссертации, работают в системе образования Ярославля и Ярославской, Архангельской, Кировской, Московской и др. областей, в системе военной и гражданской службы, системе государственного и муниципального управления.

Поздравляем Юрия Павловича с замечательным юбилеем и желаем ему неиссякаемой энергии, продолжения активной научно-исследовательской и педагогической работы, новых идей и результатов.

*Доктор психологических наук, доцент,
декан педагогического факультета
ЯГПУ им. К. Д. Ушинского*

Ю. Н. Слепко

Литература

1. Бугайчук Т. В. Характеристика понятия и структуры идентичности с позиции системогенетического подхода / В кн.: Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Материалы VI всероссийской научно-практической конференции, Ярославль: ЯГПУ, 2013. С. 114–117.
2. Изотова Е. Г. Специфические особенности структуры учебной деятельности школьников и студентов // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 1 (58). С. 151–155.
3. Поваренков Ю. П. Концептуальные следствия структурно-уровневого подхода к анализу профессионализации // Ярославский педагогический вестник, 2021. № 1 (118). С. 135–142.
4. Поваренков Ю. П. Определение и виды возраста профессионала // Ярославский педагогический вестник, 2022. № 1 (124). С. 150–161.
5. Поваренков Ю. П. Основные положения системно-генетической концепции профессионального становления человека // Вестник Омского университета. Серия: Психология, 2004. № 4. С. 4–31.
6. Поваренков Ю. П. Психологическая периодизация профессионального и карьерного развития личности, Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. 179 с.
7. Поваренков Ю. П. Психология деятельности профессионала, Ярославль: РИО ЯГПУ, 2021. 243 с.
8. Поваренков Ю. П., Нурлигаянова О. Б. Педагогическая толерантность как профессионально важное качество педагога, Архангельск: САФУ, 2014. 159 с.
9. Поваренков Ю. П., Слепко Ю. Н., Цымбалюк А. Э. Системогенез деятельности профессионала, Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. 162 с.
10. Поваренков Ю. П., Хаймина А. Г. Профессиональное самоопределение воспитанников детских домов и школ-интернатов // Ярославский педагогический вестник, 2007. № 2 (51). С. 57–66.
11. Поваренков Ю. П., Цымбалюк А. Э. Оперативность развития системы саморегуляции профессиональной деятельности // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2019. Т. 16. № 4. С. 608–625.
12. Поваренков Ю. П., Шадриков В. Д. Формирование информационной основы деятельности в процессе профессионального обучения // Психологический журнал, 1990. Т. 11. № 2. С. 47–58.
13. Слепко Ю. Н., Поваренков Ю. П. Психология учебной деятельности школьника: системогенетический подход, Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. 263 с.
14. Угарова М. Г. Профессиональное самоопределение студентов педагогического вуза // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова, 2005. Т. 11. № 10. С. 77–81.

Совсем не трудно быть Богом. К 70-летию Владимира Петровича Позняка

Бог в нас самих
Овидий

21 июля 2022 года исполнилось 70 лет со дня рождения выдающегося советского и российского психолога Владимира Петровича Позняка, доктора психологических наук, профессора, главного научного сотрудника Института психологии РАН. Мало кому в профессиональной карьере выпадает высокая честь быть одним из ведущих социальных психологов страны, одним из создателей отечественной экономической психологии, основателем нового направления в психологической науке «психология предпринимательства». Его многочисленные публикации в «Психологическом журнале», «Психология. Журнал ВШЭ», индивидуальные и коллективные монографии, посвященные социальной и экономической психологии, психологии предпринимательства, методологии и истории психологии неизменно вызывают большой интерес и внимание коллег, активно цитируются, что является убедительным свидетельством

признания и востребованности исследований автора научным психологическим сообществом.

В. П. Позняков является выпускником Ярославского государственного университета, представителем самого первого легендарного выпуска психологов 1975 года, давшего отечественной науке целую плеяду талантливых ученых и психологов-практиков, кем заслуженно гордится альма-матер. Среди них Владимир Петрович Позняков, ученый-психолог, педагог, профессор психологии.

В. П. Позняков родился в Москве 21 июля 1952 года в семье учителей. Еще будучи школьником, обучаясь в экспериментальном гуманитарном классе, проявлял интерес к художественной литературе, философии, истории человеческой культуры. По свидетельству биографа, после «окончания экспериментального гуманитарного класса средней школы, работая в научной библиотеке МГУ имени М. Горького, в отделе редких книг, Владимир Петрович увлеченно читал малодоступные в те годы труды российских и зарубежных философов и психологов. Он планировал продолжить обучение в МГУ на факультете классической филологии, чтобы в подлиннике изучить работы античных философов. Однако с открытием третьего в Советском Союзе факультета психологии в 1970 г. поступил в Ярославский государственный университет» (Лунова, 2012, с.293).

Исследовательская работа Позняка в области психологии началась еще в студенческие годы: «Параллельно с обучением в Ярославле и после окончания университета регулярно посещал заседания сектора социальной психологии в Институте психологии АН СССР. Большое влияние на формирование его научного мировоззрения и выбор направления профессиональной специализации оказали взгляды и труды видных ученых, сотрудников сектора К. К. Платонова, Е. В. Шороховой, А. Л. Журавлева. Первая серьезная самостоятельная работа В. П. Позняка – статья «Диалектика и психология» получила премию на Всесоюзном конкурсе студенческих научных работ в 1974 г. Главным направлением профессиональной специализации на факультете психологии Ярославского государственного университета в те годы была промышленная или индустриальная социальная психология, поэтому дипломная работа была посвящена психологическим особенностям внедрения новой техники в практику. С тех пор психологические проблемы нововведений – экономических, организационных, социальных постоянно привлекали внимание В. П. Позняка» (Лунова, 2012, с.293).

Студенческие годы на факультете психологии в 1970-е гг. в ЯрГУ – отдельная тема. Как уже приходилось отмечать, руководителями факультета (В. В. Новиковым, В. Д. Шадриковым) в те годы была создана удивительная атмосфера научной свободы: каждый, у кого была какая-то мечта или научный интерес, имел возможность свои устремления реализовать (Мазилов, 2020). Другая характеристика

факультетской жизни тех лет – душевность и неформальность общения как между студентами разных курсов, так и между студентами и преподавателями. В воздухе носились лицейские ассоциации, тем более, что Ярославский университет вел свое происхождение от Демидовского лицея, который был основан по тому же Указу Александра I, что и знаменитый Царскосельский лицей, прославленный гением великого поэта. Здесь уместно отметить, что Владимир Петрович Позняков тоже не чужд поэзии. Из творческого сотрудничества Александра Сергеевича и нашего юбиляра родились в 2002 году стихи, которые зафиксировали схожесть духовной атмосферы Лицея в начале XIX столетия и факультета психологии ЯрГУ в ранние 1970-е гг. Замечу, что ни одна встреча «ветеранов» ярославского факультета психологии не обходится без триумфального исполнения Позняковым его маленького шедевра:

В те дни, когда, вкусив портвейна,
Я над конспектами дремал,
Читал охотно Рубинштейна
(Да и Леонтьева читал...),

Мы все учились понемногу...
И было много лишних слов
В учебниках... Но очень строго
Оценки ставил Журавлёв.

И не на танцах в дискотеке,
При лампе, а не при луне,
В Некрасовской библиотеке
Являться муза стала мне.

Совет её с улыбкой встретил.
Успех нас первый окрылил.
Ведь все мы Новикова дети...
Старик Филатов нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Вероятно, пока что не всем понятно заглавие данного текста. Пока речь шла о чисто человеческих качествах юбиляра. Где же боги?

Выше было отмечено, что юбиляр имеет множество дарований. Одно из них – спортивные таланты и как следствие высокие достижения – явилось поводом для возникновения прозвища Владимира Петровича, данного ему однокурсниками, которое явно прижилось и в обиходе используется его друзьями уже более полувека. Дело было так. В далеком 1970 году в университете проходили соревнования по плаванию, в которых команда психологов заняла первое место. Коллеги активно болели за своих. В команде победителей яркой фигурой был Владимир Позняков. Сложением своим он весьма напоминал Аполлона, одного из наиболее симпатичных богов древнегреческого пантеона. Против прозвища Аполлон, которое было вполне подходящим, никто не возражал, оно не только прижилось, но и зафиксировалось. Таким образом, юбиляр обрел второе имя и приобщился к числу бессмертных. Стоит добавить, что рассудительность и мудрость В. П. Позняка вполне соответствуют его божественному статусу, он, как сказано в одном очень авторитетном произведении, «знает добро и зло». Излишне говорить, что – в полном соответствии с законами языка – Аполлон со временем трансформировался в Поля. Друзья много лет в глаза и за глаза именуют его Подем. От себя добавлю, что изменение звучания не привело к исчезновению статуса, сакральность имени сохранилась в полном объеме.

Итак, он Аполлон. О божественном сказано, но ничто человеческое ему не чуждо. Нельзя не сказать о его увлечениях. Владимир Петрович турист со стажем, который исчисляется десятилетиями. Без преувеличений можно сказать, что шар земной он чуть не весь обошел. Создается впечатление, что он вообще не может усидеть на месте – тяга дальних странствий у него в крови: то он плавает в шхерах в Норвегии, то в Домбае на горных лыжах, то восходит на какую-либо вершину, то он за полярным кругом... Но такое впечатление обманчиво, ибо не совсем верно: путешествия сочетаются с днями уединения в его деревенском доме в Цыбаках на ярославщине, в живописнейшем месте, вдали от городской

суеты. Место сказочное, настоящее Лукоморье: в ста метрах от дома В. П. излучина Которосли, которая делает поворот на 95 градусов, у самой излучины огромная ветла. Так и думаешь, что на ней золотая цепь, и кот ученый все ходит... Врать не буду, кот не видел, но мед-пиво пил...

Владимир Петрович Позняков без сомнения счастливый человек. Заботливый отец, дети в нем души не чают. Масса друзей и коллег, которые питают к нему искреннюю любовь и уважение. Достаточно посмотреть фильм к его юбилею, в котором дети, друзья, ученики, товарищи по походам высказываются о нашем герое.

И все же главное в судьбе В. П. Познякова – его научная деятельность. Здесь нет возможности ни подробно воспроизвести биографию юбиляра, ни дать хотя бы поверхностную характеристику его многочисленных научных исследований.

В нашей заметке мы остановились на студенческих годах В. П. Познякова. Вновь процитируем О. В. Луневу, свидетеля карьерного роста, друга и биографа В. П.: «После окончания университета в 1975 г. Владимир Петрович работал как психолог-исследователь на Центральной междугородной телефонной станции, в Центре НОТ Миннефтехимпрома, во внешнеторговом объединении «Судоимпорт». Область научных и практических интересов в те годы была связана с такими задачами организационной психологии и психологии управления, как подбор, оценка и подготовка руководителей трудовых коллективов. В 1977 г. В. П. Позняков поступил ассистентом на первую в Советском Союзе кафедру социологии и психологии управления в Институте управления им. С. Орджоникидзе, возглавляемую А. В. Филипповым. Именно здесь впервые в нашей стране перед психологами была поставлена задача психологического обучения и подготовки будущих руководителей» (Лунева, 2012, с. 293).

Последующая научная и преподавательская деятельность В. П. Познякова, как отмечает О. В. Лунева, была связана с работой по изучению и подготовке управленческих кадров в системе Агропромышленного комплекса СССР. В 1988 г. им было издано авторское учебное пособие «Социально-психологические проблемы руководства». В. П. Позняков был в числе тех психологов, кто еще в 1970-е – 1980-е годы начал активно использовать методы социально-психологической диагностики и тренинга в работе по психологической подготовке руководителей (Лунева, 2012, с. 294).

Процитируем биографа нашего юбиляра: «В конце 1980-х – начале 1990-х годов научные исследования В. П. Познякова были сконцентрированы на изучении социально-психологических проблем организационно-управленческих и экономических нововведений на предприятиях агропромышленного комплекса. Исследовались социально-психологические условия и последствия внедрения коллективных форм организации труда, создания кооперативов, а позднее и фермерских хозяйств. Практически ориентированную работу В. П. Позняков сочетал в эти годы с не менее активной научно-исследовательской работой. В 1989 г. он поступил в аспирантуру Института психологии РАН по специальности «социальная психология». Основным научным результатом этой работы, выполненной под руководством А. Л. Журавлева, стала подготовка и защита кандидатской диссертации «Динамика межгрупповых отношений в трудовом коллективе в условиях организационно-экономического нововведения» (Позняков, 1991). Фактически эта работа положила начало многолетним исследованиям динамики социально-психологических феноменов личности и группы, проводившихся в лаборатории социальной и экономической психологии под руководством профессора А. Л. Журавлева» (Лунева, 2012, с. 294).

«В 1992 г. практически одновременно с формированием предпринимателей как новой социальной группы в современном российском обществе по инициативе А. Л. Журавлева и под его руководством В. П. Позняков провел серию исследований, в результате которых была выявлена совокупность социально-психологических факторов деловой активности российских предпринимателей и успешности предпринимательской деятельности. Результаты этих исследований были представлены в серии статей, опубликованных в ведущих научных психологических журналах и коллективных монографиях. Фактически эти исследования заложили основы социальной психологии российского предпринимательства как нового научного направления в отечественной социальной и экономической психологии. За достижения в области научных исследований в 1993 г. В. П. Позняков получил премию фонда «Культурная инициатива» (Лунева, 2012, с. 294).

В. П. Позняковым разработана авторская концепция психологических отношений субъектов экономической деятельности, проведена серия теоретико-эмпирических исследований динамики психологических отношений личности и группы в условиях изменения форм собственности и социально-психологических факторов деловой активности субъектов экономической деятельности. По материалам исследований В. П. Позняковым опубликованы монографии «Психологические отношения субъектов экономической деятельности» (Позняков, 2000) и «Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей» (Позняков, 2001). В 2002 г. В. П. Позняков защитил докторскую диссертацию «Психологические отношения в условиях изменения форм собственности» (Позняков, 2002).

С 2002 года он работает ведущим научным сотрудником лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН.

Как отмечает О. В. Лунева, «Во второй половине 2000-х годов В. П. Позняков работает над развитием теории психологических отношений применительно к социальной психологии. Результатом этой работы явилась концепция психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности, опубликованная в ряде сборников научных трудов. В рамках этой концепции под его руководством был выполнен ряд теоретико-эмпирических исследований, результаты которых представлены в кандидатских диссертациях. Монография «Социально-психологическое исследование отношения к табакокурению» (Позняков, Хромова, 2010) стала лауреатом международного конкурса научно-исследовательских работ в области психологии» (Лунева, 2012, с. 294).

Не будем перечислять всех достижений В. П. Познякова. В течение многих лет В. П. успешно работает профессором в Московском гуманитарном университете. Он соавтор учебников, по которым без преувеличения учится вся страна (Психология, 2000, 2000а, 2000б), (Психология XXI века, 1999, 2003), (Социальная психология, 2002, 2014).

Монографии (авторские и коллективные) также известны всей стране (Позняков, 2000, 2001, 2010, 2016, 2018; Журавлев, Позняков, 1995, 2012), (Динамика, 1996, Социально-психологическая динамика, 1998, Россия в глобализирующемся мире, 2007, Психология отношения, 2011, Доверие и недоверие, 2013, Образы, традиции и культура, 2014, Психологические исследования, 2018).

В настоящее время В. П. Позняков признанный классик отечественной психологии, главный научный сотрудник Института психологии РАН, один из ведущих социальных психологов, один из корифеев экономической психологии, методолог и теоретик современной психологии. Создатель направления в науке, которое прочно ассоциируется с его именем – психологии предпринимательства.

Нужно сказать, что В. П. Позняков не останавливается на достигнутом. В последние годы появляются его глубокие и информативные статьи, посвященные проблемам истории психологии. Если бросить беглый взгляд даже на краткий перечень трудов и дней Владимира Петровича Познякова, легко заметить, как много удалось ему сделать. Трудно поверить, что одному человеку, даже столь талантливому как В.П. это под силу. Однако, это факт, самая упрямая в мире вещь. Впору вспомнить однокурсников юбиляра, что нарекли его Аполлоном. Видимо, они были глубоко правы по сути. И – последнее замечание. Все, что делает В. П., он осуществляет и реализует с видимой легкостью, словно бы и не стоит труда. Фактически, он опровергает известный тезис о том, что трудно быть богом. Глядя на Познякова, кажется, что это совсем не трудно. Может быть, все еще проще – надо не просто именоваться богом, а быть им. Как Аполлон.

*Доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей
и социальной психологии
Института педагогики и психологии
ЯГПУ им. К. Д. Ушинского*

В. А. Мазилев

Библиографический список

1. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / отв. ред. А. Л. Журавлев. Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 1996. 226 с. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А. Б.
2. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.
3. Журавлев А. Л., Позняков В. П. Деловая активность предпринимателей: методы оценки и воздействия. Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 1995. 58 с.
4. Журавлев А. Л., Позняков В. П. Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений. Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. 480 с.
5. Журавлев А. Л., Позняков В. П. Социальная психология российских предпринимателей: Концепция психологических отношений. Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. 480 с.
6. Лунева О. В. О Владимире Петровиче Познякове // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 293-296.
7. Мазилев В. А. Феномен факультета: юбилейные размышления // Ярославский психологический вестник, 2020. № 3 (48). С. 89–96.
8. Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия / науч. ред. А. Д. Карнышев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 391 с.

9. Позняков В. П. Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей. Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2001. 240 с.
10. Позняков В. П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности // Психологический журнал, 2012. Т. 33. № 5. С. 5–15.
11. Позняков В. П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2018. 532 с.
12. Позняков В. П., Вавакина Т. С. Психология делового партнерства: теория и эмпирические исследования. Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2016. 320 с.
13. Позняков В. П. Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей. Москва: Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2001. 240 с.
14. Позняков В. П. Динамика межгрупповых отношений в трудовом коллективе в условиях организационно-экономического нововведения... автореф. дисс. канд. психол. наук. Москва: Институт психологии РАН, 1991. 23 с.
15. Позняков В. П. Экономическая психология // Социальная психология: учебное пособие для вузов. Москва, 2002. С. 292–313.
16. Позняков В. П. Психологические отношения в условиях изменения форм собственности ... автореф. дисс. докт. психол. наук. Москва: Институт психологии РАН, 2002. 46 с.
17. Позняков В. П. Психологические отношения субъектов экономической деятельности. Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2000. 220 с.
18. Позняков В. П. Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей. Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2001. 240 с.
19. Позняков В. П. Программы и методики социально-психологического исследования российских предпринимателей. Москва: Изд-во МосГУ, 2010. 188 с.
20. Позняков В. П., Хромова В. Л. Социально-психологическое исследование отношения к табакокурению. Москва: Изд-во МосГУ, 2010. 190 с.
21. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2018. 448 с.
22. Психология отношения человека к жизнедеятельности / под общ. ред. В. А. Зобкова. Владимир: Владимирский гос. ун-т., 2011. 202 с.
23. Психология. Учебник для гуманитарных вузов / под ред. В. Н. Дружинина. Санкт-Петербург: Питер, 2000. 656 с.
24. Психология. Учебник для технических вузов / под ред. В. Н. Дружинина. Санкт-Петербург: Питер, 2000. 608 с.
25. Психология. Учебник для экономических вузов / под ред. В. Н. Дружинина. Санкт-Петербург: Питер, 2000. 671 с.
26. Психология XXI века. Учебник для вузов / под ред. В. Н. Дружинина. Москва: Изд-во «ПЕР СЭ», 2003. 863 с.
27. Психология: Учебник для гуманитарных вузов. 2-е изд. / под общ. ред. В. Н. Дружинина. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 656 с.
28. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Российская академия наук, отделение общественных наук, секция философии, социологии, психологии и права / отв. ред. В. С. Степин. Москва: Наука, 2007. 638 с.
29. Современная психология. Справочное руководство / под ред. В. Н. Дружинина. Москва: Инфра-М, 1999. 688 с.
30. Социальная психология. Учебное пособие / отв. ред. А. Л. Журавлев. Москва: Изд-во «ПЕР СЭ», 2002. 351 с.
31. Социальная психология. Учебное пособие / отв. ред. А. Л. Журавлев. Москва: Форум, ИНФРА-М, 2014. 416 с.
32. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. 295 с.

К Юбилею Ларисы Юрьевны Субботиной

В этом году Юбилей Ларисы Юрьевны Субботиной. Лариса Юрьевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Она является ярким представителем Ярославской психологической школы, ученицей выдающегося отечественного психолога, академика В. Д. Шадрикова. В настоящее время Л. Ю. Субботина – один из ведущих преподавателей психологического факультета, проводящих интенсивные и продуктивные научные исследования.

Научное и профессиональное формирование, становление и вся трудовая деятельность Ларисы Юрьевны связаны с Ярославским государственным университетом. Она – представитель первого выпуска факультета психологии ЯрГУ, свидетельница и активный участник становления Ярославского факультета психологии. После окончания в 1975 году учебы, она начала свою трудовую деятельность на кафедре Общей психологии. Окончив аспирантуру, Л. Ю. Субботина защитила в 1986 году кандидатскую диссертацию в Ленинградском государственном университете по проблемам исторического анализа развития психологии труда в отечественной науке. В дальнейшем трудовая деятельность Л. Ю. Субботиной продолжилась на кафедре Психологии труда Ярославского

университета. С 1990 года и длительное время она являлась бессменным заместителем декана по учебной работе на факультете.

Сегодня Л. Ю. Субботина хорошо известна в российских психологических кругах как специалист в области психологии труда, управления, психологии творческой деятельности, профессионального обучения, механизмов личностного развития и психологических защит. Она обладатель дипломов международных научных конкурсов. Ей принадлежит значительное количество научных работ по фундаментальным и прикладным проблемам психологии. Она принимала участие в подготовке цикла учебников по общей психологии, психологии труда, менеджмента и педагогической психологии.

Широкая эрудиция, глубокое проникновение в исследуемую проблему, тщательность и добросовестность в проведении исследований позволили Л. Ю. Субботиной провести оригинальные исследования по анализу личностного потенциала человека, специфике формирования профессиональной деятельности у людей старшего возраста, анализу феномена психологической защиты. В ее работах нашел отражение и широкий спектр прикладных исследований, в частности создание оригинальных психологических методик, разработка тренинга по общению, формирование специфических моделей поведения в ситуации длительных стрессовых воздействий (у лиц, побывавших в «горячих точках»).

Наряду с научной деятельностью Л. Ю. Субботина проводит большую научно-методическую, организационную и педагогическую работу на факультете психологии. Под ее руководством в последние годы защищены кандидатские диссертации, ряд аспирантов продолжают свою научную работу. Она – активный участник методического семинара при диссертационном совете факультета, научных конференций и психологических съездов.

Методическая деятельность Л. Ю. Субботиной выходит далеко за рамки университета. По заказу Правительства Российской Федерации ею были разработаны и опубликованы пять методических пособий для системы профессионального обучения. Учебная программа по курсу «Психология труда», подготовленная Л. Ю. Субботиной, победила в конкурсе на типовую программу для психологических факультетов страны.

За годы своей профессиональной деятельности Л. Ю. Субботина проявила себя как творческий популяризатор психологических знаний. Наряду с многочисленными популярными лекциями, Л. Ю. Субботина опубликовала цикл научно-популярных книг по психологии для педагогов, воспитателей детских дошкольных учреждений, родителей и читателей, интересующихся проблемами психологии. Под ее научной редакцией была выпущена «Энциклопедия воспитания и развития дошкольника» (2001).

В 2006 году Ларисой Юрьевной была успешно защищена докторская диссертация «Структурно-функциональная организация психологической защиты личности» по специальности 19.00.03 – Психология

труда, инженерная психология, эргономика по психологическим наукам (Научный консультант – член-корр. РАО А. В. Карпов).

Итогом теоретико–эмпирического анализа явилась предложенная ею структурно-функциональная модель психологической защиты» как основание для системной концепции защитного поведения личности. Психологическая защита имеет системно-структурное строение, является подструктурой личности и состоит из многообразных вариаций психологических механизмов и их комплексов. В структуре психологической защиты выделены следующие интегративные уровни: метасистемный, включающий защитную направленность личности, системный, личностные структуры и функции защиты, субсистемный уровень или комплексы, диады защитных механизмов и элементную структуру механизмов защиты. Данная модель отражает решение основной цели работы – комплексной характеристики феномена защиты.

Л. Ю. Субботина сконцентрировала внимание на анализе личностного аспекта психологической защиты в условиях профессиональной деятельности. Она подчеркивает, что этот вопрос, несмотря на его важность, не отражен в исследованиях психологов. Однако именно в труде возникают многообразные условия для активизации психологической защиты. В качестве теоретической основы ею используется системогенетический подход к профессиональной деятельности; концепция психической регуляции деятельности; теория становления профессионала, что соответствует современному научному базису психологического рассмотрения профессиональной деятельности.

Особый контекст появляется у исследуемой проблемы в рамках анализа профессиональной деятельности военных и работников спецподразделений. Изучение особенностей личности людей, оказавшихся в силу своей профессиональной принадлежности в условиях военного конфликта чрезвычайно актуально для сегодняшнего дня. Нередко защитное поведение у них становится определяющим для всей личностной активности. Подробный анализ, наряду с частным аспектом эмпирической проверки, выдвинутой Л. Ю. Субботиной структурно-функциональной модели психологической защиты, имеет и совершенно самостоятельное значение и ценность. Выявленные феномены и закономерности в данном направлении могут иметь непосредственное практическое приложение, что и доказывалось авторской разработкой реабилитационной программы для военнослужащих и проекта Центра реабилитации.

В процессе многочисленных исследований формулируется вывод о существовании общего явления в профессиональной деятельности – деструкции психологической защиты. Хотя автор осторожно оценивает ее как феномен, но все исследование указывает на универсальность проявления деструкции в условиях профессиональных стрессов, поэтому оправдано отнесение выявленного феномена к ряду психологических закономерностей. Полученный в диссертации материал вносит вклад в теорию личности, психологию труда, возрастную психологию.

Целый ряд полученных Л. Ю. Субботиной результатов и выводов имеют собственную ценность. К ним относятся: разработанные и использованные в исследовании методические средства диагностики защитного поведения; выявленные особенности формирования защитного поведения у военных, безработных; профессиональная динамика психологической защиты; характеристики защитных типов конкретных профессий (учителей, руководителей, милиционеров); закономерность деструкции защитного поведения.

Следует отметить, что практическая значимость исследований, проводимых Л. Ю. Субботиной и ее учениками и последователями, обусловлена острой актуальностью проблемы психологической защиты в современном обществе, необходимостью разработки научно обоснованных способов работы с психологическими защитами в аспекте адаптационной и регулятивной функций данной структуры. Полученные исследователем данные уже используются практически и имеют хороший прогностический потенциал.

Л. Ю. Субботина – опытный педагог, квалифицированный преподаватель, владеющий разнообразными формами и методами творческой работы в высшей школе, талантливый исследователь. Ларисе Юрьевне присуща чуткость и отзывчивость по отношению ко всем людям, обращающимся к ней за помощью. Она пользуется заслуженным авторитетом и уважением среди коллег и студентов.

Хочется от лица всех знающих ее ученых, преподавателей, студентов, друзей факультета психологии, психологической общественности Ярославля, пожелать ей успехов в осуществлении жизненных планов, новых научных достижений.

*Доктор психологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
педагогике и педагогической психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

М. М. Кашапов

К Юбилею Светланы Алексеевны Трифоновой

Что такое «юбилей»? Это прожитые человеком годы, включающие в себя его детство и юность, образование и профессиональный рост, рождение детей, взаимодействие с родными, друзьями, коллегами, приобретение и накопление опыта. Юбилей хорошего человека – это всегда одновременно и возможность замедлиться, посмотреть назад, вспомнить и еще раз оценить то, что было, и отличный повод подумать над будущим, насладиться перспективами и проектами, которые еще впереди. 7 ноября 2022 года свой 50-летний юбилей отмечает доцент кафедры социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, кандидат психологических наук Светлана Алексеевна Трифонова. Вот уже 30 лет мы идем с ней рука об руку, вместе решаем профессиональные задачи, радуемся успехам, переживаем неудачи.

Мы познакомились со Светланой Алексеевной, тогда еще, конечно же, Светой, в далеком 1990 году, когда стали студентами факультета психологии Ярославского государственного университета. В те годы было принято отправлять студентов на помощь колхозникам в сборе урожая. Вот и мы, первокурсники факультета психологии ЯрГУ, после торжественного Дня знаний сели в электричку и отправились «на кар-

тошку» в совхоз «Красный холм». Именно там, в холодной комнате, в которой мы все вместе спали, ели, сушили одежду и веселились мы и познакомились с нашей однокурсницей Светой Трифоновой. Скромная девочка, приехавшая из далекого Марийского села выглядела уверенно и аккуратно и почти сразу стала одним из главных организаторов нашего непритязательного колхозного быта. Как-то легко и непринужденно, тихо и незаметно ей удавалось поддерживать порядок вокруг себя и всех нас.

А после «картошки» начались незабываемые студенческие годы. Мы оказались дружным, способным, мотивированным на учебу курсом. В то время хоть и было деление на учебные группы, мы воспринимали себя единым целым и даже сейчас с трудом вспоминаем, кто из нас в какой группе учился. Но даже на этом общем высоком фоне Светлана отличалась своей поразительной дисциплинированностью и вдумчивостью. Света училась с душой, как и все мы много времени проводила в библиотеке им. Некрасова, была постоянной участницей наших ежегодных вылазок в Белкино. Ее студенческие тетради были образцом записи конспекта лекции или материалов семинара, и, если кто-то из нас пропускал занятие (а такое, надо признать, случалось), то с просьбой переписать все обращались именно к Свете – добросовестной студентке и обладательнице каллиграфического почерка. Неудивительно, что благодаря своему трудолюбию, искренней увлеченности психологией и исключительной мотивированности на учебу Светлана Алексеевна стала одной из лучших студенток выпуска 1995 года. Она закончила университет с отличием и сразу же поступила в аспирантуру, что в те годы было сделать совсем не просто.

Под руководством профессора Юрия Константиновича Корнилова была подготовлена и блестяще защищена кандидатская диссертация на тему «Субъективная ситуация: содержание, формирование, способы построения», которая в то время произвела настоящий фурор в научных психологических кругах, а Светлана Алексеевна стала первым кандидатом наук нашего выпуска (в целом выпуск ЯрГУ 1995 года составил 45 человек, более 10 из которых (почти 25%) стали в разные годы обладателями ученых степеней). Работа Светланы Алексеевны во многом пионерской, так как благодаря ей «субъективная ситуация» наконец стала объектом исследования психологов. В диссертации был проведен психологический анализ особенностей восприятия и отображения различных ситуаций (как стимульных, так и реальных), построения субъективного образа фрагмента окружающей реальности. С. А. Трифоновой удалось установить зависимость специфики восприятия и отображения ситуации от позиции субъекта, а также определить роль личностных особенностей человека в психологическом содержании воспри-

нимаемой им ситуации. Материалы этой диссертации до сих пор активно цитируются современными исследователями, хотя с момента ее защиты прошло уже почти 25 лет.

Неудивительно, что уже во время обучения в аспирантуре Светлана Алексеевна привлекалась к проведению учебных занятий, а после ее окончания заняла место одного из ведущих преподавателей факультета психологии, работая сначала на кафедре общей психологии, а затем после создания новой кафедры – кафедры социальной и политической психологии, стала одним из ее ключевых сотрудников. Так постепенно наша студенческая дружба переросла в дружбу профессиональную, наполненную множеством задач, проектов, документов и мероприятий.

Вдумчивость, трудолюбие и высочайший профессионализм – главные характеристики Светланы Алексеевны Трифоновой как преподавателя. Каждое ее занятие – маленький кусочек жизни, дающий студентам основу будущего профессионализма, ответственного и трепетного отношения к своей профессии. В память врезалась забежавшая в деканат стайка студентов, которые обратились к преподавателям с совершенно нестандартной просьбой: дать им монетку. Увидев недоуменные взгляды преподавателей, они объяснили, что это у них проходит занятие по курсу «Социальная психология». Так в нетривиальной практической форме студенты развивали свой социальный интеллект и навыки командного взаимодействия.

Уже много лет Светлана Алексеевна возглавляет на факультете психологии ЯрГУ очень непростой участок работы. Сначала это было заочное отделение, на котором студенты получали второе высшее образование в сокращенной форме. Постепенно, благодаря усилиям Светланы Алексеевны, оно переродилось в направление магистерской подготовки, реализующееся в очно-заочном формате – магистерскую программу «Прикладная психология». Эта программа ориентирована на то, чтобы дать возможность получить психологическое образование взрослым состоявшимся профессионалам, многие из которых решили сменить или разнообразить вектор своего профессионального развития. Для большинства таких студентов влиться в учебный процесс оказывается очень не просто: новые предметы, специфическая терминология, напряженный график учебы, которую необходимо совмещать с работой, семьей... И каждый год, заканчивая университет, выпускники подчеркивают, что именно благодаря Светлане Алексеевне, ее постоянной поддержке и помощи в решении всех учебных вопросов, обучение прошло в комфортной и теплой обстановке, без стресса и напряжения, что позволило успешно закончить университет и получить новые возможности в своей профессиональной жизни.

Сегодня профессионализм Светланы Трифоновой востребован и за пределами альма-матер. Она является единственным в городе сертифицированным специалистом по психодраме, ведущим терапевтических групп, психодраматерапевтом. В этой работе Светлана Алексеевна помогает людям заглянуть в себя, понять и познать свой внутренний мир, сделать его более гармоничным и понятным для самого себя. Вместе со Светланой Алексеевной люди работают с собой, для себя, на себя, про отношения с собой и с другими. В этой работе клиенты чувствуют много тепла, поддержки, спонтанности и проживают яркие, грустные и веселые моменты. Светлана Алексеевна может и умеет работать с самыми разными клиентами, у нее здорово получается сделать жизнь человека чуточку счастливее, а мир вокруг него чуточку добрее.

Никогда не перестаешь удивляться умению Светланы Алексеевны общаться так просто и одновременно основательно. При этом его обаяние и широта характера проявляются не только с коллегами – учеными и преподавателями, но и с совсем юными студентами и в чем-то растерявшимися заочниками. Активная, заинтересованная, порой артистичная, увлеченная в спорах и дискуссиях, душевных беседах открывается другим людям Светлана Алексеевна. Активная жизненная позиция, равнодушие ко всему окружающему, профессионализм, обаяние, независимость, требовательность к себе и другим, умение дружить и любить характеризуют Светлану Алексеевну в самых разных направлениях ее работы и жизни.

Конечно, энергию и опору в своей профессиональной деятельности Светлана Алексеевна находит в своей семье. Муж Олег, замечательный сын Димка и обворожительная кошка – донской сфинкс Изюмка – вот надежный тыл и источник вдохновения Светланы Алексеевны. Дом, в котором пахнет пирогами, дом, в котором тебя ждут любимые люди, дом, в котором по тебе тоскует любимая Изюмка в новом платишке – это тот ресурс, который двигает Светлану Алексеевну вперед и в котором одновременно можно на какое-то время замедлиться и заземлиться, посмотреть на то, что было и нарисовать для себя картинку будущего, того, что ждет впереди, и, конечно, обязательно сбудется!

Жизнь – это творчество, творчество профессионала и просто хорошего человека, которому Светлана Алексеевна отдает себя целиком. Хорошо известно, что профессии ученого, педагога и психолога тесно связаны с важнейшими человеческими ценностями, образующими классическую триаду – истины, добра и красоты. Можно с уверенностью сказать, что Светлана Алексеевна обладает всеми этими

замечательными качествами, делающими ее жизнь и жизнь ее близких наполненной самыми разными возможностями и ресурсами. Говорят, что возрастом люди меняются. Мы становимся кто благодуще, кто равнодушнее, появляются новые привычки и обостряются старые переживания. А Светлана Алексеевна, кажется, не меняется, тот же острый ум, то же обаяние, добродушие и равнодушие к студентам, коллегам, клиентам, к их проблемам и трудностям.

Юбилей — это подведение промежуточных итогов. Взгляд назад и оценка будущих перспектив. Можно с уверенностью сказать, что у Светланы Трифоновой все это на «красный диплом». Сделано многое. Многого предстоит сделать. Для этого у нашей коллеги и подруги есть все необходимое: острый ум, требовательность к себе, независимость, обаяние, доброта, профессионализм! Мы точно знаем, что так будет всегда! Доброго здоровья Светлана Алексеевна! Энергии и оптимизма! И, конечно, удачи на предстоящем пути!

*Кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии труда
и организационной психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

О. Н. Саковская

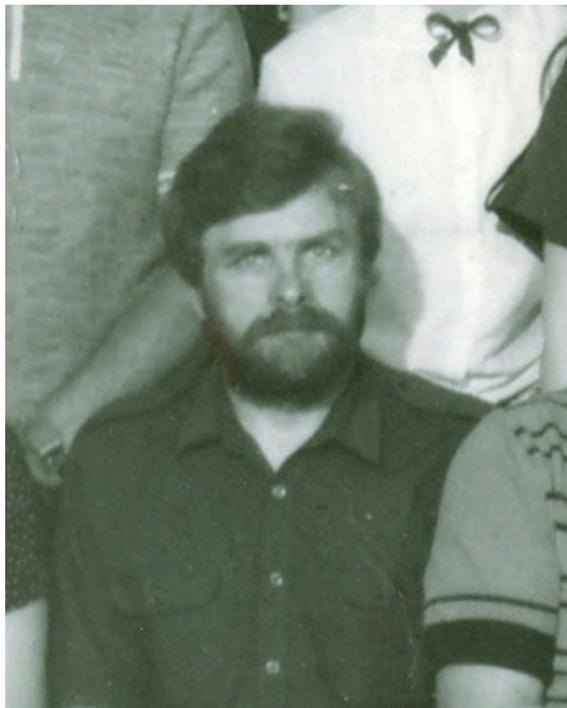
*Кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

В. К. Солондаев

*Кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии труда
и организационной психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

Ю. В. Филиппова

К Юбилею Вячеслава Леонидовича Шкаликова

В этом году исполняется 75 лет нашему коллеге Вячеславу Леонидовичу Шкаликову. Более 20 лет (в 1970-1990-е гг.) Вячеслав Леонидович работал на кафедре психологии труда и инженерной психологии Ярославского государственного университета. В. Л. Шкаликов является представителем первого выпуска факультета психологии и по окончании обучения вместе со сразу несколькими своими бывшими однокурсниками – В. Е. Орлом, В. И. Чирковым, Л. Ю. Субботиной, А. В. Панкратовым – пополнил ряды профессорско-педагогического состава. Вследствие этого, во многом решилась острая в то время кадровая проблема нехватки специалистов-преподавателей на молодом факультете.

К 1980-м годам это новое поколение – бывшие студенты нашего факультета, его выпускники – начало занимать активные позиции как в науке, так и в педагогической и административной работе.

В 1989 году В. Л. Шкаликов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата психологических наук под руководством общего для многих поколений ярославских психологов учителя – академика В. Д. Шадрикова. Тема работы «Изучение неравномерности и гетерохронности освоения деятельности

в процессе профессиональной подготовки» и ее содержание были полностью выдержаны в русле актуальных на тот период времени направлений исследований в отечественной инженерной психологии и психологии труда, а также, разумеется, в Ярославской психологической школе, в особенности. Нельзя не отметить и тот факт, что официальными оппонентами на защите диссертации выступили известные и крупные специалисты – В. А. Бодров и Ю. К. Стрелков, что, разумеется, по-своему усилило значение работы В. Л. Шкаликова.

Сфера научных интересов В. Л. Шкаликова также неуклонно связана с вопросами психологического анализа деятельности, профессионального обучения, профессиональных способностей, профессионально-важных качеств (ПВК), внедрения специальных методов математико-статистической обработки и интерпретации данных в исследование отдельных видов профессиональной деятельности и т. д. Среди публикаций Вячеслава Леонидовича центральное место занимают такие работы, как

1. Психологический анализ деятельности электросварщика в целях производственного обучения // Проблемы индустриальной психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977. С.106–126.

2. Психологический анализ деятельности электросварщика // Психологические проблемы повышения эффективности и качества труда: Тез. докл. к V Всес. съезду психологов СССР. Ч.1. Москва, 1977. С.134–135.

3. Некоторые психологические возможности повышения эффективности подготовки электросварщиков в ГПТУ // Психологические проблемы повышения качества учебно-воспитательной работы и эффективности профессиональной подготовки учащихся средних ПТУ: Тез. докл. научно-практ. Конф. Ереван, 1977. С. 124–126.

4. Экспериментальное исследование некоторых профессиональных особенностей сенсорной сферы электросварщика // Проблемы индустриальной психологии. Ярославль; ЯрГУ, 1979. С. 64–75. (В соавт. с С. П. Филипповой).

5. Индивидуально-личностная обусловленность неравномерности и гетерохронности процесса освоения профессиональной деятельности // Проблемы инженерной психологии: Мат. Всес. конф. до инж. психол. Вып. III. Ярославль, 1979. С. 77–78.

6. Экспериментальное исследование развития профессионально важных качеств у учеников-электросварщиков на начальных этапах освоения профессии // Проблемы индустриальной психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1982. С.89–104.

7. О вариативности процесса учения и ее психологических коррелятах // Психологические проблемы повышения эффективности и качества труда. Ч.П.: Тез. научн. сообщ. советских психологов к IV Всес. съезду Общества психологов СССР. Москва, 1983. С.335–336.

8. Взаимосвязь эффективности профессиональной деятельности и развития профессионально важных качеств в процессе обучения // Проблемы инженерной психологии: Тез. VI Всес. конф. по инж. психол. Вып. III. Л., 1984. С.329-330.

9. Взаимосвязь обучения и развития в процессе освоения профессиональной деятельности // Психол. журнал. 1984, №5. С. 94–103. (В соавт. с В. Д. Шадриковым).

Работая в должности доцента кафедры психологии труда и инженерной психологии, В. Л. Шкаликов в разное время вел следующие учебные курсы: «Психология труда», «Психологический анализ деятельности (ПАД)», «Психологические основы подготовки кадров», лабораторные работы и практикумы по психологии труда и др.

В память о вкладе, который был внесен Вячеславом Леонидовичем в развитие факультета психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова, в работу над воспитанием студентов-психологов, а также об интересной и насыщенной совместной работе с коллегами его портрет размещен в одной из экспозиций Музея факультета на специальном стенде «История в лицах». В 2020 году В. Л. Шкаликов участвовал в торжественных мероприятиях по случаю 50-летнего Юбилея факультета психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова и был в числе приглашенных почетных гостей.

Коллектив факультета психологии сердечно поздравляет Вячеслава Леонидовича со славным Юбилеем, желает крепкого здоровья, радостных свершений и благополучия во всем!

*Доктор психологических наук,
профессор РАО,
профессор кафедры психологии труда
и организационной психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

А. А. Карпов

Знаете, каким он парнем был! К 70-летию со дня рождения Александра Валерьевича Панкрата

Александр Валерьевич Панкратов – Саша Панкратов – один из самых ярких представителей первого выпуска факультета психологии ЯрГУ.

С 1970 года он связал свою судьбу с нашим факультетом и не разрывал этой связи до безвременного трагического ухода. И если Александра Валерьевича хорошо знают и помнят на факультете, то Сашу знают не все. Не претендуя на полноту и тщательность описания этого неординарного человека, постараемся крупными мазками описать, каким же был Саша Панкратов полвека назад.

Он обращал на себя внимание с первого взгляда: высокий, широкоплечий, светловолосый молодой человек с открытым лицом. Сразу производил впечатление умного, сильного человека, что потом нашло многократное подтверждение.

Кругозор Саши, казалось, был безграничен. Он мог рассуждать или спорить о разных научных, психологических, исторических проблемах, а мог спеть «Конфетки-бараночки...» в то время малоизвестную «непролетарскую» песню. Не только на занятиях был виден его талант, но и в научной работе. Вместе с Татьяной Малашенко они изучали сон. Для этого оборудовали спальное место на факультете, в экранированной комнате, добились разрешения проводить исследование ночью и выполнили намеченную программу, получив очень интересные результаты.

Саша был сильным, активным студентом. Он принимал участие в движении ССО – студенческих строительных отрядов, уезжая на все лето в разные регионы нашей страны, в том числе, в Якутию. Уже тогда он был «психотерапевтом», помогая преодолевать некоторым студентам стресс на авиаперелетах. Ил-18 летел в Якутск очень долго, не все студенты спокойно доверяли свою жизнь этому «ветерану». Саша шел к трапу и торжественно пел «Ил-18 хороший самолет. Выгодно, удобно, очень безопасно...». Пел на мотив похоронного марша. Веселье от такого исполнения вселяло в наши души надежду и уверенность в благополучном перелете.

Еще одна черта, которая была присуща Саше, – отзывчивость и готовность помочь. Он был одним из первых на факультете, кто увлекся и достиг больших успехов в освоении компьютерной техники, и с готовностью откликался на обращения всех, кто говорил ему о своих проблемах. Можно утверждать, что именно он научил многих не бояться этого «железного зверя» и подружиться с ним.

На кафедре общей психологии Саша работал всю жизнь, с 1975 года, после окончания университета с небольшим перерывом на военную службу. Менялись должности, отражая карьерный рост, менялись научные интересы, но оставались неизменными увлеченность научным поиском.

Александр Панкратов был блестящим представителем школы практического мышления Юрия Константиновича Корнилова. К теории практического мышления он относился серьезно и трепетно, тщательно отстаивая ее уникальность и самобытность, до тонкостей разбираясь в теме. Высокая степень его научной ответственности не допускала компромиссов. При этом он не был научным затворником, с удовольствием делился своими научными находками с коллегами и студентами. Делился главным образом устно. Поглощенность научным творчеством «мешала» систематической публикационной работе. Многого осталось ненаписанным. Но и то, что сделано, не потеряло значения до настоящего времени, более того, приобрело новое звучание, соответствующее духу времени. Конструкт «субъективная

репрезентация» сейчас известен всем, кто сколько-нибудь знаком с когнитивными исследованиями. Александр Валерьевич заинтересовался проблемой и глубоко погрузился в нее как ученый, когда когнитивная психология как отрасль психологической науки лишь начинала завоевывать свои позиции.

В те годы, когда Александр Валерьевич работал над своей кандидатской диссертацией, теория практического мышления, базирующаяся на классических общепсихологических основаниях, постепенно приобретала черты, сообщенные ей достижениями современной для того периода когнитивной науки. Александр Валерьевич утверждал, что практическое мышление – это феномен, обеспечивающий жизнедеятельность человека, как профессиональную, так и обыденную, и поэтому заслуживают пристального изучения самые тонкие его закономерности. Одна из них – своеобразная иерархичность мышления, которое может оперировать разными уровнями отражения мира: от научных конструкций до глубоко субъективных мифологических представлений. Успешность решения практических задач определяется легкостью переключения между ними, а она, в свою очередь, зависит от уровня профессионализации субъекта мышления. Тем самым был внесен существенный вклад в изучение источников и механизмов формирования профессионального опыта субъекта, то есть в проблему, в значительной степени открытую и по сей день.

При высокой научной ценности работ А. В. Панкрата их отличает своеобразная гуманистичность, «человечность», присущая автору. Когда-то Юрий Константинович Корнилов в одной из публикаций писал, что Сашу трудно характеризовать с позиций общепринятых стандартов, поскольку ему несвойственны карьерные устремления. Действительно, для него процесс был порой важнее результата, а живая коммуникация важнее фиксации достижений и соблюдения формальностей. Он с неподдельной радостью и открытостью относился ко всем, кто обращался к нему с вопросом или за помощью, и эта помощь часто была очень существенной, для многих неоценимой. Десятки студентов оформили свои курсовые и выпускные работы благодаря полученным от него консультациям по компьютерной математической обработке результатов, а часто и непосредственному выполнению значительной части этой процедуры.

Невозможно забыть уникальные «находки» Панкрата-преподавателя и организатора образования. Техническое оснащение лабораторных работ, придуманное и в значительной степени непосредственно сконструированное его руками, работало долгие годы, позволяло не только обеспечить учебные занятия, но и развернуть продуктивные исследования.

Он ушел от нас внезапно 21 марта 2015 года. В памяти кафедрального компьютера – его научные труды, отчеты по грантам, фотографии тех, кого он любил. А в нашей памяти – его улыбка, доброжелательность, толерантность, порядочность, открытость, блестящий интеллект, высокая общая культура. Эти качества, редко сочетающиеся в одном человеке, в полной мере были отпущены судьбой нашему коллеге и другу.

Жизнь Александра Валерьевича не была легкой и простой, но он всегда оставался настоящим человеком, мужественно встречающим разные вызовы судьбы, готовым поддержать других в трудную их минуту.

Именно таким он и останется навсегда в нашей памяти.

*Доктор психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой общей психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

Е. В. Конева

*Кандидат психологических наук,
доцент кафедры педагогики
и педагогической психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

А. А. Смирнов

Памяти Маргариты Макаровны Рыбаковой⁷

Известно, что за успехи, победы, труды людей награждают грамотами и медалями, дипломами и званиями. И поэтому не случайно многие из нас берегут доставшиеся нам награды, гордятся ими. В этом отношении Маргарита Макаровна была необычайным человеком. Она знала цену людям, не стремилась заслужить поощрение, с некоторым юмором относилась к внешней значительности. Она со смехом рассказывала, как на курсах повышения квалификации в Москве дамы из провинциальных вузов бежали на лекцию к А. В. Петровскому «чтобы дотронуться» до великого ученого. И она огорчалась, что настоящих профессоров, таких, как те, с которыми ей довелось общаться, становится все меньше. Я помню, как она смеялась, когда накануне своего сорокалетия я заявил, что у меня скоро юбилей. Она считала, что юбилей надо заслужить. И что для этого должно пройти уж никак не 30 и 40 лет.

Маргарита Макаровна училась в аспирантуре в Старом Институте психологии. Ее руководителем был Константин Николаевич Корнилов, она имела счастье общаться с известными учеными страны, со старой интеллигенцией. Интересными были ее рассказы об этих психологах. Мне запомнилось, как она рассказывала о Б. М. Теплове, который в своих выступлениях поражал аудиторию своей

эрудицией и, вместе с тем, простотой изложения. Он любил во время выступления держаться за спинку стула, повернув его сиденьем от себя. «Взять хотя бы вот этот стул», – говорил он, если требовалось привести пример... Аспирантку Рыбакову хорошо знали в Институте, К. Н. Корнилов предлагал ей после защиты диссертации сразу же приступить к работе над докторской, поскольку ее исследовательский подход и интенсивность работы гарантировали скорый успех. Но судьба ее сложилась иначе.

Я впервые встретился с Маргаритой Макаровной, когда учился на четвертом курсе и проходил педагогическую практику. Наша группа увлекалась вопросами методики преподавания, а я был одним из самых успешных «методистов». В тот день я провел урок очень удачно, меня хвалили. Маргарита Макаровна тоже слушала урок, но ничего не сказала, а уходя, не при всех, она пожурела меня за то, что я волнуюсь, а поэтому хуже соображаю. Я тогда был поражен, т.к. никто не замечал, что я волнуюсь. И ведь именно это волнение так сильно мне мешало на уроках. Мне тогда запомнилась эта преподавательница – психолог, замечаящая в происходящем больше, чем другие.

Совершенно особое отношение к Маргарите Макаровне было у моего научного руководителя по аспирантуре Василия Степановича Филатова.

Возможно, сегодня уже не все знают, что нынешнему расцвету психологии в Ярославле мы обязаны этому замечательному ученому и человеку. Ведь именно благодаря его огромному авторитету среди российских психологов и у властей города сформировалась сильная психологическая кафедра в пединституте, была открыта психологическая лаборатория, появилась аспирантура, стали проходить конференции, на которые приезжали ведущие ученые страны, выходили книги, защищались диссертации. Именно на этой волне и появилась впоследствии реальная возможность открыть факультет. На этой знаменитой Филатовской кафедре эмоциональным лидером была Маргарита Макаровна. Сам Василий Степанович очень дорожил той атмосферой доброжелательности и творческой активности, которые царили на кафедре. На наших днях «ярославского психолога», которые часто проходили дома у М. М. Рыбаковой, были капустники, пелись старинные студенческие песни. Василий Степанович устраивал «конкурс тостов в честь Маргариты Макаровны». В первом тосте за ее здоровье шеф говорил, что всегда был противником женщин на своей кафедре и твердо придерживался этого правила. И только один раз он согласился всего лишь познакомиться, как работает эта женщина, и в итоге решил сделать исключение. И вот при всех он заявляет, что Маргарита Макаровна – замечательный преподаватель и сотрудник, и что он не жалеет о принятом решении.

И в самом деле, высокая научная квалификация, научные контакты, просто личное обаяние Маргариты Макаровны принесли немалую пользу, как начинающим ученым, так и всей кафедре. Нередко ехали на конференцию в не слишком известный тогда Ярославль, потому что приглашала Рыбакова. А потом рассказывали, что в Ярославле интересные доклады, что ярославцы хорошо принимают. На моей первой иногородней конференции в Алма-Ате я был очень хорошо принят, попал на все экскурсии, был хорошо размещен в гостинице и т.п. Кто-то меня спросил: ты чей, ты откуда? И я не знал, что ответить. Но потом знающие люди пояснили: он из Ярославля, от Рыбаковой.

У Маргариты Макаровны была редкая особенность – она не просто хорошо знала психологию, она ее видела в реальной жизни, чувствовала. Если я не знал, как интересно и понятно раскрыть некоторую тему, как связать ее с жизнью, а для учителей – с работой, как зацепить за живое родителей, для которых готовлю лекцию, – я всегда бежал к Маргарите Макаровне. Она не только помогала мне найти глубину в вопросе, но и попутно обучала меня этой самой психологии, раскрывала важные нюансы темы, объясняла подтексты таящихся за проблемой научных дискуссий. Многие из начинающих психологов обращались к ней за помощью и поддержкой. Она всем помогала.

Лекции Маргариты Макаровны очень высоко ценили практики. Она не просто помогала понять возникший вопрос, она через него раскрывала учителям сложные закономерности психологии. Нам удалось уговорить ее обобщить огромный накопленный материал. В итоге ее трудов появилась монография, через ситуации раскрывающая глубины психологии. Многие из нас знали, что учителя и родители выделяют лекции Маргариты Макаровны, так как она читает живую психологию. Это сразу обнаруживали заочники. И когда она работала на ФПК, это чувствовали директора школ. Там М. М. Рыбакова и В. Б. Успенский сумели создать атмосферу настоящего, там глубоко обсуждались животрепещущие проблемы работы профессионалов.

М. М. Рыбакова много лет проработала в Ярославском педагогическом Университете на кафедре психологии. За ней был закреплен физмат, где ее хорошо знали и высоко ценили. Там она работала и при Филатове, и при Карпове, и при Ерастове. Но вот возникла идея создания кафедры педагогики и психологии начального образования. Конечно, на заведование кафедрой пригласили Рыбакову. Стали открывать дошкольное отделение – читать детскую психологию, основной и трудный предмет, опять обратились к Рыбаковой. Маргарита Макаровна была ведущим специалистом по детской психологии в Ярославле. Это было начало восьмидесятых, а в начале семидесятых, когда заработал Демидовский университет, читать детскую психологию мы уговорили, безусловно, Маргариту Макаровну, а поэтому первые выпускники нашего факультета тоже успели познакомиться с М. М. Рыбаковой, с ее своеобразной манерой преподавания.

Многие на Филатовской кафедре бывали дома у Маргариты Макаровны и хорошо знали ее супруга Геннадия Ивановича, ее детей – Милу и Ваню. В этом доме нас всегда приветливо встречали, а сама М. М. Рыбакова всегда готова помочь. Многие, в том числе известные психологи, находили в этом доме привет и помощь. Интересно, что сама она при этом не ждала какой-то благодарности, делалось это как-то естественно.

Однажды Маргарита Макаровна рассказывала мне о трудных годах ее жизни, о том, как складывалась ее судьба. Например, я узнал, что ее брат во время войны был тяжело ранен. Такие, как он, обычно погибали, т.к. требовался уход, лечение, питание. Но главное, нельзя было установить, где, в каком госпитале он находится. Во время войны не было ничего стабильного, все перемещалось. И вот, несмотря на эти невероятные трудности, ей удалось найти и выходить брата. Эту историю нельзя пересказывать, ведь главными героями ее были люди – жестокие, безжалостные, и другие, настоящие, благодаря которым ей и удалось спасти брата.

Однажды, когда мои дети еще были маленькими, Маргарита Макаровна пришла к нам помогать моей жене Свете. Мы были очень рады тем дружеским отношениям, которые установились. Именно в те времена и рассказывала мне Маргарита Макаровна эту историю с ее братом, а также и многое другое – о жизни, о людях, о психологии и психологах.

Маргарита Макаровна была человеком очень добрым, искренним, готовым помочь, но она не переносила всякие просьбы поставить хорошую оценку за никакой ответ, ну и все другие подобные проявления более значительного масштаба. Она вообще не переносила всякую фальшь, притворство и жульничество.

Маргарита Макаровна была человеком светлым, оптимистичным, негативные стороны жизни вызывали у нее презрение и насмешку, ее мир был добрым, справедливым и веселым. Многие из нас, кто общался с М. М. Рыбаковой, невольно попадали под влияние этого замечательного человека, хотя, как правило, и не замечали этого. Мир, окружающий нас, все-таки добрый, светлый, яркий и оптимистичский. И это также благодаря тому, что с нами была Маргарита Макаровна Рыбакова.

⁷ Материалы ранее были опубликованы в журнале «Ярославский психологический вестник», 2008. Вып. 24. С. 166–168.

Наше профессиональное сообщество, не столь богатое яркими психологическими талантами и индивидуальностями, понесло непоправимую утрату: не стало Маргариты Макаровны Рыбаковой. Именно она внесла весомый вклад в становление Ярославской психологической школы: многие ее студенты стали профессорами, руководителями собственных научных направлений. Анализ ее многогранного научного наследия сделан в работах Г. А. Мурашева (1998), А. В. Карпова (2001), В. А. Мазилова (2002) и других ученых.

Каждая встреча с ней (а их было немало) – это всегда радость, душевный праздник. От нее шло сердечное тепло. Своего собеседника она одаривала неизменно лучезарной улыбкой. На нее всегда приятно было смотреть: голубые лучистые глаза, заглядывающие в душу; особенная прическа (только у нее была такая: аккуратно уложенные волосы открывали высокий лоб), тонкий, прямой нос. А слушать ее было несказанным удовольствием. У нее был особенный, «воркующий», грудной голос, с прекрасной модуляцией, с очень хорошей дальностью посылки. Во время лекций ей не нужно было повышать голос. Ее было хорошо слышно даже в очень больших и многолюдных аудиториях.

Ее учебные занятия всегда вызвали необычайный резонанс у разных категорий обучаемых: студенты, учителя, руководители школ и системы образования. Она поражала оригинальностью и смелостью своего мышления. Ее четкая профессиональная гражданская позиция вызывала чувство глубоко уважения.

Она была настоящим интеллигентом: прекрасно владела устной и письменной речью, но намного чаще говорила, чем писала. Она предпочитала живое, изустное общение. Могла часами говорить на разнообразные темы, далеко не всегда психологического содержания. Ее замечательная книга (Рыбакова М. М. Конфликт и взаимодействие в педагогическом процессе: Книга для учителя. Москва, 1991. 128 с.) переиздавалась многократно и всегда пользовалась успехом, секрет которого очень прост. Маргарита Макаровна писала также просто и ясно, как говорила. Поэтому, читая эту книгу, явственно слышишь ее голос.

Другой причиной успеха данной работы является ее неразрывная связь с жизнью. Книга написана в результате многолетнего общения с учителями, руководителями школ, родителями. В ходе такого общения происходили и психологические консультации, и решения труднейших управленческих, педагогических и родительских проблемных ситуаций, и психотерапия сердечным отношением и мудрыми словами.

Маргарита Макаровна в 1949 году окончила педагогический факультет Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Судя по ее теплым воспоминаниям об этом времени, обучение в аспирантуре на кафедре психологии того же вуза оставило сильнейший след в ее биографии. В те годы на этой кафедре работали выдающиеся психологи (К. Н. Корнилов, Е. И. Игнатьев, Н. Д. Левитов, С. Ф. Козлов, Н. С. Лукин). Под руководством С. Ф. Козлова защитила кандидатскую диссертацию о развитии воображения у дошкольников. Более 40 лет она работала доцентом на кафедре психологии Ярославского государственного педагогического института им. К. Д. Ушинского. Затем была заведующей кафедрой психологии и педагогики начального обучения. Кроме этого, в сферу ее профессиональной активности входили Институт повышения квалификации педагогических и руководящих работников, школы, вузы.

Мое первое знакомство с ней состоялось в 1977 году, когда она читала курс по педагогической психологии на факультете психологии Ярославского государственного университета. А второе – более близкое в 1980 году, когда мы начали вместе работать на факультете повышения квалификации директоров школ ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Она вела теоретический курс занятий по психологии, а я – практические занятия. Она никогда и никого не воспитывала. Ей чужды были нотации, нравоучения. Она своим ярким примером показала, как надо относиться к работе, к людям, к любимой науке. Чутко и доброжелательно реагировала на все обращения к ней и, не считаясь со временем, старалась оказать всемерную помощь. Такой она и остается в моей памяти: доброй, мудрой, отзывчивой и всегда улыбчивой.

Итоги Всероссийского психологического форума и VII Съезда Российского психологического общества

28-30 сентября 2022 года представители Ярославского регионального отделения РПО приняли участие в VII Съезде Российского психологического общества и Всероссийском психологическом форуме в Екатеринбурге, который посетили более тысячи специалистов из 70 регионов Российской Федерации.

С приветственными словами на торжественной церемонии открытия выступили ректор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина Виктор Анатольевич Кокшаров и президент Российского психологического общества, декан факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, директор Психологического института РАО, академик РАО, доктор психологических наук, профессор Юрий Петрович Зинченко.

Президент РПО Юрий Петрович Зинченко выступил с отчетом «О деятельности Российского психологического общества», в котором отразил основные достижения общества за последние пять лет и представил актуальные векторы его развития. Для фундаментальной науки значимыми ориентирами развития определены: формирование актуальной повестки фундаментальных научных исследований в области психологии и междисциплинарных исследований человека, а также разработка перспективных инструментов психологических исследований (технологии искусственного интеллекта, виртуальная и дополненная реальность, роботизация, геймификация, конвергентные и нейроморфные технологии и др.). В образовании основными направлениями развития обозначены: актуализация образовательных стандартов с учетом расширения сфер деятельности профессиональных психологов и развитие программ дополнительного образования в области психологии. На съезде Российского психологического общества состоялось избрание президиума РПО.

На 27 секциях форума широко была представлена разнообразная тематика в выступлениях российских психологов.

Ярославское региональное отделение приняло активное участие в работе форума и съезда психологов (организация выставки научных и учебно-методических изданий, проведение секций, презентация докладов). В состав делегации вошли представители ВУЗов г. Ярославля: ЯрГУ им. П. Г. Демидова (А. В. Карпов, М. М. Кашапов, А. А. Карпов), ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (Е. В. Карпова, О. Ю. Камакина).

Поздравляем А. В. Карпова, доктора психологических наук, члена-корреспондента РАО, профессора, декана факультета ЯрГУ им. П. Г. Демидова, заслуженного деятеля РФ, руководителя ЯРО РПО с избранием в президиум Российского психологического общества, а также с победой в конкурсе монографий!

По итогам работы издан сборник материалов, в котором представлены работы исследователей и практиков, представляющих различные области современной психологии.

*Кандидат психологических наук,
доцент кафедры педагогики и
психологии начального обучения
ЯГПУ им. К. Д. Ушинского,
исполнительный директор ЯРО РПО*

О. Ю. Камакина

*Кандидат психологических наук,
профессор*

Ю. К. Корнилов

*Доктор психологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
педагогики и педагогической психологии
ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

М. М. Кашапов

Книга Анатолия Викторовича Карпова признана лучшей монографией по психологии за пять лет!

В конкурсе работ Российского психологического общества, прошедшем в рамках VII Съезда Российского психологического общества, были подведены итоги конкурса монографий по психологии за последние 5 лет. Наивысшей оценки удостоился труд члена-корреспондента РАО, доктора психологических наук, профессора, декана факультета психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова, председателя ЯРО РПО Анатолия Викторовича Карпова «Структура и сущность субъективной реальности».

Анатолий Викторович является единственным ученым в России, чьи работы дважды были признаны Российским психологическим обществом лучшими – в 2011 году его монография «Психология сознания» также была оценена на высочайшем уровне.

Монография «Структура и сущность субъективной реальности» состоит из двух томов. В томе I «Сенсорика. Процессы. Сознание» предпринята попытка охватить единым теоретико-методологическим подходом основные аспекты фундаментальной общепсихологической проблемы онтологии психического и ее генезиса. В их качестве выступает совокупность базовых гносеологических планов исследования – метасистемного, структурного, функционального, генетического и интегративного. В данном томе эта проблема рассматривается по отношению к порождению и содержанию сенсорной сферы, психических процессов и сознания. Теоретико-методологической основой решения этой проблемы выступает реализованный в работе метасистемный подход. Показано, что он является действенным средством раскрытия закономерностей формирования и развития этих трех основных уровней организации онтологии психического. В качестве наиболее обобщенного теоретического конструкта, максимально полно эксплицирующего содержание и сущность онтологии психического, обосновано понятие субъективной реальности. Показано его определяющее значение для экспликации содержания предмета психологических исследований в целом. Рассмотрены основные компоненты состава и структуры субъективной реальности, раскрыто их содержание, а также закономерности их формирования и функционирования. По отношению к проблеме содержания и структуры онтологии психического реализована фундаментальная общенаучная категория качества. Всесторонне раскрыта принципиальная роль трех основных типов качеств – материальных, функциональных и системных в порождении и организации субъективной реальности. Выявлен и объяснен принципиальный изоморфизм этих трех базовых типов качеств и трех основных уровней субъективной реальности – уровня сенсорной организации психики,

ее процессуально-психологического содержания, а также уровня сознания. Книга адресована психологам и представителям смежных областей, в которых исследуются фундаментальные психологические проблемы онтологии психического, а также природы и содержания субъективной реальности в целом.

В томе II «Бессознательное. Знания. Личность» предпринята попытка охватить единым теоретико-методологическим подходом основные аспекты фундаментальной общепсихологической проблемы онтологии психического и ее генезиса. В его качестве выступает сформулированный и реализованный в книге метасистемный подход. Обоснована необходимость дифференциации двух новых типов качеств – виртуальных и метасистемных. На этой основе раскрыты и объяснены новые, не описанные до сих пор закономерности формирования и функционирования двух важнейших сфер субъективной реальности – сферы бессознательного и системы индивидуальных качеств личности. Вскрыта принципиальная роль в их формировании базового механизма окачествления реальности как общего для порождения всех уровней онтологии психического. Предложена и реализована новая трактовка базового психологического понятия, а одновременно и важнейшей гносеологической категории – знаний, обосновано положение о структурно-уровневом принципе их организации, выявлены ее основные уровни. Сформулировано положение, согласно которому в субъективной реальности средства и механизмы системности реализованы не только по отношению к ее структурно-содержательным (субстанциональным) аспектам, но и по отношению к ее собственно временной, темпоральной организации. Обоснован новый методологический подход к исследованию индивидуальных качеств личности, с позиций которого они эксплицируются как один из представителей особого класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. С этих позиций предложено решение ряда принципиальных проблем психологии личности и дифференциальной психологии. Установлены и проинтерпретированы новые закономерности их структурно-функциональной организации и генетической динамики. Сформулированы обобщающие представления о целостной иерархической организации субъективной реальности, в основе которой лежит система пяти базовых типов качеств – материальных, функциональных, системных, виртуальных и метасистемных. Книга адресована психологам и представителям смежных областей, в которых исследуются фундаментальные психологические проблемы онтологии психического, а также природы и содержания субъективной реальности в целом.

Редакция журнала
«Ярославский психологический вестник»

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ. ABSTRACTS

Structural Explication of the Method of Psychological Profiles

A. V. Karpov

Corresponding member of RAE, doctor of sciences in psychology, dean of the Faculty of psychology, professor of the chair of labor psychology and organizational psychology of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation,

e-mail: anvikar56@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a theoretical analysis of the method of psychological profiles, on the basis of which the deep connection of this method with the methodology of structural psychological research is revealed and interpreted. The article substantiates the position according to which this method, on the one hand, and the methodology of structural and psychological analysis, on the other, are two complementary levels of research. Two main types of profiles are differentiated: "sawtooth" and "platonic", the determinants of the psychological plan proper, which are associated with each of them, as well as qualitative differences in the content and degree of expression of the mechanisms and means of the integrative type explicated by them, are identified and explained. The key questions of the epistemological plan, formulated at the junction of the methodology of profile and structural psychological research, are considered.

Key words: structure, method of structural analysis, multidimensional analysis, method of psychological profiles, structural patterns.

The Content and Specificity of Metacognitive Regulation of the Activity of the Subject-Information Class

A. A. Karpov

Doctor of psychology, professor of RAE, professor of the department of labor psychology and organizational psychology of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation,

e-mail: karpov.sander2016@yandex.ru

A. I. Kalacheva

Candidate of psychological sciences, associate professor of the department of labor psychology and organizational psychology of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation, e-mail: kulakova1992@yandex.ru

A. A. Volchenkova

Assistant of the department of labor psychology and organizational psychology of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation,

e-mail: 24crocus95@gmail.com

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the content of metacognitive regulation of information activity implemented on the basis of computer technologies. The specificity of the main subsystems forming the metacognitive sphere of the personality of IT specialists, which make up the content of this regulation, is characterized. The irreducibility of the content of each of the metacognitive subsystems to the additive complexity of its components (individual metacognitive processes and structures) is proved.

Key words: metacognitive processes metacognition, information activity, computer technology, metacognitive sphere of personality.

Intergenerational Differences in the Prosocial Behavior of Volunteers

N. V. Klyueva

Doctor of psychology, professor, head of the department of consulting psychology of Demidov Yaroslavl State University, Director of the Center for Corporate Training and Consulting of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation,

e-mail: nadejda@uniyar.ac.ru

E. A. Serova

Senior lecturer of the department of the social technologies of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation,

e-mail: Serova85@yandex.ru

Abstract. The article analyzes theoretical approaches to understanding volunteer activity as a form of prosocial behavior, taking into account intergenerational differences. The results of an empirical study conducted in 2022, the purpose of which was to study and compare the types of prosocial behavior of young and "silver" volunteers, as well as the relationship of types of prosocial behavior with the terminal values of volunteers, are presented. The study showed that by the type of prosocial behavior, groups of young and silver age volunteers have a similar profile. Both common and distinctive features of the relationship between terminal values and types of prosocial behavior were found in the two generations of volunteers studied.

Keywords: volunteer, intergenerational differences, generation, prosocial behavior, "silver" volunteers, values.

Differences in Personal Characteristics Scores in Opposite Types of Professional Environment

I. G. Senin

Candidate of psychological sciences, associate professor of the department of labor psychology and organizational psychology of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation,

e-mail: isenin@bk.ru

Abstract. The article gives the brief description of the study concerning significant differences of basic personal traits in opposite types of professional environment. Conclusion about the influence of the type of professional environment on the severity of basic personal traits is made.

Key words: professional environment, basic personal traits, significant differences.

Structural Patterns of Metacognitive Regulation of Information Activity

A. V. Karpov

Corresponding member of RAE, doctor of sciences in psychology, dean of the Faculty of psychology, professor of the chair of labor psychology and organizational psychology of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation,

e-mail: anvikar56@yandex.ru

A. V. Chemyakina

Candidate of psychological sciences, associate professor of the department of labor psychology and organizational psychology of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation,

e-mail: anyachemy@mail.ru

A. A. Volchenkova

Assistant of the department of labor psychology and organizational psychology of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation,

e-mail: 24crocus95@gmail.com

Abstract. The article presents the results proving that the factors of the meta-cognitive plan are important determinants of information activity and its main parameter – efficiency. This determination is not only significant, but also complex, since it is carried out in several plans and in a number of aspects simultaneously. It is shown that the determinative influence of the main subsystems included in the metacognitive sphere of personality is also fundamentally diversified, which manifests itself, in particular, in a significantly more significant effect on it of such subsystems that have a metacognitive orientation rather than a metacognitive one. This result is also an argument in favor of the need to differentiate two basic forms of reflection: cognitive and regulatory. In this regard, the concept of the metacognitive sphere of personality has been conceptually expanded and transformed into the concept of the metaprofessional sphere of personality, which includes not only one

category of metaprocesses – metacognitive, but also other categories of them that are also really represented, in particular, metaregulatory processes.

Key words: metacognitive processes, structure of activity, metacognitive sphere, information activity, structural patterns.

Program of the Empirical Study of Functional Comfort Specifics of Virtual Organization Employees

K. R. Spitsyna

Graduate third year of the Department of Humanitarian and social disciplines of MGOTU, "Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, pilot-cosmonaut A. A. Leonov",
e-mail: kamillaspitsyna@yandex.ru

Abstract. The article presents a theoretical model program of the empirical study of functional comfort specifics of virtual organization employees. Based on critical analysis and generalization of the results of the previous pilot empirical study of the psychological components of functional comfort, empirical hypotheses for study of psychophysiological components of functional comfort are formulated. A psychodiagnostic program has been developed, a research procedure has been formulated, an empirical base has been proposed, and a sample of participants in the upcoming study of characteristics of individual-personal properties of metacognitive sphere of workers in a virtual organization has been described.

Key words: methodology of psychological research, labor activity, functional comfort, reflexivity.

Functions and Qualities of the Mental Schemes in Insight

S. Yu. Korovkin

Doctor of psychology, associate professor of the department of general psychology of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation,
e-mail: korovkin_su@list.ru

Abstract. Insight, a creative solution, is one of the phenomena of finding a solution to a problem, which consists in the need to overcome an impasse that has arisen as a result of the construction of an irrelevant representation. Two opposite opinions, which are formulated in the problem space theory and the representational change theory, assume the presence of either high-level or low-level processes of representational change. In this paper, a new solution is proposed, which assumes the possibility of combining the strengths of each of the theories by introducing the concept of mental schemes into the explanation. Understanding how representation is constructed and changed in solving a problem allows us to explain how and why an irrelevant representation is formed and retained, as well as how low-level and high-level representational changes are possible at the same time.

Keywords: insight, thinking, schema, mental scheme, representational change, restructuring, problem space.

Socio-Psychological Features of Disadaptation of Minors as a Process of Violation of Social Adaptation

Yu. A. Latushkina

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Clinical Psychology of the Smolensk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,
e-mail: fomchenkova.yulya@yandex.ru

N. V. Proloopenkova

Senior Lecturer of the Department of Potological Physiology of the Smolensk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,
e-mail: nady.pro86@yandex.ru

P. A. Pobokin

Candidate of psychological sciences, associate professor of the department of general psychology, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation,
e-mail: p.pobokin@yandex.ru

Abstract. The article considers the socio-psychological features of disadaptation of minors as a process of violation of social adaptation. Violations of the psycho-emotional sphere in minors from socially disadvantaged

families underlying disadaptation were revealed. The developed psychocorrection program can be used in the work of the psychological service in order to overcome the difficulties of adaptation of minors.

Key words: adaptation, social adaptation, disadaptation, minors, psychological training, socio-psychological program.

Manifestation of Addiction Syndrome as Crisis Stage of Human

M. M. Temirgalieva

Clinical psychologist, Yaroslavl state narcological clinic, Yaroslavl, Russian Federation,
e-mail: mayamatveeva@mail.ru

E. V. Koneva

Doctor of psychology, head of the department of general psychology of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation,
e-mail: ev-kon@yandex.ru

Abstract. The article presents description of addictive syndrome in different psychological approaches. Personal factors, including value and meaning-life orientations, are formulated and using for personal typology based on these factors in groups of people with different level of addictive behavior. The results of research allow to made the conclusion about the existing personal types, based on level of psychological factors "using of people" and "controllability of life" in groups with different level of additional behavior.

Key words: addiction, addictive behavior, addictive person, crisis, value orientations, typology.

Cognitive Load of Unconscious Processes in Decision Making

N. Yu. Akatova

Postgraduate student of the Department of general psychology of Demidov Yaroslavl State University, engineer of the Laboratory for Cognitive Research of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation,
e-mail: nad.akatova@gmail.com

S. Yu. Korovkin

Doctor of psychology, associate professor of the department of general psychology of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation,
e-mail: korovkin_su@list.ru

Abstract. Most of the works dedicated to the problem of the correlation of the work of conscious and unconscious processes in decision-making and problem solving build their conclusions based on the results of the load or suppression of conscious processes. For a more reasonable proof of the influence of unconscious processes on decision-making, it is also necessary to block or load unconscious processes. In this article, a possible method of suppressing the work of unconscious decision-making processes by loading them was proposed and tested. A theoretical and experimental study was conducted aimed at studying the influence of the level of cognitive load of unconscious processes on decision-making. Unfortunately, the conducted research does not allow us to talk about the success of the development of such a technique. However, based on the experiments carried out in this work, we can assume further ways of developing this problem.

Keywords: decision-making, cognitive load, unconscious processes.

The Study of the Relationship between the Level of Selfishness and Interpersonal Relationships

E. Yu. Chichuk

Candidate of psychological sciences, associate professor of the department of personality psychology and general psychology of Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation,
e-mail: 13e@mail.ru

Abstract. The article examines the influence of egoism on interpersonal relationships. There are very few works related to this problem, therefore, the study of the connection of egoism with the nature of relationships is of both theoretical interest and practical significance for areas developing communicative problems.

Key words: egoism and its level, interpersonal relationships, communication skills.

Postponed Life Scenario and Ways to Replace It

V. N. Alekseeva

Candidate of philological sciences, associate professor of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation,

e-mail: aka_vscorpio@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the concept of "Postponed Life Scenario" and ways to replace it. This concept, introduced by Doctor of Psychology Professor Vladimir Petrovich Serkin in 1997, denotes a certain life scenario, according to which a person builds his behavior model, neglecting the solution of important problems of today. The article discusses ways to replace PLS: positive thinking, reducing hyper-responsibility, critical rethinking of values.

Key words: postponed life scenario, positive thinking, sanogenic thinking, reduction of hyper-responsibility, critical rethinking of values.

The Impact of Social Networks on a Person's Personal Growth

A. S. Afanasyeva

Candidate of psychological sciences, associate professor of the department of psychological and pedagogical education of the Domodedovo branch of the ANO VO "RosNOU", Domodedovo, Russian Federation,

e-mail: user13168@yandex.ru

O. V. Kustova

Master-student of Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russian Federation,

e-mail: okustova84@gmail.com

Abstract. The article examines the issue of the influence of social networks on a person's personal growth, in particular, how the use of the "VKontakte" social network contributes to the development and improvement of personal qualities of a person.

Key words: development, personal growth, self-esteem, personality, social network "VKontakte".

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акатова Надежда Юрьевна

аспирант кафедры общей психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», инженер учебно-научной лаборатории когнитивных исследований, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова» г. Ярославль, Российская Федерация, nad.akatova@gmail.com.

Алексеева Виктория Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Института иностранных языков, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова» г. Ярославль, Российская Федерация, aka_vscorpio@mail.ru.

Афанасьева Алла Сергеевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психолого-педагогического образования Домодедовского филиала АНО ВО «РосНОУ», г. Домодедово, Российская Федерация, user13168@yandex.ru.

Башкин Михаил Валерьевич

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация, 280774@list.ru.

Волченкова Анастасия Александровна

ассистент кафедры психологии труда и организационной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация, 24crocus95@gmail.com.

Калачева Анастасия Игоревна

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии труда и организационной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация, kulakova1992@yandex.ru.

Камакина Ольга Юрьевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии начального обучения Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского», исполнительный директор Ярославского регионального отделения Российского психологического общества, г. Ярославль, Российская Федерация, olekam@bk.ru.

Карпов Александр Анатольевич

доктор психологических наук, профессор РАО, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация, karpov.sander2016@yandex.ru.

Карпов Анатолий Викторович

член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии, декан факультета психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», председатель Ярославского регионального отделения Российского психологического общества, г. Ярославль, Российская Федерация, anvikar56@yandex.ru.

Кашапов Мергаляс Мергалимович

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и педагогической психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация, smk-007@bk.ru.

Клюева Надежда Владимировна

доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой консультационной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», директор Центра корпоративного обучения и консультирования ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация, nadejda@uniyar.ac.ru.

Козлов Владимир Васильевич

президент Международной Академии Психологических наук, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и политической психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация, kozlov@zi-kozlov.ru.

Конева Еалена Витальевна

доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация, ev-kon@yandex.ru.

Коровкин Сергей Юрьевич

доктор психологических наук, доцент кафедры общей психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация, korovkin_su@list.ru.

Корнилов Юрий Константинович

кандидат психологических наук, профессор, г. Ярославль, Российская Федерация, kornju@list.ru.

Кустова Ольга Вячеславовна

магистрант кафедры «Психология», специальность «Организационная психология» ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева (АГУ)», г. Астрахань, Российская Федерация, okustova84@gmail.com.

Латушкина Юлия Андреевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии ФГБОУ ВО «Смоленский государственный медицинский университет» Минздрава России, г. Смоленск, Российская Федерация, fomchenkova.yulya@yandex.ru.

Мазилев Владимир Александрович

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Института педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль, Российская Федерация, v.mazilov@yspu.yar.ru.

Побокин Павел Анатольевич

кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», г. Смоленск, Российская Федерация, p.pobokin@yandex.ru.

Прокопенкова Надежда Васильевна

старший преподаватель кафедры патологической физиологии ФГБОУ ВО «Смоленский государственный медицинский университет» Минздрава России, nady.pro86@yandex.ru.

Саковская Ольга Николаевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация, orisona@gmail.com.

Сенин Иван Геннадьевич

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация, isenin@bk.ru.

Серова Елена Александровна

старший преподаватель кафедры социальных технологий ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация, Serova85@yandex.ru

Слепко Юрий Николаевич

доктор психологических наук, доцент, декан педагогического факультета ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль, Российская Федерация, slepko@inbox.ru.

Смирнов Александр Александрович

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация, asmirnov1970@bk.ru.

Соловьева Елизавета Валерьевна

стажер кафедры педагогики и педагогической психологии, магистрант ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация, solovyeva.ev205@gmail.com.

Солондаев Владимир Константинович

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация, solond@yandex.ru.

Спицына Камилла Рустамовна

аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин ГБОУ ВО МО «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, лётчика-космонавта А. А. Леонова», kamillaspitsyna@yandex.ru.

Темиргалиева Майя Михайловна

медицинский психолог, Ярославская областная клиническая наркологическая больница, г. Ярославль, Российская Федерация, mayamatveeva@mail.ru.

Трифонова Светлана Алексеевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и политической психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация, sv-trif@mail.ru.

Чемякина Анна Вадимовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация, anyachemy@mail.ru.

Чичук Елена Юрьевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Российская Федерация, 13e@mail.ru.

